

Материалы Международной конференции «Маргиналии-2015: границы культуры и текста», Полоцк (Республика Беларусь)

27-30 августа 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Тезисы докладов

1. **Е.А. Агеева** (Москва). «Святые все на осликах»: устная история староверов казаков-уральцев Каракалпакии
2. **Паулюс Адельсгрубер** (Вена, Австрия). О «цивилизационных границах» и шлагбаумах: Разные уровни восприятия восточногалицийско-российской границы в западноевропейских и русских отчетах о путешествиях, 1798-1890 гг.
3. **Наталья Азарова** (Москва). От записи к целому тексту (на материале реконструкций записей Айги)
4. **Н.М. Азарова, С.Ю. Бочавер** (Москва). Дневник философа или философский дневник
5. **С.В. Алпатов** (Москва). «Заграничная рифма» в русском пословичном репертуаре
6. **Д.Е. Афиногенов** (Москва). Путешествие одного текста: Псевдо-Иосиф, Георгий Монах, Лѣтовникъ (III–XIV вв.)
7. **М.В. Ахметова** (Москва). Маргинальные / несуществующие / искусственные» катойконимы: окказиональное и систематическое
8. **Б.И. Беленкин** (Москва). XX съезд КПСС: записки на полях и записки из зала
9. **Н.А. Белякова** (Москва). Маргиналы, субкультура или религиозное сообщество: евангельские христиане баптисты и их самиздат в контексте советско-диссидентской культуры 1970-80-х гг.
10. **Ф.Н. Блюхер** (Москва). Исторические формы дискурса
11. **М.А. Бобрик** (Москва), **Д.Я. Калугин** (С.-Петербург). "Бодрый наш народ": об одном гапаксе в терминологии русской национальной идеи
12. **Н.Г. Брагина** (Москва). «Погода на троечку», или что обозначают числовые диминутивы
13. **М.Н. Бунос** (Минск, Беларусь). Хаим Сутин: Воспоминания о художнике как источник развенчания мифа
14. **Н.В. Бунтман** (Москва). Текст и картинка. Перевод комиксов – трудности и решения
15. **М.В. Быков** (Москва). diglossa.ru, язык, СПО
16. **И.А. Вознесенская** (Санкт-Петербург). Записки В.А. Нащокина — рецепция документа в мемуаристике XVIII в.
17. **Ю.Е. Галямина** (Москва). Корпус кетских письменных текстов: особенности истории кетского письма
18. **А.А. Гиппиус** (Москва). Химипет и падение редуцированных
19. **М.В. Головизнин** (Москва). Анимистические архетипы в «новой прозе» Варлама Шаламова
20. **Н.А. Гоманюк** (Херсон, Украина). Внешнее расширение социальной группы посредством документальных жанров
21. **И.Б. Городецкий** (Москва). Авторская картина мира в дискурсе А.П. Платонова: от записных книжек к анализу детских сказок

22. **С.А. Горская, Е.А. Коваль** (Гродно, Беларусь). Наименования религиозных праздников в говорах Гродненщины
23. **А.И. Грищенко** (Москва). Варьирование в перечнях чистых и нечистых животных в славяно-русских списках Пятикнижия
24. **С.Л. Гурко** (Москва). К методологии исследований дискурса
25. **Н.М. Долгорукова** (Париж – Москва). На границах литературы и истории: французская историография XII века
26. **С.М. Евграфова** (Москва). Проблема недиагностируемых коммуникативных неудач в учебно-научном дискурсе
27. **И.В. Ерохина** (Тула). Ахматова VS «Петербургские зимы»: к вопросу о пограничности мемуарного текста
28. **Е.Н. Зарецкая** (Москва). Об истории создания одной книги
29. **Ю.П. Зарецкий** (Москва). Профессор Виганд о Московском университете второй половины XVIII века
30. **Т.С. Зевахина** (Москва). Доболюговый перыод епистолярного жанра: письма Венедикта Ерофеева к сестре
31. **С.В. Зеляню** (Мінск, Рэспубліка Беларусь). “Чужы” тэкст у загалюках медыятэкстаў і праблема яго інтэрпрэтацыі адрасатам
32. **Е.В. Зименко** (Москва). «Книга отзывов» первой выставки русской и советской живописи в Лондоне: в какой мере состоялся культурный обмен?
33. **Н.А. Зиневыч, Т.С. Сторожко** (Киев, Украина). Памятные даты в культурном пространстве цыган
34. **В.Л. Каганский** (Москва). Основные зоны культурного ландшафта. Типы границ / переходных зон
35. **Ю.В. Кагарлицкий** (Москва). Споры о языке и характерологическая революция (замечания А.С. Шишкова к фрагменту «Таинств Удольфских»)
36. **О.А. Казакевич** (Москва). «Я хотела написать книгу...»: полевой лингвист как фиксатор и транслятор уходящей культуры
37. **И.Б. Качинская** (Москва). МАТИЗМЫ и их ЭВФЕМИЗМЫ в архангельских говорах
38. **М.Н. Кибальная** (Москва). «По прошедшему мы можем судить о будущем»: дневник А.Ф. Кистяковского
39. **Александр Киклевич** (Ольштын, Польша). You Tube против «Словаря русского языка», или о том, как последние становятся первыми
40. **Е.И. Кислова** (Москва). Провинциальная и приходская проповедь в культуре русского 18 века
41. **А.А. Кожинова** (Минск, Беларусь). Маргиналии на полях Книги Даниила из Виленского ветхозветного свода
42. **Е.Б. Козеренко** (Москва). «Наших дедов мечта невозможная» - Учредительное собрание в Черных тетрадах Зинаиды Гиппиус
43. **Н.З. Коковина, Е.А. Самофалова** (Курск). Древний город Рыльск в рукописных воспоминаниях Э.А. Коротневой
44. **А.Г. Кравецкий** (Москва). История грамотности в России: на границе методов и подходов
45. **Г.Е. Крейдлин** (Москва). Язык тела одного из малочисленных народов России
46. **В.Н. Криволапов** (Курск). Волшебная сказка и особенности сюжетостроения романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»
47. **Е.М. Криволапова** (Курск). Дневник З.Н. Гиппиус «О Бывшем»: криптографический аспект
48. **Н.В. Кузнецова** (Тюмень). «На случай важных переговоров»: креолизованные интернет-жанры как средство выражения реакции в интернет-комментариях
49. **И.П. Кулакова** (Москва). Дневник юного масона (1775-1776 гг.): вариант самоописания
50. **М.А. Кучерская** (Москва). «Кому на Руси жить хорошо» как романтическая поэма (без тезисов)
51. **Э.К. Лавошникова** (Москва). «Подводные камни» в компьютерной системе коррекции правописания MS Word

52. **Н.В. Ликвинцева** (Москва). Текст о святости и святость: преподобномученица Мария (Скобцова) как агиограф
53. **А.Л. Лифшиц** (Москва). К 300-летию падения Константинополя: анонимная стихотворная драма «Иеронима и Солиман»
54. **Ф.Б. Людоговский** (Москва). Семейные предания, записанные Н. А. Изюмским
55. **А.П. Люсый** (Москва). ЛЕВИАФАН LUDENS: Философия границы как экзистенциальная эпистемология
56. **Е.Н. Марасинова** (Москва). Священник в роли увещателя и дознавателя: церковь и уголовное право в России второй половины XVIII века" (без тезисов)
57. **А.М. Маркус** (Челябинск). Потенциал военной дневниковой прозы
58. **С.А. Мартянова** (Владимир). Маргинальное в романе Владимира Войновича «Монументальная пропаганда»
59. **И.П. Михайлова** (Курск). Курский союз поэтов в культурном пространстве провинции
60. **М.Ю. Михеев** (Москва). Автобиографический текст А.К.Гладкова в архиве РГАЛИ
61. **С.М. Михеев** (Москва). Некириллические граффити в Софии Новгородской (без тезисов)
62. **Н.Н. Мурзин** (Москва). «Властелин Колец» Толкина как пример преодоления традиционных культурных границ
63. **С.Е. Никитина** (Москва). Русские конфессиональные группы: маргинальность и самодостаточность
64. **Е.С. Островская** (Москва). "Последняя вагонетка наверх": Гарольд Хезлоп и советский читатель 30-х годов [без тезисов]
65. **Е.Н. Пенская** (Москва). Понятие «границы» в мемуарном опыте Д.И. Журавлева
66. **Я.А. Пенькова** (Москва). Маргинальные употребления императивных форм в восточнославянских памятниках XII–XVI вв.: между грамматикой и риторикой
67. **Н.А. Петрова** (Пермь). «Мне скучно без Довлатова» Е. Рейна как свод маргинальных текстов
68. **А.А. Плетнева** (Москва). Уход за младенцем: практики, тексты и культурные конфликты
69. **С.К. Пожарицкая** (Москва). Редупликация в русской литературной и диалектной речи
70. **Е.А. Потехина** (Ольштын, Польша). Диалектная фонология: маргиналии теории языка
71. **А.А. Преображенская** (Москва). «Аще и неправедное мое есть собрание неправедно погибнет»: духовные грамоты из «канцелярии» Симеона Полоцкого
72. **А.В. Птенцова** (Москва). Древнерусское криво: где граница между существительным и наречием?
73. **Е.Э. Разлогова** (Москва). К проблеме сопоставления текстов
74. **А.И. Резниченко** (Москва). Дурыйлинский рассказ «Грех земле» (1919) и его внелитературные коннотации
75. **О. Г. Ровнова** (Москва). Об опыте издания рукописной книги старообрядца из Южной Америки
76. **Т.В. Рождественская, М.В. Рождественская** (Санкт-Петербург). «Примечания к анкете»: из эпистолярного наследия Всеволода Рождественского (письма 1941 – 1945 гг. из личного архива)
77. **Е.Н. Руденко** (Минск, Беларусь). Виленский сборник – текст на границах художественного
78. **Е.Л. Рудницкая** (Москва). Влияние русского языка, возрастных категорий и других факторов на особенности употребления грамматики в устных рассказах на эвенкийском языке 2005-2011 гг.
79. **Ирина Савкина** (Тампере, Финляндия). «Осколки, отражения, извращения, кривое зеркало, непроявленные негативы, балаганчики»: Дневник Софьи Казимировны Островской
80. **Н.А. Селунская** (Москва). Штрихи к портрету ведьмы: идентичность и биографические данные в инквизиционном процессе Венеции эпохи Чинквеченто
81. **С.Ю. Семенова** (Москва). Образ ИНИОНа в дневнике автора 1993 — 2004 гг.
82. **Е.Г. Серебрякова** (Воронеж). Эффект «семантической неполноты» в литературно-публицистическом наследии диссидентов

83. **И.Ю. Смирнова** (Москва). Два визита в Великобританию: дистанция в двадцать лет (записка А.Н. Муравьева и отчет протоиерея Иосифа Васильева)
84. **Е.М. Сморгунова** (Москва). Книги Симеона Полоцкого в Славянской Библиотеке Медона
85. **М.Г. Соломатина** (Москва). Боги и святые, праведники и грешники (Народное православие в лексико-семантическом аспекте. По материалам архангельских говоров)
86. **А. Г. Степанов** (Тверь – Ланьчжоу (Китай)). Об одной стихотворной маргиналии (семантика "мнимой прозы")
87. **Е.В. Степанян-Румянцева** (Москва). О маргинальных комментариях к роману «Идиот»
88. **М. В. Строганов** (Тверь). Неангажированность как маргинальность: Случай И. С. Беллюстина
89. **Е. Н. Строганова** (Тверь). «Параллельные» тексты М. Е. Салтыкова (к вопросу о специфике писательского эпистолярия)
90. **И.З. Сурат** (Москва). Слово «любить». Об одном варианте у Мандельштама
91. **О.В. Трефилова** (Москва). Черты юго-западных болгарских говоров в надписях на фресках периода Болгарского возрождения
92. **О.В. Тюренкова** (Москва). Пустозерск: право на историческое имя (или как одна словарная ошибка может переименовать город)
93. **А.В. Уланова** (Москва). Тихон Фаддеев – новое имя в антологии «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...»
94. **Н.А. Фатеева** (Москва). Книга В. Кальпиди «Контрафакт»: пародия или всерьез? **А.И. Федута** (Минск). «Лучше жить в глухой провинции...» (Письма К. Контрыма В. Анастасевичу)
95. **А.А. Фролов** (Тверь). О двух интерполяциях к Уставу новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. ("а се обонезьскыи ряд" и "а се бежичьскыи ряд")
96. **Л.С. Чаковская** (Москва). Маргиналии религиозного опыта: Фрески дура европос в религиозном контексте города [без тезисов]
97. **Е.А. Черных** (Москва). Выходная запись попа Упыря Лихого о написании им книги «искоуриловице» как уникальный источник по истории древнерусской культуры
98. **С.Ф. Членова** (Москва). Между изображением и словом: искусствовед-литератор Н.А. Дмитриева
99. **А.В. Шалаева** (Москва). Символика и мифология на границе: проводник к бесконечному и позитивный стандарт научности
100. **И.А. Шаронов** (Москва). Эмоции как инструмент диалогического взаимодействия
101. **Я.Г. Шемякин** (Москва). Концепт пути: маргиналия или центр смыслового пространства русской культуры?
102. **О.Д. Шемякина** (Москва). Место архаики в имперском дискурсе и в культуре русского авангарда: периферия или остров
103. **Г.Г. Шеянов** (Москва). Сквозь границы (история одной семьи)
104. **А.Д. Шмелев** (Москва). От премудрого до смешного: еще раз о хохме и остроумии
105. **Е.Я. Шмелева** (Москва). Язык современной Русской церкви: стилистическая чересполосица
106. **Е.Л. Шнитке** (Москва). Освоение письменного языка в прошлом и настоящем: берестяные грамоты и письма современных детей (без тезисов)
107. **Е.В. Юферева**. Геопоэтика «своего» пространства: провинция в русском путевом цикле конца XIX века

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гуманитарное знание предлагает традиционное членение предметных сфер, которыми занимаются специалисты, работающие в конкретных областях. При этом целые пласты явлений оказываются маргинальными, попадают на «ничейную» территорию, находясь

между – лингвистикой и психологией, философией и историей, искусствоведением, культурологией и т. д. Между тем анализ подобных явлений с обращением к еще не охваченному традиционными дисциплинами материалу кажется наиболее эффективным способом развития методологии гуманитарного знания. Именно таким «пограничным» областям знаний посвящена данная конференция.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

междисциплинарные исследования, центр и периферия, границы культур, маргинальное в тексте, говорящий, пишущий, повествователь, рассказчик, адресат, дневниковый текст, эго-текст, автокоммуникация, автобиография, агиография, мемуары, «наивные» тексты, «свое» и чужое слово, подтекст, несобственно-прямая речь, проблемы подлинности текста

Наши конференции традиционно проводятся в небольших провинциальных городах, ставших эпохой в истории русской культуры.

Это уже пятая подобная конференция.

Первая проходила в 2008 году – в Юрьеве-Польском, городе Владимиро-Суздальской Руси, создавшем архитектуру мирового значения, но всегда остававшимся окраиной.

Вторая, в 2010 году – на севере, в Каргополе – на водоразделе Беломорского и Балтийского бассейнов.

Третья, в 2012 году, в Касимове – городе, через всю историю которого проходила идея границы.

Четвертая, в 2014 году, в Ельце – одном из самых древних пограничных городов России, возникшем на Юго-восточной окраине Киевской Руси еще в XI веке.

Пятая, в 2015 году, прошла – в Полоцке, самом древнем городе Беларуси и одном из старейших городов восточных славян, стоявших на пересечении с культурными традициями Западной Европы.

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ В ПОЛОЦКЕ

Научно-исследовательский вычислительный центр Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

Федеральный исследовательский центр "Информатика и управление" Российской академии наук – Институт проблем информатики РАН (Москва)

Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (Полоцк, Беларусь)

ОРГКОМИТЕТ

Михаил Юрьевич Михеев, доктор филологических наук, в.н.с. Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ (председатель оргкомитета и программного комитета)

Александр Геннадьевич Кравецкий, кандидат филологических наук, в.н.с. ин-та русского языка РАН (зам. председателя оргкомитета)

Елена Борисовна Козеренко, кандидат филологических наук, заведующая лабораторией Компьютерной лингвистики и когнитивных технологий обработки текстов Федерального исследовательского центра "Информатика и управление" РАН - Института проблем информатики РАН

Тамара Александровна Джумантаева, кандидат культурологии, директор Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника

ТЕМАТИКА КОНФЕРЕНЦИИ

- 1) «От окраины к центру»: проблемы изучения периферии русского культурного пространства.
- 2) Текст на границах художественного – как объект исследования разных гуманитарных дисциплин.
- 3) Дневниковый и биографический текст: дневники, записные книжки, письма, маргиналии, мемуары.

* * *

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Е.А. Агеева (Москва)

«Святые все на осликах»:

устная история староверов казаков-уральцев Каракалпакии^[1]

Казаки-уральцы были выселены в пределы нынешнего Узбекистана в связи с их протестами против военных реформ, назревших, по мнению власти, после неудач в Крымской войне. Уставом «О воинской повинности» от 1 января 1874 г. в России вместо рекрутских наборов вводилась всесословная воинская повинность: независимо от сословной принадлежности лица с 21 года призывались в армию, но не все, а только те,

кто вынул жребий. Остальные зачислялись в ополчение. Но в Уральском казачьем войске (УКВ) давно укрепилась сложная многослойная военно-хозяйственная система «наемки», состоящая в самых общих чертах в том, что на военную службу выдвигались желающие разных возрастов, а оставшиеся выделяли им «подмогу» для приобретения снаряжения, соответствующую продолжительности и условиям той или иной военной службы. Даже по мнению войскового начальства, наемка хороша была именно потому, что вырабатывалась самим населением, сообразно с бытом уральцев, их средствами и образом жизни. Казаки исполняли все свои воинские обязанности, но при условии, что наемка оставалась бы без изменения. Преобразования, предпринятые в 1874 г., затрагивали все стороны казачьего уклада и трудно воплощались на деле. В уравнивании себя с другими воинскими соединениями уральцы увидели попытку власти ограничить их и в исповедания старой веры. Об этом свидетельствовали и предзнаменования: неурожай 1872 года был провиден благословленными стариками ранее, рождение чудо-ребенка, который сразу встал и заговорил, окрашивание неба в конце января в красновато-багровый цвет. Появились предсказания о наступлении конца света через 28 лет. Упали уловы рыбы, засуха истребляла сенокосные угодья. 29 мая 1873 году русскими войсками, в том числе и отличившимися в походе пятью уральскими сотнями, была взята Хива, считавшаяся на Урале «заклятым городом». В старообрядческой среде было распространено мнение, что крах Хивы предвещает конец света. Несмотря на прошения и протесты казаков, правительственным указом они были сосланы на земли, прилегающие к правому берегу Амударьи и перешедшие к России по договору с ханом, что означало начало русской колонизации этих мест. Первая партия – 144 казака, наиболее именитых и заслуженных, надев награды, пошли сами, получив имя, сохранившееся надолго, – «казаки-уходцы». Уходцы, уверенные, что подписка под военным указом 1872 г. означает отречение от Старой Веры, в основном, так и не согласились возвращаться на родину. Освоение низовьев Амударьи и Приаралья во многом свидетельствует об уникальных способностях старообрядцев к адаптации к любым, даже очень трудным условиям. В Туркестане было главное – возможность нерушимо хранить и соблюдать веру предков. Сложившаяся группа отличалась особой сплоченностью и замкнутостью, что привело к выработке сложной системы ограничений и запретов, в первую очередь, необходимых для того, чтобы избежать растворения в иноязычном и инокультурном окружении и сохранить чистоту веры.

В настоящее время в Каракалпакии осталась лишь малая часть некогда большой, до 3-х тыс. человек, группы переселенцев. Значительная часть уральцев оставила эти места в 1990-х гг., разъехавшись по России. Одной из наиболее многочисленных на сегодняшний день представляется община поселка Респо (Нукус), где сохранилась моленная, построенная по архитектурным традициям уральцев ещё в 1946 г. Главную роль в духовной жизни и в принятии важных решений в среде уральцев до сегодняшнего дня играют благословленные старики – «дедушки», «дединьки». Беседы с дедушкой Савином Ивановичем Макарчевым 1930 г.р. о самых разных событиях жизни, в том числе и встрече ночью с Николаем Угодником, и будет посвящен доклад.

Агеева Елена Александровна

научный сотрудник

музей истории МГУ имени М.В. Ломоносова

О «цивилизационных границах» и шлагбаумах:

Разные уровни восприятия восточногалицийской-российской границы

в западноевропейских и русских отчетах о путешествиях, 1798-1890 гг.

Отчеты о путешествиях могут быть релевантными источниками для историков, однако они несут с собой специфические вызовы, которые связаны с часто неясными линиями между фикциональными элементами и фактическим.

В предлагаемой презентации представлены отчеты десяти европейских путешественников (три из Царской России^[2] и семь из Центральной и Западной Европы^[3]), которые пересекли австрийско-российскую границу (преимущественно между пограничными городами Броды и Радзивиллов) во временных рамках между 1798 и 1890 годами. Среди них встречаются такие известные имена, как Николай Лесков и Оноре де Бальзак, а также ряд неизвестных авторов путешествий, например, русский морской офицер Владимир Броневский или английский кавалерист лейтенант Томас Лумсден.

В связи сданными отчетами в докладе обсуждаются следующие вопросы:

1. Концепция «**цивилизационных границ**»: австрийско-российская граница в сравнении с другими западноевропейскими и российскими отрезками границ;
2. **Встречи путешественников с населением и культурным наследием**: различные уровни восприятия и изложения.
3. **Микроуровень и материальный мир**: процессы, объекты, личности, а также эмоции в моменте пересечения границы.

Обращаем внимание на те факторы, которые важны для (субъективного) восприятия и конструкции "цивилизационных границ" (н.п. по Larry Wolff). Оказывается, что важны не только географическое и социальное происхождение путешественников, а важным также являются направление путешествий: Особенно это можно отметить в случае путешествий англичан из Индии обратно в Лондон: они воспринимают персидско-российскую границу на Кавказе (а также порт Одесса) как первую "цивилизационную границу" (ну, а австро-российская граница является второй). В данном случае Российская Империя считается цивилизованным государством. В отчетах других авторов находим совсем иное восприятие.

Обнаруживается также совсем разное восприятие местного населения, н.п. евреев, не в последнюю очередь в дискурсе экзотичного. По текстам англичане в заметках значительно меньше внимания уделяют негативному восприятию/представлению евреев, чем это делали континентальные европейцы. Другой аспект касается стереотипа "красивой еврейки". При изображении же городов бросается в глаза противопоставление многими авторами в негативном плане пограничного города Броды и светлого образа культурного города Львова. Сравнительную ситуацию можно наблюдать и со "светлым" российским городом Одесса.

При всей условности дискурсного анализа, возвращаемся к непрерывности конкретно-вещных уровней, которым были подвержены все путешественники в различных проявлениях: рассказ о путешествии *per se*, о формальных событиях, времени

ожидания, о контролях на границе и т. д. К вещному уровню в некотором смысле я причисляю описание пограничных ландшафтов и эмоций. Поднимается вопрос о том, какие факторы указывают на общность в отчетах о поездках и как и в чем это выражается.

Paulus Adelsgruber
аспирант исторических наук, Венский Университет

Magister/Master, Wien, Österreich

Наталья Азарова(Москва)

От записи к целому тексту

(на материале реконструкций записей Айги)^[4]

В 2014 г. в издательстве «АРГО-РИСК» вышла новая книга Геннадия Айги, которая представляет собой выполненную Наталией Азаровой и Татьяной Грауз реконструкцию по записным книжкам и черновикам ранее не публиковавшихся текстов поэта. Почти все стихотворения, включённые в книгу, не представляли собой цельных текстов в черновиках, поэтому метод реконструкции предполагал значительный отход от традиционных филологических принципов: использовался выбор из нескольких, часто многочисленных, вариантов одних и тех же строк, компиляция нескольких вариантов одного и того же текста, исключение некоторых строк. Ряд стихотворений составлялся реконструкторами как ребус, по частям, из нелинейно расположенных записей и зачёркиваний. В процессе превращения предтекста в текст в случае отсутствия заглавия стихотворения озаглавливались (варианты «Без названия» или «Запись», в зависимости от формата) и проставлялась дата (в некоторых случаях «дата под вопросом»). Это было основано на том, что все прижизненные стихотворения Айги озаглавлены и датированы.

Большая часть стихотворений книги написаны в формате *записи*, то есть пограничных текстов (находящихся на грани двух типов дискурса – поэтического и философского), - текстов, призванных передать изначальное состояние «свёрнутости» мысли. Логика небольшого объёма текста каждой отдельной *записи* помещает эти структуры как в поле афоризма, так и в поле фрагмента и отрывка, однако по законченности и отношению к целому запись ближе к отрывку как случайно неоконченному проекту, чем к фрагменту, отражающему известную моду на фрагментарность, своеобразную эстетическую норму в литературе XX в.

Момент оформления подобного текста может быть в сравнительной мере случайным, то есть автор, перечитывая и просматривая записи, обнаруживает, что возможно перевести некоторые из них из одного статуса в другой (объявить текст законченным). В любом случае, как авторское решение об определении степени законченности текста, так и решение реконструктора объявить текст цельным, является в известной мере волевым. Опубликованный текст в какой-то мере несет на себе отпечаток прежнего состояния предтекста. Реконструктор осуществляет идею «изъятия» по отношению к записи из черновиков не только совершая формальную операцию

превращения предтекста в текст, но и соотнося полученный формат записи с понятием «свернутости», недоопределенности.

Особое внимание уделялось графическому оформлению текста. Так, в ряде случаев использовалась графика черновика, что, несколько отличаясь от приёмов графического оформления текста у Айги, тем не менее может мыслиться как их развитие. Целый ряд знаков у Айги обладают пограничной природой, например, знак равенства – это и указание на единство и свернутость мысли, на состояние предтекста, и традиционное для философского текста мышление формулой, но он также принадлежит и авангардной пунктуации Айги, использующей разные визуальные коды. Особый интерес представляют тексты, в которых кроме основной присутствует вторичная запись (запись на полях). При реконструкции решается вопрос, что это - своеобразный комментарий к стихотворению, некий метатекст, или отдельный самостоятельный текст – какова степень случайности / неслучайности соединения двух или более записей?

Азарова Наталия Михайловна

д.филол. н., в.н.с. Ин-та языкознания РАН

Н.М. Азарова, С.Ю. Бочавер (Москва)

Дневник философа или философский дневник

Целью данного доклада является ввести в лингвистический обиход дневники русских философов как особый тип маргинального текста. Корпус дневников представлен текстами русских философов XX в.: С.Л. Франка, И.А. Ильина, А.Ф. Лосева, С.Н. Булгакова, Я.С. Друскина, Б. Гройса, В.В. Бибикина и др. Рассмотрение этих текстов позволяет поставить вопрос о границах философского дискурса и способах его бытования в конвенциональном формате дневника.

Пределным случаем здесь является дневник Бориса Гройса, представляющий собой собственно философский текст в форме, но не формате дневника. Под форматом в данном случае мы понимаем специфическое и заранее заданное сочетание формы текста и его содержания.

Уже в первой записи философ сам объясняет, что для него дневник – это особый вид философского текста: «**Писать философию**», а не дневник... для меня в дневнике важно только то, что записи датируются [Гройс1989: 5]. Дневник нужен философу для того, чтобы свободнее конструировать мысль, при этом сам формат дневника игнорируется: в тексте нет экзистенциальных привязок, события жизни в нем не упоминаются. В этом дневнике не эксплицируется прямо, почему тот или иной текст написан в тот или иной день, в отличие от конвенционального дневника, в котором, как правило, выявляется связь между событиями и записью.

Другой пример дневника – о. Сергия Булгакова – показывает, что его текст правильнее определять как дневник философа, а не как философский дневник: перед нами типичный духовный дневник, но написанный философом, чьи дневниковые записи никак не соотносятся с собственно философским дискурсом.

Между этими предельными случаями находятся именно те тексты, для которых релевантны оба определения: *дневник философа* и *философский дневник*. В качестве характерного примера здесь можно назвать дневник Якова Друскина, который философ вел на протяжении 50 лет.

Дневник философа – идеальная форма для заметок, очерчивания или даже составления плана будущей работы. Однако, хотя эта функция может быть включена и в дневник ученого, дискурсивная рамка (или рамка формата) философского дневника позволяет то разводить, то совмещать понятийный, включая терминологический, и экзистенциальный (интимный, личный) планы.

Эта особенность оказывается особенно удобной для экзистенциального и феноменологического мышления, что находит выражение в языке и грамматике текстов Друскина: прежде всего, в особой структуре даты, в местоименной поэтике, для которой характерны переходы от я как понятия к Я говорящего, а также в поэтике так называемых «экзистенциальных слов» –сейчас, теперь, здесь, – также способных совмещать обозначения конкретных точек во времени и пространстве (так же, как в конвенциональном дневнике) и концептуализироваться как философские понятия:

4. (1) Я, как ничто;
5. (2) я признаю; выбирая невыбор, я уже выбрал, значит выбрал выбор;
6. (3) *Сейчас* моей души открылось, опустошено, и там Ты.

Представляется, что в этой возможности разделения профессионального и экзистенциального планов на языковом уровне кроется существенное отличие дневника философа и философского дневника от дневников людей других профессий. Не случайно можно сказать *философский дневник*, но нельзя **физический дневник*. В дальнейшем было бы интересно сопоставить дневники русских философов с дневниками ученых, например филологов.

Азарова Наталия Михайловна

д. филол. н., проф., в. н. с. Института языкознания РАН

Бочавер Светлана Юрьевна

к.ф.н., н.с. отдела теоретического и прикладного языкознания ИЯз РАН

С.В. Алпатов (Москва)

«Заграничная рифма» в русском пословичном репертуаре^[5]

В подписях к военным афишам и открыткам серии «Сегодняшний лубок» (1914) В. Маяковский регулярно соединял победную риторику с глумливой раешной рифмой:

«Шел австриец в Радзивилы, / Да попал на бабы вилы...

Глядь, поглядь, уж близко Висла; / Немцев пучит – значит, кисло!

Ах ты, милый город Люблин, / Под тобой был враг изрублен.

Как австрийцы да за Краков / Пятят, будто стадо раков» [4. С.358–359].

По мнению исследователей, в лубочных подписях Маяковский использовал «приемы футуристической поэтики: сдвиги, переносы, экзотические рифмы, основанные на подборе созвучия к иностранным словам и названиям» [8. С.829].

Однако прием гротескной рифмовки прецедентных топонимов имеет глубокие корни в солдатских исторических песнях: «Ах ты славный наш Хотин, / Мы стоять в тебе хотим» (1769) [3. С.249], с одной стороны, и в ярмарочного фольклоре: «Перед вами город Краков. Продают торговки раков... Город Варшава, река Висла, да в ней вода скисла» [6. С.323–325], с другой стороны.

Особый интерес вызывает следующая пара контекстов из подписей Маяковского:

«Ну и треск же, ну и гром же / Был от немцев подле Ломжи!

Эх ты немец, при да при же, / Не допрешь, чтоб сесть в Париже» [4. С.360].

В них назойливо звучит «жужжащая» рифма, которую впоследствии использовал В. Высоцкий в песне «Письмо к другу»: «Ваня, мы с тобой в Париже, / Нужны – как в русской бане лыжи!», а ранее активно эксплуатировали раешники: «Был я в Италии, был и подале, был я в Париже, был и поближе», «Город Париж, приедешь – угоришь. Кто не был в Париже, так купите лыжи: завтра будете в Париже» [6. С. 49, 326] и гимназические дразнилки-«покупки»: «Подари жь у Ёхаль въ Парижь, а остался одинъ Купи жь (отвѣтъ на просьбу: подари жь)» [5. С.639].

В том же фоносемантическом ряду находятся просторечное выражение «загнать за Можай» [1. С.69–70], клише «удалых» песен: «Кому ехать в Камышин – тот и паспорт не пиши. / Кто поехал в Разгуляй, тот билет не выправляй» [7. С.159], а также финальная формула «Сказания о роскошном житии и веселии» XVII в.: «А ково перевезуть Дунай, тот домой не думай» [2. С.411].

Таким образом, раешная рифма, гротескно обыгрывающая названия прецедентных топонимов, обслуживает общий паремийный репертуар авторской и народной лирики, лубочных агиток, торговой рекламы и школьного фольклора Нового времени.

1. Березович Е.Л. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции // Славяноведение. М., 2002. № 6. С. 60–71.
2. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2010. Т. 16.
3. Исторические песни XVIII века / Изд. подг. О.Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л.: Наука, 1971.
4. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. ГИХЛ, 1955–1961. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов. М., 1955.
5. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. СПб., 1912.
6. Народный театр / Сост. Н.И. Савушкина, А.Ф. Некрылова. М., 1991.
7. Новичкова Т.А. Эпос и миф. СПб.: Наука, 2001.
8. Терехина В.Н. Военный лубок Маяковского и Малевича // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: публикации, исследования и материалы / Отв. ред. В. В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С.827–834.

Алпатов Сергей Викторович, к.ф.н.

доцент филологического факультета

МГУ им. М.В.Ломоносова

Д.Е. Афиногенов (Москва)

Путешествие одного текста:

Псевдо-Иосиф, Георгий Монах, Лѣтовникъ (III–XIVвв.)

Несколько независимых источников VI–IX в. упоминают трактат «О вселенной» или «Против Платона», приписываемый Иосифу Флавию. Патриарх Фотий (кодекс 48 «Библиотеки») приводит выдержку из него и отмечает, что авторство Иосифа вызывает сомнения из-за того, что сочинение прямо говорит о Христе и Его неизреченном рождении от Отца. В любом случае, это произведение можно датировать не позже III в. В рукописи неопубликованной первоначальной версии хроники Георгия Монаха (Coislinianus 305) обнаружилось еще 4 фрагмента, изданные в *Malley W.J. Four Unedited Fragments of the "De Universo" of the Pseudo-Josephus Found in the "Chronicon" of George Hamartolus (Coislin 305) // Journal of Theological Studies. Vol. 16. 1965. P. 13–25.* В этой публикации фрагмент 3 обрывается на полуслове, а фрагмент 4

начинается *ex abrupto* (издатель отмечает это многоточиями), хотя в рукописи никакого текста между ними нет. В греческом кодексе нумерация продолжается без перерыва, однако стык между фр. 3 и 4 совпадает с концом л. 42^{об} и началом л. 43, что заставляет подозревать утрату листа. Действительно, в славянском переводе той же версии хроники, называемом «Лѣтовникъ» (сер. XIV в., скорее болгарский, чем сербский), как раз в этом месте находится дополнительный текст объемом около листа Coisl. 305 (Лѣтовникъ сокращень от различных лѣтописецъ же и повѣдателии, избранъ и съставлень отъ Георгия грѣшнаа инока / изд. ОЛДП. Вып. 26, 56, 69. СПб, 1878, 1880, 1881. Л. 38^{об}–39^{об}). Анализ начальной и конечной фраз этого отрывка показывает, что они в синтаксическом отношении без зазоров примыкают к сохранившемуся по-гречески тексту. Таким образом, цитата или набор цитат из Псевдо-Иосифа в хронике изначально продолжались непрерывно с начала фр. 3 до конца фр. 4 по Мэлли, а это означает, что в нашем распоряжении оказывается целый рукописный лист (ок. 2700 знаков) утраченного раннехристианского философско-апологетического трактата.

Следующие задачи, которые ставит такой вывод перед исследователями — это, во-первых, хотя бы приблизительная ретроверсия, а во-вторых, анализ содержания фрагмента. Вот пример пробного восстановления фразы, переходной между славянским и греческим:

Лѣтовникъ	Ретроверсия Coislinianus 305
и тако бога увѣдѣвше [39 ^γ] и того мирное здание, длжнаа дѣлаемь противоу силѣ, егоже промыслника {43} и судию всѣмь исповѣдуемь праведним же и неправеднымъ, въ настоещим же жити и боудоущемь.	καὶ οὕτω τὸν θεὸν ἐγνωκότες καὶ τοῦτου τοῦ κόσμου δημιουργίαν, τὰ δέοντα πράττομεν κατὰ δύναμιν, ὃν προνοητήν καὶ κριτὴν πάντων ἴσμεν δικαίων τε καὶ ἀδίκων ἔν τε τῷ παρόντι βίῳ καὶ ἐν τῷ μέλλοντι.

Разумеется, полное представление о славянском тексте можно составить, лишь привлекая другие рукописи «Лѣтовника». Передача греческого ἴσμεν славянским «исповѣдуемь» вместо ожидаемого «вѣмь» или «знаемь» лишний раз указывает на ограничения любой ретроверсии.

Что касается содержания, то обращает на себя внимание недвусмысленное самоотожествление автора с евреями и, самое главное, с их языком («нь варварьскимь нашимь езыхомь отеческимь и дрѣвнѣишимь и прѣвымь от прѣваго челоуѣка не срамляющесе сказати и дѣлати заповѣданная»), что было бы логично скорее для еврейского, чем для христианского апологета. Вопрос о реальном авторстве Иосифа Флавия, конечно же, не возникает, особенно в свете замечаний Фотия, но можно предположить, что ложная атрибуция этому писателю возникла не на пустом месте.

Афиногенов Дмитрий Евгеньевич
д.ф.н., в.н.с. ИВИ РАН и НИЯУ МИФИ

Маргинальные / несуществующие / искусственные» катойконимы:

окказиональное и систематическое

Предмет доклада — названия жителей населенных пунктов (катойконимы), порождаемые в устной и письменной речи (от блогов и форумов до СМИ и художественных текстов), которые не совпадают с закрепленными в узусе и за редкими исключениями не фиксируются словарями. Обычно мы имеем дело с порождением окказионализмов в ситуации, когда говорящий/пишущий не знает, как принято называть жителей города (ср. *нижненовгородцы* и *нижегородчане* вместо *нижегородцы*), или с искусственным конструированием номинаций — с целью доказать неблагозвучие определенной словообразовательной модели (например, *пензачане* от *Пенза*) либо для создания комического эффекта (ср. запись в блоге: «А как называются жители города Королев? Королевы и королевичи?»). Следует отметить, что иногда грань между речевой ошибкой, сознательным словотворчеством и реальным узусом оказывается довольно зыбкой; кроме того, подобного рода окказионализмы могут случайно совпадать с устаревшими или индивидуально-авторскими названиями жителей. Однако в ряде случаев можно говорить о систематическом и целенаправленном употреблении номинаций такого рода в определенных контекстах или речевых ситуациях.

Так, шуточные катойконимы, основанные на языковой игре, зачастую обыгрывают фонетические особенности ойконима или принятого названия жителей, либо задействуют омонимию. Их употребление может ограничиваться шутками или анекдотами (например, по поводу того, что жительница городов Карасук и Кара-Суу называется *карасучка*), однако не исключено использование таких номинаций для ироничного либо экспрессивного именованья извне и даже для самоименования, ср. *пензюки* (о жителях Пензы), *черниговняне* (о жителях Чернигова), *самаритяне* (о жителях Самары) и др.

Новообразованный катойконим может являться вариацией уже существующего и использоваться в качестве его сниженного аналога (ср. *москвачи* вм. *москвичи*, *иркутянцы* вм. *иркутяне* и др.).

Для иллюстрации идеи о том, что «чужие» (в роли которых обычно выступают жители Москвы) именуют местных жителей «неправильно», часто образуются пародийные названия жителей Москвы (например, *московцы*, *москвичане*), реже — других городов.

Наконец, искусственно образованные катойконимы могут предлагаться в качестве альтернативных — в ситуации, когда в узусе конкурируют несколько вариантов. Яркий пример — инициатива именовать жителей Тамбова не *тамбовцами* (исконное название, практически

вытесненное к концу XX в.) или *тамбовчанами*, а *тамбовянами*, поддержанная рядом местных блогеров и журналистов.

Ахметова Мария Вячеславовна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС

Б.И. Беленкин (Москва)

XX съезд КПСС: записки на полях и записки из зала

То, что доклад Н.С.Хрущева "О культе личности и его последствиях", произнесенный 28 февраля 1956 на закрытом заседании в последний день XX съезда КПСС, стал одним из ключевых событий второй половины XX века, сомнений ни у кого не вызывает. Однако и спустя 60 лет на многие вопросы по-прежнему нет ответов, а многие вызывают непрекращающиеся споры. Один из главных спорных моментов – а было ли тогдашнее советское общество готово к хрущевским разоблачениям, готов ли был "советский простой человек" к реформированию системы?..

В марте-апреле 1956 сразу после окончания съезда и произнесения Хрущевым исторического доклада, член ЦК академик Анна Михайловна Панкратова по поручению ЦК КПСС выступала на собраниях интеллигенции Ленинграда и Москвы с лекциями, формальной целью которых было разъяснение задач исторической науки.... Всего на этих собраниях присутствовало не менее 8 тысяч человек. Присутствующие задавали многочисленные вопросы. Лектору было подано свыше 800 записок, в основном на тему антисталинского доклада Хрущева. Записки сохранились отдельными подборками в нескольких архивах; около 200 записок хранятся в архиве общества "Мемориал". Предмет сообщения – содержание и стилистика записок, полученных Панкратовой в 1956 г. Количество "голосов из зала" достаточно для анализа отношения тогдашней интеллигенции (тогдашних "образованцев") к разоблачению культа Сталина, сталинских преступлений, и настроений в обществе в целом. Частично эти записки были опубликованы (в 2000 г.), но интереса к ним отечественные исследователи не проявили.

По мнению докладчика, причин такого «исследовательского небрежения» кроется в сложностях постижения уникального явления. Парадоксальным образом, то, что мы называем «XX съездом», оказалось... незавершенным событием. Прошедшие десятилетия превратили «XX съезд» в некий перпетуум мобиле советско-российской истории, в ее «летучего голландца», что, надо полагать, в каком-то смысле одно и то же...

Беленкин Борис Исаевич

заведующий библиотекой Международного мемориала

Н.А.Белякова (Москва)

**Маргиналы, субкультура или религиозное сообщество:
евангельские христиане баптисты и их самиздат в контексте
советско-диссидентской культуры 1970-80-х гг.**

Доклад будет посвящен обсуждению вопроса о том, в рамках каких концептов и понятий возможен анализ такого специфического явления как *сообщество* евангельских христиан-баптистов в позднем СССР. В массовой советской культуре "баптисты" воспринимались как маргинальный пережиток, однако по ряду параметров они становятся значимым явлением в истории советского общества. Более того, "баптистский вопрос" в СССР становится темой для обсуждения на уровне дипломатических отношений стран "Востока" и "Запада", международных структур. В докладе поставлена задача рассмотреть историю оформления монолитного, хорошо организованного и идейно противостоящего советскому окружению сообщества через выявление и анализ ключевых текстов, легших в основу идентичности этой группы. В принципе, сюжет о том, какие тексты легли в основу идентичности представителей этой деноминации - вопрос необходимый, но достаточно общий, поскольку внутри *сообщества* ЕХБ наблюдалось достаточно жесткое разделение, и конструкты идентичности этих групп будут как раз и подвергнуты анализу.

Источниковой базой доклада станут разнообразные по жанру и степени распространенности тексты, циркулировавшие внутри этой среды и собранные автором доклада на протяжении последних десяти лет у верующих или в государственных / конфессиональных архивах. Анализируемые полемические тексты было бы очень интересно вписать в контекст дискуссий в православной среде довоенного периода (и 1970-80-х гг.), поскольку основным идеологическим вопросом, разделившим евангельское сообщество, стали сюжеты об отношении к советскому государству, степени лояльности к нему, границах допустимого сотрудничества и допустимых масштабах вмешательства власти в повседневную жизнь верующих.

Белякова Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук,

Научный сотрудник Центра истории религии и Церкви ИВИ РАН

Исторические формы дискурса

1. В качестве предварительного определения предположим, что дискурс это — речь. При этом мы должны различать близкие к «речи» по области применения понятия «язык» и «текст». Под «языком» мы будем понимать всю совокупность знаковых систем, используемых для установления коммуникации между членами сообщества. В этом плане язык общения между животным и человеком или между животными хотя и с приставкой «прото-» тем не менее работает как язык, а «язык программирования» никаким языком не является. «Текст» же это специальным образом обработанная речь, имеющая какую-то структуру и тем или иным образом зафиксированная на каком-то носителе. Отсюда в соответствии с законом соотношения объема и содержания понятия мы можем расположить понятия «язык» - «речь» - «текст» в отношении друг к другу по мере убывания их объемов, от «языка» вообще к «тексту», как специализированному образцу «речи». Видимо для определенных моментов исторического развития, такая интуитивно очевидная схема соотношения «речи» и «текстов» соответствует действительности.

2. Однако по мере развития цивилизации, проявляющейся в возрастающей специализации типов человеческой деятельности соотношение «речи» и «текста» может принимать иную форму. Ведь «речь» это те языковые формы, на которых говорят и чтобы коммуникация происходила таких форм должно быть ограниченное количество. Но из ограниченного числа форм можно производить большое число различного рода текстов. Тем самым мы можем предположить, что количество текстов может в какой-то момент превысить речевой потенциал языка. Кажется, что это невозможно. Но представим, что существуют тексты которые а) некто не читал (ряд опубликованных текстов может не найти своего читателя), б) не предназначенные для чтения другим (его-тексты), в) имеют настолько узкий и специализированный характер, что практически не оказывают влияние на существующую в настоящий момент речь (техническая инструкция). Тем самым, если мы ставим перед собой задачу исследования дискурса, нам необходимо уточнить о какой «речи» идет речь. При исследовании дискурса мы должны обращать внимание на те формы речи, которые актуальны для коммуницирующего сообщества. Например, язык партийной газеты является актуальной формой существования дискурса в первой половине 20 века, но постепенно на протяжении второй половины того же столетия эта актуальность теряется.

3. Можем ли мы исследовать дискурс без рассмотрения его динамики? По-видимому, нет. Данное понятие само возникло, чтобы показать смену социальных практик. Но в таком случае перед началом конкретного исследования мы должны предположить, что та или иная социальная практика в исторической ретроспективе имела наиболее выразительные формы своей актуализации. Так для российской культуры 17 и 18 веков такими формами могли быть проповедь или циркуляр, для 18 - 19 веков - театральные постановки или литературные журналы, для начало 20 века: газеты, синемаграф, поэтические концерты, для конца того же столетия: кино, телевиденье, рок концерты. Однако, если мы принимаем подобную гипотезу, то логично было бы принять и ее продолжение, о том что отдельные формы актуализации дискурса могут остаться в прошлом, даже такие как театр, поэзия, литература и кино.

Блюхер Федор Николаевич

к.ф.н., с.н.с. Института философии РАН

М.А.Бобрик (Москва), Д.Я.Калугин (С.-Петербург)

"Бодрый наш народ": об одном гапаксе в терминологии русской национальной идеи

Нынешнее употребление слова *бодрый* 'полный сил, деятельности, энергии' охватывает очень небольшое семантическое пространство (*бодрый старик, бодрое настроение, бодрый голос, взгляд, бодрая походка, бодрым шагом, бодрый призыв*). В XIX и XVIII веках семантика и узус слова *бодрый* были несколько иные, поэтому имея дело с текстами той эпохи, мы рискуем приписать тогдашней бодрости привычное нам значение и проглядеть смысловые нюансы. Один из контекстов, требующих разгадки – это характеристика русского народа в монологе Чацкого из 3-го действия «Горя от ума» (явление 22): <l:namespace prefix = "o" ns = "urn:schemas-microsoft-com:office:office" />

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный *бодрый наш народ*
Хотя по языку нас не считал за немцев.

Прочитанный текст не содержит никаких указаний на синонимические или антонимические связи определения *бодрый*, и понять, что именно оно значит, можно только выйдя за пределы текста в более широкий культурно-языковой контекст и обратившись к узусу эпохи. Такая попытка и предпринимается в докладе.

Бобрик Марина Анатольевна

к.ф.н., (доцент НИУ ВШЭ, Москва)

Калугин Дмитрий Яковлевич

к.ф.н., (доцент НИУ ВШЭ, С.-Петербург)

«Погода на троечку», или что обозначают числовые диминутивы

Доклад посвящен числовым диминутивам: *нолик / нулик, единичка, двоечка, троечка, четверочка, пятерочка... десяточка* и др. Будут рассмотрены особенности их семантики и функционирования в тексте, а также их отличия от производящих слов: *ноль, нуль, единица, тройка* и др.

Основной корпус примеров употребления данных диминутивов в письменных текстах приходится на XX век.

Числовые диминутивы могут называть: *денежные купюры, модели автомобилей, школьные оценки, цифры на переключателях (скоростей)* и др. Они могут входить в состав фразеологизмов, речевых клише: *крестики и нолики, единички и нолики, парочка-троечка (вопросов, анекдотов), в десяточку (попасть)*.

Толковые словари числовые диминутивы фиксируют, как правило, без дополнительной семантизации или вообще их не фиксируют. Так, например, *нолик, нулик, единичка, двоечка, четверочка, пятерочка*, – фиксируют БТС (Гл. ред. С. А. Кузнецов, 2014) и Орфографический словарь (Отв. ред. В. В. Лопатин, эл. версия 2001-2007). *Троечку* приводит орфографический словарь и не приводит БТС. *Шестерочка, семерочка, восьмерочка*, отсутствуют как в орфографическом словаре, так и в БТС. В толковом словаре русской разговорной речи, вып. 1 рассматриваемые диминутивы (*двоечка, восьмерочка, единичка*) также отсутствуют. При этом однозначного семантического соответствия между производящим словом (симплексом) и производным числовым диминутивом не наблюдается. Рассматриваемые числовые диминутивы имеют свою сферу употребления.

Плохо замещается *нолик* на *ноль* во фразе: *Ей исполнилось 29 лет; она шутливо повторяла: «Один год до нолика»*.

В педагогическом дискурсе (обучение детей буквам и их написанию) также *нолик* не замещается на *ноль*, ср.: *о — будет нолик, или кружочек; а — нолик с палочкою; е — полунолик*.

Невозможно заменить *нолик* на *ноль* в названиях игры *крестики-нолики*, а также при парном использовании слов *крестик* и *нолик*, например: *кроме этого, она рисовала, играла на скрипке, вышивала и крестиком, и ноликом*. Плохо замещается: *Был пару-тройку раз в театре* (пример из словаря) на *Был парочку-троечку раз в театре* и др.

Оценка *троечка* обозначает не только среднюю отметку, которая соответствует в другой шкале оценок отметке «удовлетворительно», но также может выражать пренебрежительное, снисходительное отношение. Ср.: *Но нам в нашем положении нужна не "троечка", а "четвёрка" или "пятёрка". Вторник и среда — нормальные дни. Четверг на «троечку». Да так, есть одна мыслишка, на троечку с прицепиком...*

Метафорические употребления и сравнения также не предполагают тождественность замены числовых диминутивов на производящее слово, ср.: *высунув из воды рот ноликом (о рыбе)*; [?]*высунув из воды рот нолем (о рыбе)*; *нолик пистолетного ствола* и [?]*ноль пистолетного ствола*; *наступив каблуком на серебристую восьмерочку оправы* и [?]*наступив каблуком на серебристую восьмерку оправы*. Ср. тж.: *И вишневый рот раскрылся, Словно пухлый влажный нолик (Саша Черный. «В поезде»)*.

Нолики и *единички* могут метафорически с оттенком снисходительности обозначать людей. В этом случае замена на *ноль* и *единицу* также ведет к смысловым потерям, ср.: *Но ведь Березовского нет, и Радуева тоже нет. Вернее, они есть, но ведь это просто нолики и единички (В. Пелевин. «Generation «П»»)*. В данном случае замена числовых диминутивов на симплексы приводит к «облысению образа» (А.М. Пешковский использовал это словосочетание, моделируя ситуацию замены слова *рыбка* на слово *рыба* в «Сказке о рыбаке и рыбке»).

Таким образом, периферийные единицы языка, попадающие в область «слепой лексикографической зоны» требуют к себе более внимательного отношения, если ставится задача описывать единицы языка в деталях и подробностях.

Брагина Наталья Георгиевна

д.филол.н., проф. Гос ИРЯ им. А.С. Пушкина

Институт лингвистики, РГГУ

М.Н. Бунос (Минск, Беларусь)

Хаим Сутин: Воспоминания о художнике как источник развенчания мифа

Личность Хаима Сутина в истории мирового искусства – это загадка, которую он сам либо его окружение создали на благодатной почве его немногословной биографии и гениальной живописи.

Хаим Сутин – французский художник «Парижской школы»^[6] еврейского происхождения, родом из Северо-Западного края Российской империи (ныне Республика Беларусь). Родился в 1893г. в маленьком городке Смиловичи, учился в рисовальной школе в Минске, затем в Вильно (ныне Вильнюс). В 1913г. переезжает в Париж, где попадает в водоворот художественного авангарда сообщества «Улья», знакомится с Модильяни, Кислигном, Шагалом, Леже, Утрилло и становится одним из самых ярких представителей так называемой «Парижской школы». Сутин

меняет адреса проживания в Париже и на Юге Франции ввиду финансовых сложностей, проблем со здоровьем и нацистских преследований. Благодаря немногочисленным, но влиятельным меценатам, коллекционерам и критикам его работы успешно продаются еще при жизни, но истинную славу он приобретет только после смерти, став одним из самых дорогих художников современности. Умер в 1943г., похоронен на кладбище Монпарнас в Париже.

Официальная биография художника уместается в один абзац, воспоминаний о нем, принадлежащих его современникам, - арт-критикам, маршанам, коллекционерам, коллегам по цеху, близким друзьям и возлюбленным, - известно до 30. Личные архивы и мемуары самого Сутина отсутствуют.

Такой информационный вакуум и дает волю фантазии современных исследователей. Цепляясь за отдельные факты жизни художника, авторы интерпретируют свидетельства эпохи в пользу своего художественного замысла, но часто в ущерб достоверности.

Практически любой текст о Сутине^[7] приписывает художнику немногословность и даже некоторую замкнутость. Такой вывод кажется логичным, ведь Сутин приезжает в столицу мирового искусства – Париж молодым юношей (19 лет) из бедной еврейской глубинки Российской империи, совершенно не владеющим французским языком.

Однако известный американский писатель Генри Миллер так описывает Сутина в его молодые годы: «Настоящий весельчак, постоянный спутник Модильяни, блестящим и увлекательным собеседником, но после трех или четырех бокалов он будто сходил с ума, гонимый неведомыми страстями^[8]» (пер. авт.).

А еще через 20 лет осенью 1937г. «его физиономия» уже нравится женщинам, о чем свидетельствует его будущая спутница, немка еврейского происхождения Герда Грот, вспоминая о знакомстве с «великим художником»: «...пухлые губы расплылись в улыбке, и сквозь дым сигареты я рассмотрела в его взгляде некую веселость с оттенком иронии (...). Он изъяснялся по-французски с русским акцентом довольно низким голосом (...); я была заинтригована, и в последующие несколько дней часто вспоминала о Сутине и о чарующей неповторимости его темных глаз»^[9] (пер. авт.).

Становится очевидным, что только пристальное внимание к мемуарам современников художника Сутина (их изучение на языке оригинала, профессиональный перевод) позволяет восстановить историческую правду об эпохе и ее героях, переоценить события вековой давности с высоты накопленного опыта и прожитой жизни авторов мемуаров. А неизбежная в этом жанре субъективность, исповедальный характер письма в сочетании с документальностью изложения фактов является неоспоримым «читательским» преимуществом таких текстов в сравнении с художественной критикой либо биографическими опусами.

Бунос Мария Николаевна
магистр филол. наук, ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода
Минского государственного лингвистического университета,
литературный переводчик

Текст и картинка.

Перевод комиксов – трудности и решения

Комиксы считаются и по сегодняшний день маргинальным жанром, паралитературой. Целью доклада не является реабилитация комиксов, хотя можно было бы привести множество аргументов в пользу их существования как художественного жанра с давней историей, особым образом сочетающего сегменты различных типов текста (нарративного, диалогического, ономапей) с рисунком. Именно этой особенностью чаще всего вызваны трудности, возникающие перед переводчиком. Нашей задачей будет попытка типологизации трудностей перевода и обоснование предложенных решений.

В качестве материала для исследования используются оригиналы и переводы комиксов Госсини и Удерзо «Астерикс на Олимпийских играх», «Астерикс – легионер», «Астерикс – гладиатор» и книга Дейриэ Б., Лемери Д., Сэлдер М. «История музыки в картинках».

Одна из первых трудностей – ограничение по объему текста, помещенного в филактере, так называемом «словесном пузыре». Одно из правил филактерного текста гласит, что размер шрифта не может быть изменен, поскольку, чем он больше, тем громче говорит персонаж. Потому важно найти в переводе языковую единицу с тем же количеством букв.

Особое внимание в «Астериксах» уделяется именам собственным и топонимам, которые должны быть воспроизведены по определенной модели, при том, что необходимо сохранить в переводе комический эффект. Если в русском языке существуют заимствованные слова, на основе которых созданы имена, то французские имена не нуждаются в переделке (*Обелиск - Обеликс, Астериск - Астерикс*) Иногда, если нужно не перевести, а создать имя, к аутентичному историческому имени достаточно добавить или отнять лишь одну согласную, чтобы добиться желаемого результата (*Виндекс (Гай Юлий Виндекс – римский полководец галльского происхождения - Индекс Тетрик – галльский император – превращается в Тетрик – фактический ономим распространенной компьютерной игры «тетрис»*), иногда для создания (не перевода) «галльского» имени можно лишь переставить две конечные буквы существительного (*иск/ еск -икс/ екс: Бурлекс, Арабекс, Василикс, Гротекс*) или добавить одну букву к окончанию (*ик/ек/ерк - присоединение «с»: Склеротикс.*) Различные словообразовательные модели использовались при создании топонимов Римской империи, греческих и римских имен.

Задача перевода реалий всегда считалась одной из самых трудных. В отличие от традиционного прозаического текста, где, в крайнем случае, возможен объяснительный перевод или, на худой конец, комментарий переводчика, в комиксе невозможно ни то, ни другое. Таким образом, переводчик одновременно обязан передать комический эффект, оставить некую историческую окраску и вписаться в формальные требования размера и формата текста филактера. Так, аббревиатура HLM в современной Франции означает достаточно дешевое жилье в спальном районе, нечто вроде «хрущевки». Однако в «Астериксе-гладиаторе» герои попадают в город, и та же аббревиатура означает «Habitations Latines Mélangées», «Смешанное Латинское Жилье». Мы предложили перевести его как ЖСК, где хозяин «квартиры» поясняет его как «ЖСК, Жилищно-строительный кондоминиум».

Однако, пожалуй, самая большая трудность – перевод игр слов, в особенности, когда игра слов иллюстрируется картинкой и нельзя прибегнуть к приему компенсации, то есть, допустим, заменить один фразеологический оборот на подобный ему. Например, если в тексте используется прием силлепса и обыгрывается одновременно два значения слова «timbre» как «тембр» и «почтовая марка», при том что на картинке нарисованы и певица, о которой идет речь, и почтовая марка.

При переводе комиксов любое решение переводческой задачи подчинено поискам наиболее адекватного варианта сочетания семантики изображения и текста.

Бунтман Надежда Валентиновна, к.филол.н., доцент

факультета иностранных языков

МГУ им. М.В.Ломоносова

М.В. Быков (Москва)

diglossa.ru, язык, СПО

Что такое текст в электронной форме, во что электронная форма выльется в будущем? Проблемы ярче высвечиваются на примере двуязычного параллельного текста. Бытие текста, ранее описываемое в работах профессиональных философов (В.В. Бибихин, например), здесь наглядно воплощаются в архитектурные решения, зримые программные продукты и в конечном счете денежные и ресурсные затраты. На ресурсе diglossa.ru я пытаюсь проработать весь путь к пониманию текста. Это ровно противоположно научному исследованию текста по направлению работы. Казалось бы, философский вопрос - что такое слово, что такое смысл слова, что такое словарь, и даже - в будущем - что такое язык - появляется в самой что ни на есть конкретной форме разработки программного продукта.

Может быть неожиданно утверждение, что разработка инструментов анализа языка - морфологического, синтаксического, грамматического - доступна не только для больших корпораций, либо федеральных университетов. Практика показывает, что это не так, или даже еще сильнее - истина полностью противоположна этому утверждению. Разумеется, разработка методами СПО медленна, имеет свои проблемы и не является волшебной палочкой, не будет заменой продукции корпораций и университетов, но может быть основой для работы последних.

Выводы. Текст в процессе обработки должен появляться в начале процесса в канонической форме плоского текста (файл .txt), в юникоде обычно, в системе контроля версий. И дальше может шаг за шагом быть преобразован в сколь угодно сложный монстр, вроде национального корпуса языка, ресурса "Персей", etc. Но поддерживать и модифицировать и развивать эти монстры без канонической "плоской" основы - чрезвычайно накладная и

непонятно, зачем нужна и безнадежная задача. Должен быть поток обработки текстов, подобный потоку разработки СПО, от плоского текста в начале и до - время покажет, куда. Пусть текст развивается сам.

Для флективных языков будет развиваться класс программного обеспечения, который условно можно назвать "полным словарем всех форм языка". (И для русского тоже, очевидно). Образно - при клике на словоформу любого языка мы будем иметь словарное значение (словарные значения), этимологию, все случаи вхождения этой словоформы в классические тексты, etc. От словоформы как набора букв на экране мы должны зримо перейти к словоформе во всей истории ее существования в языке.

Разработка будет вестись по unix way - путем создания маленьких утилит, выполняющих одну задачу, но выполняющих ее хорошо. Для Санскрита, например, можно назвать Махешвара-сутру, порождающую наборы символов, осуществляющую обработку правил сандхи - как для соединения, так и для разделения составных слов, выделение из составного слова всех вариантов исходных слов с обращением к словарю и корпусу текстов, - это для самого начала, далее везде.

Еще раз - очень важно - то, что я описываю, по сути направления внимания полностью противоположно научному исследованию языка и текста. Важно то, что писал и думал Платон, а не то, что думает наш современник или научное сообщество о Платоне и о языке Платона. При этом доступные научные разработки должны быть использованы в полной мере, конечно. И затем результат может быть использован в научных разработках также - но тем не менее это отдельная сущность.

Работающий образец подобного корпуса параллельных текстов можно видеть по адресу <http://ru.diglossa.org>, на каждом слове в санскритских текстах можно кликнуть и получить морфологический анализ данного слова. Сам морфологический анализатор доступен по адресу <http://morph.diglossa.org>. Исходные коды - <https://github.com/mbykov>, коды текстов - <https://github.com/diglossa>

Быков Михаил Владимирович,

diglossa.org

И.А. Вознесенская (Санкт-Петербург)

Записки Василия Александровича Нащокина были опубликованы еще в XIX в., впервые, частично, в «Отечественных записках» П.П. Свиныным в 1830 г.^[10], затем — полностью в 1842 г. Д.И. Языковым^[11]. Рукопись хранится в Основном собрании Рукописного отдела Библиотеки Академии наук^[12] и представляет собой двухтомный чистовой список, заверенный скрепой самого автора. Долгое время записки хранились в семье Нащокиных и были переданы Языкову для публикации внуком Василия Александровича Василием Воиновичем. Д.Н. Бантыш-Каменский использовал эту рукопись, чтобы составить биографию В.А. Нащокина, и именно он сообщил Языкову о существовании настоящего списка.

Записки охватывают значительный промежуток времени от рождения автора в 1707 г. до 1769 г.^[13] В канву повествования о разных событиях этого времени включено множество документов: печатных газет, реляций, указов, рукописных копий, подлинных писем, планов, карт, ведомостей и др. В значительной степени именно эти документы, подтверждающие личные записки, создают особый колорит повествования. Документы можно разделить на несколько групп: 1) Петербургские ведомости и Прибавления к ним; 2) печатные и рукописные реляции и указы; 3) письма; 4) карты и планы. Все документы были включены в рукопись позже ее написания, скрепа не захватывает документы. Однако почти все документы содержат авторские пометы, из чего можно сделать вывод, что автор использовал документы как источник для своих записок. Некоторые маргиналии позволяют утверждать, что объединение текста записок с документальными свидетельствами произошло при непосредственном участии автора.

А.Г. Тартаковский отмечал, что ведение записок для русского автора XVIII в. было еще необычным, он остро ощущал нетрадиционность и новизну жанра. Критика XIX в. обвиняла Нащокина в мелочном пристрастии к погодной хронике событий и в неумении рассказать о «драматическом времени», которые Тартаковский объяснял устойчивостью летописных способов повествования в русской мемуаристике XVIII в.^[14] В записках В.А. Нащокина нет стремления выйти за рамки летописи, напротив, каждое важное событие, описываемое автором, подтверждается документом. Следует отметить, что публикация 1842 г. не передает колорит документализации повествования, в книге отсутствуют карты и планы, выполненные акварелью, подлинные печатные указы и реляции, письма с автографами. Всего в записки включено 33 документа середины XVIII в., которые находились в распоряжении автора записок. Соотнося содержание документов с повествованием, мы можем проследить отношение автора к информации, содержащейся в документе, ее рецепции в мемуарном контексте.

Вознесенская Ирина Александровна,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник НИОР БАН

**Корпус кетских письменных текстов:
особенности истории кетского письма^[15]**

Работа над оцифровкой кетских письменных текстов ведется в лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ с 2014 года. В связи с этим нами была создана аннотированная библиография текстов, которые были записаны не в одной из лингвистических транскрипций [Иванов, Топоров, Успенский ed. 1969: 284], а с использованием графики, специально разработанной для носителей языка.

Первый алфавит был создан в 20-е годы XX века в ходе общей кампании по созданию письменности для бесписьменных языков, которая шла в СССР в первые годы советской власти. Его автор – известный лингвист Н.К. Каргер, который положил в основу латинскую графику. Однако после изменения языковой политики Каргер был репрессирован, а его алфавит запрещен^[16]. Вторая попытка создания алфавита произошла только в 80-е годы, когда свои варианты кетской письменности на основе кириллицы предложили, с одной стороны, Е.А. Крейнович [Крейнович 1986]^[17], а с другой – Г. К. Вернер [Вернер 1987], [Вернер 1989].

В докладе будет представлена классификация кетских письменных текстов. Несмотря на небольшое количество (около 40) их необходимо отнести к разным типам как по жанровым характеристикам, так и по их графической основе и происхождению.

Мы выделили следующие основания для классификации

1. Латинская или кириллическая графика
2. Авторство: носитель языка vs лингвист
3. Новый vs прецедентный текст
4. Жанровая характеристика текста и издания

Главный вопрос, который возникает в ходе исследования: что такое письменный текст на бесписьменном языке?

Прототипическим письменным текстом можно считать неprecedентный текст, порожденный носителем языка сразу на письме с применением специального алфавита, а не знаков лингвистической транскрипции. Очевидно, что большинство текстов отклоняются от ядерного типа по тому или иному параметру. Нарушение параметров возможно только в определенном сочетании, так, нельзя считать письменным текстом текст, который только записан (а не порожден) лингвистом в лингвистической транскрипции.

Литература

1. *Богораз В.Г.* (1927) Кастрен – исследователь палеоазиатов. Сборник памяти М.А. Кастерна. Л.
2. *Вернер Г.К.* (1987) Новый кетский алфавит и некоторые методические рекомендации по его внедрению в практику работы кетской национальной школы // Строй самодийских и енисейских языков. С.86-93, Т: ТПГИ
3. *Вернер Г.К.* (1989) Новый кетский алфавит. Красноярск.
4. *Вернер Г.К.* (1999) Аб бисебдани'ль (Песнь о моем брате). Эпическая поэма. Книга для чтения в старших классах кетских школ. Красноярск.
5. *Вернер Г.К., Николаева Г.Х.* (1991) Букварь для первого класса кетских школ. СПб.: «Просвещение».
6. *Вернер Г.К., Николаева Г.Х.* (1993) Кетский язык. Учебник для второго класса. СПб.: «Просвещение».
7. *Иванов В.В. Топоров В.Н., Успенский В. А ed.* (1969) Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты. М.: Наука.
8. *Каргер Н.К.* (1934а) Букварь на кетском языке. М.: Учпедгиз.
9. *Каргер Н.К.* (1934б) Кетский язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. Языки и письменность палеоазиатских народов. М.–Л.
10. *Крейнович Е.А.* (1986) Алфавит кетского языка // Палеоазиатские языки. С.:42-45. Л.: «Наука»
11. *Николаева Г.Х.* (1996) Qog [Звездочка]. Книга для чтения во 2м классе кетских школ. СПб.: «Просвещение».
12. *Николаева Г.Х.* (1998) *Ostygannaas'ketang*. СПб.: «Просвещение».
13. *Сергеев М.Л.* (1955) Некапиталистический путь развития малых народов Севера, М.-Л.
14. *Vajda E.* (2001) *Yeniseian Peoples and Languages: a history of their study with an annotated bibliography and a source guide*. Surrey, England: Curzon Press.

Галямина Юлия Евгеньевна

младший научный сотрудник НИВЦ МГУ

А.А. Гиппиус (Москва)

Одним из важнейших ранних источников по истории книжного дела на Руси является запись в Мстиславовом евангелии 1103-1117 гг., сделанная приближенным князя Мстислава Владимировича Наславом, возившим кодекс в Константинополь для устройства его драгоценного оклада. В этом контексте и употреблено слово *химипеть*, которым обозначаются перегородчатые эмали, до сих украшающие переплет. Этимология слова не вызывает сомнений: еще К. И. Невоструевым оно было объяснено как передача греч. *χιμειτόν* (откуда и русск. *финифть*). Трудность для объяснения представляет лишь гласный *е*. В нем можно было бы видеть проясвившийся сильный *ь*, особенно ввиду тв. ед. *хиниптомъ* в Ипатьевской летописи. Однако для начала XII в. такая трактовка выглядит анахронизмом. Или все же такая возможность имеется? Задавшись этим вопросом, мы обнаруживаем любопытный факт, до сих пор удивительным образом ускользавший от внимания исследователей... ^[18]

Гиппиус Алексей Алексеевич

член-корреспондент РАН, профессор НИУ ВШЭ

М.В. Головизнин (Москва)

Анимистические архетипы в «новой прозе» Варлама Шаламова

«Мы суеверны. Мы требуем чуда.

Мы придумываем себе символы

и этими символами живем»

В.Т. Шаламов

В автобиографической повести «Четвертая Вологда» В.Т. Шаламов написал об истории своего рода буквально следующее: «Отец мой родом из самой темной лесной усть-сысольской глуши, из потомственной священнической семьи, предки которой еще недавно были зырянскими шаманами несколько поколений, из шаманского рода, незаметно и естественно сменившего бубен на кадило, весь еще во власти язычества, сам шаман и язычник в глубине своей зырянской души, был человеком чрезвычайно способным. Сама фамилия наша – шаманская, родовая – в

звуковым своим содержанием стоит между шалостью, озорством и шаманизмом, пророчеством». Этот отрывок породил немалое недоумение биографов писателя, так как генеалогия священников Шаламовых, происходивших из Великого Устюга, была письменно зафиксирована и не давала повода для такой своеобразной трактовки. Сознательная мифологизация Шаламовым происхождения своих предков, на наш взгляд, имела под собой определенные исторические основания, связанные с длительной традицией синкретизма христианства и дохристианских верований в крае Коми, где служили предки писателя. Как свидетельствуют этнографические исследования, священник у коми-пермяков наделялся особым статусом и лечебно-мистическими функциями. Священники из числа новообращенных коми и других финно-угорских народов, наряду с колдунами участвовали в родоплеменных жертвоприношениях, вплоть до начала XX века. Об этой распространенной традиции могли знать служившие в крае Коми предки писателя. Их приход в селе Вотча находился вблизи коми-пермяцких земель. С другой стороны, к «шаманству» обращался и сам Шаламов, размышляя над непостижимыми рассудком аспектами художественного творчества. «Я начинал со стихов, с мычанья ритмического, шаманского покачивания – но это была лишь ритмизированная шаманская проза, в лучшем случае верлибр «Отче наш» ... Я ночным нетрезвым строкам не доверюсь ничем. Я их утром в прорубь суну, И когда заледеню, По-шамански дуну, плюну, Протяну навстречу дню», - писал он. Тем самым, мифологическая «шаманская наследственность», давала Шаламову возможность утвердиться в своем особом предназначении творца. Подтверждением тому может служить, что писатель пытается наделять сверхъестественными качествами не только отца, родившегося в крае Коми и долго жившего среди алеутов, но и мать, обычную городскую женщину, посвящая ей строки «Моя мать была кухарка, чародейка и знахарка». Исследователи творчества писателя давно обратили внимание на символическую насыщенность шаламовских сюжетов, обращение к «архетипическим» образам огня, земли, воды. И в прозе, и в стихах Шаламов нередко наделяет природные объекты и неодушевленные предметы (деревья, скалы, лодку) свойствами живого организма, а то и вступает с ними в прямой диалог. В рассказе «У Флора и Лавра», написанном по впечатлениям якутского периода своей жизни, писатель размышляет над свойствами человека понимать животных и дружить с животными на равных, говорит о людях, которые сохранили в себе «тайную светлую силу общения с миром животных». В этой связи стоит отметить, что у традиционных народов Сибири свойство понимать язык животных, а также деревьев, камней и др., являлось признаком обретения шаманского дара, о чем писал, в частности, ученый и путешественник В.К. Арсеньев. Анализируя фабулу рассказа «У Флора и Лавра», мы предполагаем, что в его основу легли не только якутские впечатления Шаламова. В доступных источниках нам не встретилось свидетельств почитания якутами этих христианских святых, зато синкретическая традиция жертвоприношения животных в день Флора и Лавра – «быкобой», длительно существовала опять же у коми-пермяков. Она была официально запрещена церковными властями в начале XX века. Отметим, что у Шаламова Флор и Лавр выступают отнюдь не как соискатели кровавой жертвы – неизбежного атрибута шаманизма. «Я не знаю, что написано в Четьих минеях о жизни Флора и Лавра, - замечает писатель, - Но думаю, что они были люди - редкого дара общения с миром животных, птиц и рыб, обладатели одного из важных ключей, какие природа даёт человеку, разгадавшему одну из её постоянных тайн». В очерке «Начало», Шаламов излагает собственные взгляды на то, какие должны быть отношения человека с животным миром: «Я горжусь, что за всю свою жизнь я не убил своей рукой ни одного живого существа, особенно из животного мира. Я не разорил ни одного птичьего гнезда, не умел стрелять из рогатки, не держал в руках охотничьего ружья и иного оружия». Шаламов также дает понять, что вопрос о допустимости убийства животных, будь то охота, рыбная ловля или нужды домашнего хозяйства, явился со временем причиной глубокого расхождения между писателем и его отцом-

священником, о чем он повествует в «Четвертой Вологде»: «Надо зарезать его быстро! Вот тычь сюда! – отец нащупал сонную артерию козла. ... Повесь его на забор вверх ногами и сними шкуру, пока еще теплая. – Я снял шкуру. – Голову отруби! – Я отрубил голову. Вот это охотничье искусство, с которым действовал отец, меня поразило. Это и есть одна из причин, почему я потерял веру в Бога. В моем детском христианстве животные занимали место впереди людей. ... Драмы рыб, коз, свиней захватывали меня больше, чем церковные догматы». В шаламовской прозе, где нет недостатка описаний ужасов человеческих страданий, сцены убийства животных выписаны, тем не менее, с особой рельефностью. Одним из страшных воспоминаний детства писателя, пересказанным в нескольких сюжетах, является толпа людей, несущихся по бульвару за удирающей белкой, которую, в конце концов, убивают палками и камнями под рев и улюлюкание. Как представляется нам, данный сюжет возник у Шаламова не случайно, такие же сцены были зафиксированы этнографами. Так, в некоторых местах Германии соблюдался обычай – на Светлой неделе при возжжении праздничного огня гоняться по лесу за белкой до тех пор, пока утомленная, она не попадет в руки преследователей (А. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу). У славян-анимистов, также как и у Коми, белка была связана с колдовством, и традиционно считалась предвестницей неудачи, если она забежит в деревню. В заключение отметим, что поэтизация неживой природы, наделение ее объектов душой, способностью к диалогу с людьми, столь характерные для Шаламова, сближает его творчество с творчеством финно-угорских, в частности, удмуртских писателей (Митрей Кедрa и др.), являвшихся более очевидными наследниками анимистических традиций.

Головизнин Марк Васильевич

канд. мед. наук

Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова

Ассоциация медицинских антропологов России

Н.А. Гоманюк (Херсон, Украина)

Внешнее расширение социальной группы посредством документальных жанров

Заявленная в книге Маршалла Маклюэна «Понимание медиа: внешние расширения человека» [4] проблематика «расширения человека» может использоваться как методология иного понимания различных социальных явлений. «Одним из наиболее значимых созданий Маклюэна

является чрезвычайно глубокая мысль, которую он вынес в заглавие одной из своих книг *medium is a message* («Средство сообщения есть (само) сообщение»)» [5]. Алла Черных в своем учебнике «Социология массовых коммуникаций» (Москва, 2008) указывает, что «существует множество интерпретаций этой идеи». Одна из них – это то, что «независимо от содержания сообщения событие приобретает общественную значимость не само по себе, а в связи с переданным о нем по коммуникационному каналу сообщением» [5]. Найденная в желудке акулы бутылка с письмом говорит нам о том, что произошло с адресантом еще до того как записка была нами прочитана. «Погодите, погодите, дорогая Элен: здесь необходима выдержка. Или я сильно ошибаюсь, или бутылка сама ответит нам на все вопросы» (Жюль Верн) [3].

Современные «бутылки» хоть и выглядят иначе, и имеют более внушительные размеры, но заглатываются одинаково легко. И многое зависит от «этикетки». Мы знаем, чьим рупором является та или иная газета или телеканал – конкретного ли органа власти, олигарха или политической партии, например. Можно даже сказать, какой культуре или социальной группе (нации, классу, организации) принадлежит тот или иной жанр искусства, или с кем или чем он ассоциируется. Документальные фотографии, кино, театр тоже являются чьим-то (по-советски) «органами» или «расширениями» по-маклюэновски.

Гомосексуальная пара из России (победитель конкурса 2015), мигранты из Сомали (2014), жители Сектора Газа (2013), йеменские демонстранты (2012), афганская женщина (2011) выбирали конкурс World Press Photo в качестве инструмента собственного расширения. И их сообщение было успешно доставлено адресату. Художественный формат в этих случаях сумел существенно сократить дистанцию между жительницей Урузгана и гражданином Нидерландов, например, и доставить послание из Афганистана в Амстердам без перлюстрации и почтовых издержек. К тому же все эти «письма» были коллективными, даже в тех случаях, когда адресант был персональный. «Жизнь ЛГБТ-сообщества в России становится все более трудной. Представители сексуальных меньшинств подвергаются правовой и социальной дискриминации, преследованиям и даже нападениям со стороны консервативных религиозных и националистических групп», – с телеграфной лаконичностью говорится в аннотации к фотографии-победителю на сайте конкурса [1].

Наиболее интересно наблюдать такие расширения, анализируя продвижение новых жанров. Если говорить о Восточной и даже Центрально-Восточной Европе, то таким жанром является документальный театр, пришедший сюда в начале века и начавший активно осваивать новое пространство, новые группы. Точнее различные социальные группы начали осваивать новый жанр. Контент-анализ содержания текстов документальных пьес показывает, что первопроходцами стали те социальные группы, которые не имели других средств коммуникации: нелегальные мигранты, бомжи, заключенные, национальные меньшинства, политическая оппозиция и др. – те, кто обычно попадает в разряд маргиналов. Сам же факт появления на сцене (в «живой газете») героев, представляющих те или иные социальные группы, говорит о том, что другие средства коммуникации им недоступны. Таким образом, документалистика – это средство передачи сигнала для того, кому не по карману купить смартфон или заказать рекламный ролик.

1. <http://lenta.ru/news/2015/02/12/worldpressphoto/>

2. World Press Photo <http://www.worldpressphoto.org/>

3. Верн Ж. Дети капитана Гранта. М.: Альфа-книга, 2014. – 656 с.

4. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер с англ. В. Николаева. – М.: Кучково поле, 2003. – 464 с.

5. Черных А. Социология массовых коммуникаций. М.: ГУ ВШЭ, 2008. – 448 с.

Гоманюк Николай Анатольевич

к.соц.н., доцент кафедры социально-экономической географии

Херсонского государственного университета

И.Б.Городецкий (Москва)

Авторская картина мира в дискурсе А.П. Платонова:

от записных книжек к анализу детских сказок

1. Писатель Андрей Платонович Платонов (1899–1951) является знаковой фигурой русской литературы XX века. Иосиф Бродский, анализируя творчество Платонова, назвал его язык «вершиной горы, пиком, с которого шагнуть некуда» [1, 72]. В докладе рассматривается авторская картина мира, связанная с сущностью детства.

2. Концепция детства формировалась в творчестве А.П. Платонова под воздействием идейных споров послереволюционного времени о задачах детской литературы; а также традиционного христианского мировоззрения и доктрины русского философа-космиста Н. Федорова. Оппоненты назвали философские мысли А.П. Платонова «странными» и подвергли его жесточайшей критике.

3. В качестве материала для исследования были выбраны «волшебнo-реалистические» сказки и рассказы А.П. Платонова для младшего возраста. В мировоззрении Платонова-художника, соединившего в своем творчестве черты утопии и антиутопии, в романах которого воплощены герои, «потерявшие в ситуации культурного вакуума все общечеловеческие ориентиры» [2, 95], философия детства в рассказах и сказках для детей являет собой светлую сторону бытия.

4. Методика последовательного сопоставления записных книжек и рассказов Платонова позволила выявить и представить в модели детства следующие подсистемы: ребёнок у Платонова в историческом контексте; ребёнок у Платонова в его отношении к природе: «среди растений и животных»; ребёнок в семье; «сокровенное» в душе ребенка.

5. Далее в процессе анализа внутри каждой из подсистем выделялись базовые знаки: например, базовый знак «роль отца в жизни ребёнка». Ведь отцовское начало в жизни человека и общества в целом играет важную роль. У Платонова отец также нежен, как и мать. В рассказе «Осьмушка» отец утешает сына: «[Отец] поднял сына и приютил его у себя на груди, чтобы он утешился и уснул»; «Отец погладил светлые волосы сына» [3, 137]. В функции отца по отношению к ребёнку входит «учить работать по хозяйству». В рассказе «Никита» вернувшийся с фронта отец «...стругал доски в сарае... а Никите он тоже дал работу — выпрямлять молотком кривые гвоздики». Он говорит Никите: «Давай всё по хозяйству работать» [3, 133]. В том же рассказе Платонов пишет об идее доброты, которую отец хотел бы привить сыну: «Отец, вспоминая Никиту на войне, всегда называл его про себя “добрый Кит”. Отец знал, что Никита родился у него добрым и останется добрым на весь свой долгий век» [3, 133]. И ребенок любит отца и очень тяготится его отсутствием, ведь в сюжетах рассказов Платонова часто оказывается, что отец или на фронте, или в тюрьме — словом, отсутствует. Доказательства находим и в записных книжках писателя. «Драма великой и простой жизни: в бедной квартире вокруг пустого деревянного стола ходит ребенок лет 2–3-х и плачет — он тоскует об отце, а отец его лежит в земле, на войне, в траншее под огнем, и слезы тоски стоят у него в глазах; он скребет землю ногтями от горя по сыну, который далеко от него, который плачет по нем в серый день, в 10 ч[асов] утра, босой, полуголодный, брошенный» [4]. На других примерах в докладе показано, как выявленная модель детства соотносится с содержанием отдельных «волшебно-реалистических» рассказов автора («Вся жизнь», «Осьмушка», «Июльская гроза», «Железная старуха») [5].

6. Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: в понимании авторской картины мира, связанной с сущностью детства, у А.П. Платонова важную роль играют его записные книжки. Они позволяют увидеть и почувствовать, как напряженно размышлял А.П. Платонов над сущностью детского мироощущения и какое отражение нашли его размышления в рассказах для детей.

1. *Бродский И.А.* Послесловие к «Котловану» А. Платонова / И.А. Бродский // Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. — СПб., — 2001. — Т. 7. — С. 72–74.

2. *Голубков М.М.* Русская литература XX в.: После раскола: учеб. пособие для вузов / М.М. Голубков. — М., 2001.

3. *Платонов А.П.* Сухой хлеб: Рассказы, сказки / Сост., подготовка текста, комментарии Н.В. Корниенко / А.П. Платонов. — М.: Время, 2011.

4. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

5. *Городецкий И.Б.* «Концепция детства в рассказах А.П. Платонова для младшего возраста». Дипломная работа. — М.: МГУ, филологический факультет, 2013.

Иван Борисович Городецкий

аспирант Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой

Наименования религиозных праздников в говорах Гродненщины

Важную ветвь в системе координат годового цикла архетипического человека занимают религиозные праздники. Языковой материал, выбранный из диалектных лексикографических источников Гродненщины, служит этому подтверждением. Практически для каждого двенадцатого праздника, а также для праздников в честь святых есть народные названия, что свидетельствует об их значимости. Однако в основу народных номинаций часто положено чувственное (визуальное), эстетическое или прагматическое восприятие: *Беразянка 'Троица'* (от обычая украшать храм берёзками, в некоторых местах – освящать ветки берёзы); *Грамнічнік, Грамніцы 'Сретение'* (в этот день также освящается большая свеча, называемая в народе «грамнічная» – считается, что она обладает особой силой, в частности, её зажигают во время грозы, чтобы молния не ударила в дом), *Зелянец, Зельніца, Зелна 'Успение Пресвятой Богородицы'* (28 августа по новому календарю, в этот день освящали цветы и травы – *зелье*; ср. также с местным названием зверобоя – *свенціян*: по обычаю освящают травы также на праздник Рождество Иоанна Крестителя – по-польски Яна); *мясаедніца 'неделя перед масленицей'* (на этой неделе верующим разрешается вкушать мясную пищу во все дни, включая среду и пятницу; на следующей, масленой неделе, мясная пища запрещается, но разрешается молочная – так постепенно подходит подготовка к Великому посту); *шчадзёр, шчадра, шчадруха, шчадрыца 'багатая куцця', 'сочельник'*. Иной способ номинации *Спасаўка 'Преображение'* – суффиксальное образование от *Спас (Спаситель)*, также распространённое в русских и белорусских говорах название праздника. Прагматический аспект подчёркнут в бытующей на Гродненщине поговорке: *Спасаўка – ласаўка, а Пятроўка – галадоўка*. Подобная поговорка существует и в русских говорах, трансформированная в загадку она однажды прозвучала в телевизионной передаче «Что? Где? Когда?»: «*Зимой он холодный, летом – голодный, весной – великий, а осенью – лакомка*» (четыре годовых поста).

В основу номинации *Сёмуха 'Троица'* положен темпоральный признак: праздник через семь недель после Пасхи, этот же признак отражён также во втором его официальном названии – *Пятидесятница*, поскольку он приходится на пятидесятый день после Пасхи. Иная мотивация у лексемы *саракавік 'обрядовый праздник 9 марта' (Сорок мучеников)*. Отмечены номинации от имён собственных святых: *Міколле 'зимний праздник' (19 декабря по новому стилю)*, *Міхала 'обрядовый праздник в связи с окончанием сельскохозяйственных работ' (21 ноября по новому стилю)*. Общеизвестен тот факт, что церковь старалась приблизить христианский календарь к языческим праздникам с целью вытеснить их из народного быта. *Міколле* – день празднования святителя Николая, особо почитаемого в русском народе святого, так что было позабыто его греческое происхождение и существуют многочисленные рассказы о чудесном явлении в облике простого мужика и о помощи, оказываемой простым людям. 19 декабря – это день, близкий к зимнему солнцестоянию, после которого день начинает прибывать. Первоначально в традиции многих христианских народов Европы было принято

дарить подарки именно в этот день, в память о милосердии святителя Николая. Santa Nikolas (трансформированное в Санта Клаус) и по сей день приносит подарки детям, но уже на Рождество или на Новый год. В восточнославянской традиции, однако, эта функция относится к языческому Деду Морозу. *Міхала* – День Архистратига Михаила и Бесплотных Сил Небесных. Дата особо отмечена в народном календаре, поскольку к этому времени все сельскохозяйственные работы заканчивались и во многих деревнях были приняты гуляния. *Михайлов день* почитался также землевладельцами разных европейских (христианских) стран. К этому событию, например, приурочен бал в знаменитом романе английской писательницы Джейн Остен «Гордость и предубеждение». Специфически католические обычаи отражены в названиях *Тры Каралі* (католический праздник в память волхвов, принесших дары Младенцу Христу); *Ясэлка* 'Каляды' (от *яслі*: существует обычай перед Рождеством устанавливать вертеп с фигурами Марии, Иосифа и Младенца Христа в яслях).

Таким образом, рассмотренная лексика свидетельствует о том, что христианские праздники прочно укоренились в сознании носителей Гродненских говоров, их названия «преломлены» сквозь призму народного восприятия.

Горская Светлана Альбертовна,

доцент Гродненского государственного университета

Коваль Екатерина Альбертовна,

ассистент кафедры общего и славянского языкознания

Гродненский государственный университет, ассистент

А.И. Грищенко (Москва)

Варьирование в перечнях чистых и нечистых животных

в славяно-русских списках Пятикнижия^[19]

Появление русской редакции славянского перевода Пятикнижия может быть если не датировано, то по крайней мере локализовано благодаря данным таких дисциплин, как лингвистическая география и (архео)зоология вкупе с археологией, — если привлечь их к анализу перечней чистых и нечистых животных (Лев 11, Втор 14:5), демонстрирующих примечательное варьирование от одного типа к другому (типология списков славянского Восьмикнижия и

Пятикнижия по: *Личхадзе А. А. Из истории четвѣго текста славянского Восьмикнижия // ТОДРЛ-49, СПб., 1996. С. 10–21).*

Изменения в библейских списках животных, по всей видимости, свидетельствуют об актуальности для редакторов и представляемой ими культуры такого рода пищевых запретов и о желании приспособить их к особенностям местной фауны. Так, ещё в Септуагинте др.-евр. *zémer* (Втор 14:5; животное точно не определено: возможно, газель, горный баран или козёл) соответствует греч. *καμηλοπάρδαλις* 'жираф', хорошо известный в Египте. В самом раннем типе славянского перевода, дошедшем в русских рукописях без следов правки по Паримейнику поздней редакции, было опознано лишь начало этого греч. слова, и животное оказалось уже верблюдом (то же находим в ю.-слав. группе списков, а также в «промежуточной»), хотя парой строк ниже в тех же рукописях верблюд поминается уже в списке нечистых животных (Втор 14:7). На одном из этапов редактирования славянского ветхозаветного текста (отражённом в трёх русских списках с правкой по Паримейнику Поздней редакции: ГИМ Барс. 2 XV в., БАН 45.13.4 и РГБ МДА 12 XVI в.) книжники не только обратили внимание на это противоречие, но и заменили верблюда на сайгака. На следующем этапе, также восточнославянском, связанном с внесением в славянский перевод Пятикнижия глосс и исправлений по Масоретскому тексту, сайгак удержался, причём во всех рукописях данного типа (XV–XVII вв.). Будучи явным тюркским заимствованием, само по себе слово *сайгакъ* свидетельствует о том, что оно было внесено русскими книжниками, однако территорию возникновения данной традиции можно сильно сузить, если обратиться к историческому ареалу сайгака — степного животного, лишь изредка забредавшего в лесостепь и вовсе не встречавшегося в лесной зоне. Согласно реконструкции зоолога А. Г. Банникова, «[з]ападным пределом распространения сайгака в XVII–XVIII вв. были предгорья Карпат и, по-видимому, Южный Буг и Прут <...> Северная граница в Европе проходила немного южнее Киева и далее по линии Курск, Усманы, Тамбов, Самара (Куйбышев), Уфа» (*Банников А. Г. и др. Биология сайгака. М., 1961. С. 36–37*). Согласно археологическим данным, в городах Золотой Орды и сопредельных русских земель рога сайгака использовались в производстве лекарств или украшений (устное сообщение Л. В. Яворской, НИИ археологии Нижнего Поволжья, Волгоград).

Другими своего рода ареальными маркерами могут быть такие названия нечистых птиц, как *скопа* и *бусоль*, вставленные в правленные по Масоретскому тексту списки Пятикнижия между Втор 14:17 и 18. Второе из слов в особенности указывает на западнорусское происхождение данной правки, при которой в тот же список нечистых птиц был добавлен к удоуду «глухой тетерев». Тетерев встречается среди «скверной» пищи и в русских исповедных книгах (*Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX вв. СПб., 2006. С. 259 и далее в текстах*).

Редактированию подвергались названия и других животных, что не может не говорить об особом внимании средневековых русских книжников к ветхозаветным пищевым запретам и даёт некоторые основания, особенно с учётом правки по Масоретскому тексту, предположить непосредственное культурное влияние иудейской традиции, исходящее из местных еврейских общин.

Грищенко Александр Игоревич

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Московского педагогического государственного университета

К методологии исследований дискурса

Потребность в отдельном понятии «дискурс» всё еще нуждается в прояснении. Подсказкой при отыскании особого смысла, схватываемого в этом термине, можно позаимствовать из очевидной этимологии, указывающей на «расхождение путей». Именно на этот аспект внутренней динамики языковых явлений, или внутренних напряжений, за такую динамику ответственных, и указывает спорный термин.

Вопрос, однако, в том, нельзя ли приписать этой внутренней разногласице лишь акцидентальный статус? В самом деле, если «слова» не вполне соответствуют «вещам», можно заняться «исправлением имён», исторически сложившиеся моменты непоследовательности в устройстве естественных языков попытаться исправить внедрением языков искусственно сконструированных, а в пределе — вовсе свести язык к логическому исчислению.

Неосуществимость подобных проектов (не только практическую, но и теоретическую) можно пояснить при помощи понятия сложности. Сложность в явлениях языкового типа проявляется всегда двойко, в виде взаимообусловленных аспектов, не допускающих одновременного упрощения. Так, например, можно упростить морфологию, но тогда придётся усложнить грамматику. Говоря более общо, упрощая одну сторону (назовем её «теоретической»), например, конструируя язык, состоящий из одних имён (в духе академии Лапуту) получим крайнее усложнение его практического применения. В предельном случае язык, состоящий из одних имён, должен был бы ограничиться лишь именами собственными для всякой вещи, а ещё точнее — для всякого события. Собственно говоря, язык, равномогущий Универсуму, можно было бы называть языком Бога, безупречным по точности и действенности, но совершенно непригодным для конечных существ.

Таким образом, противоречивость приходится считать имманентным свойством языковых явлений. Новое в языке (например, вводимая в оборот метафора) характеризуется при своём появлении высокой степенью сложности того типа, который мы условно назвали «теоретическим», зато в плане практического использования это новое накладывает на творца минимум ограничений (пример подобного творческого своеволия — Шалтай-Болтай у Кэролла). Дальнейшая судьба нового — обуздание сложности уточнениями и постепенное устранение первоначальной свободы установлением традиций использования. Это двунаправленное центростремительное движение обусловлено как психологически («сложные слова меня только огорчают», как говорил Винни-Пух), так и социологически (для массовой коммуникации нужна

статистическая усреднённость средств). Однако, полный коллапс обоих видов сложности сделал бы слово бесполезным, что собственно и бывает со стертыми или устаревшими словами.

Вот именно особенный способ сохранения внутренней напряжённости языковых феноменов, проявляющийся в организации речевых актов или построении текстов, и было бы уместно описывать при помощи понятия дис-курсивности. И поэтому «дискурсы» оказываются исторически и социально обусловленными образованиями, отличимыми и от жанров, и от стилей, и от речи. Методика анализа дискурсов поэтому может быть построена на отыскании не внутренних противоречий в самих языковых феноменах, но корреляций с наблюдаемыми явлениями иных порядков, чья противоречивость не вызывает сомнений, выявлении действующих при этом взаимно дополнительных типов сложности.

Так например, можно попытаться исследовать гипотезу о том, что практика определённым образом устроенного общества и вырабатываемые в нем теории характеризуются противоположными типами сложности, а преобладающий тип речи, организуясь двояким уклонением от этих сложностей, и порождает определённый тип дискурсивности с неперменным внутренним напряжением, предопределённым этой противоположностью практической и теоретической ипостасей общественной жизни. То есть теория (и, в частности, преобладающая философия) дополнительна общественному устройству по правилу оппонирующих метафор. Если взять пару "механизм — организм", то легко предположить неслучайность сочетания предпочтения аналитической философии с выбором рыночной системы, а разного рода холистических теорий с плановым хозяйством. С другой стороны, в этом можно видеть и следование единому принципу: организм анализируется, механизм синтезируется. Подобным образом целесообразно рассматривать и другие пары, вроде "случай — судьба", "божественный промысел — человеческий произвол", "традиция — новация".

Таким образом, для исследования дискурсивности предлагается не только концептуальная схема, но и методика эмпирического исследования.

Гурко Сергей Львович

н.с. Института философии РАН

Н.М. Долгорукова (Париж – Москва)

На границах литературы и истории: французская историография XII века

Одним из важнейших слагаемых англо-нормандской историографии XII века был знаменитый труд Васа, так называемый «Роман о Бруте»^[20], произведение, сочиненное при дворе Генриха II Плантагенета в 1155 году и являющееся переложением не менее знаменитой «Истории королей

Британии»^[21] Гальфрида Монмутского. Сам Вас называет «Брута» и свой источник то «деяниями бретонцев», *les gestes des Bretons* (ст. 14859), то «историей»: «так говорит история» (*ço dit l'estoire*; ст. 1597), «как напоминает история» (*si cum l'estoire recorde*; ст. 231), «так говорит история деяний» (*ço dit l'estoire de la geste*; ст. 10360). Заметим, что историей будет называть Вас и свое второе сочинение, «Роман о Роллоне»^[22].

Мы не можем полностью согласиться с А.Д. Михайловым, который писал, что слово «роман», которое Вас использует в последней строке «Брута» («Fist mestre Wace cest romanz»; ст. 14866), «указывало на жанр (не-жеста) и на язык»^[23] (не-латинский, а новый, «романский»). Из приведенных цитат следует, скорее, что «песни о деяниях» не противопоставлялись «романам», – в данном случае Вас подчеркивает лишь, что переложил латинскую «Историю» Гальфрида на народный, романский, язык, называя свой труд то «жестой», то «историей», то «романом».

В докладе мы обратимся к сравнению трех написанных практически в одно время и посвященных бретонцам произведений, – «Истории королей Британии» Гальфрида, «Романа о Бруте» Васа и сборника «Лэ» Марии Французской, а также попробуем определить, что означали для трех вышеперечисленных авторов такие важнейшие понятия из средневековой теории литературы, как «*historia*», «*argumentum*» и «*fabula*». Определения этих понятий, как мы убедимся, оказывало существенное влияние на авторов различных повествовательных произведений XII века и в том числе на их представления об «истории».

Наталья Михайловна Долгорукова

канд. фил. наук, докторант Париж-4 (Сорбонна)

преподаватель НИУ ВШЭ

С.М. Евграфова (Москва)

Проблема недиагностируемых коммуникативных неудач

в учебно-научном дискурсе

Часто встречающиеся в студенческих работах очевидные «ошибки восприятия» можно рассматривать как отсроченные сигналы о коммуникативных неудачах. Введем понятие **недиагностируемой коммуникативной неудачи** (НДКН) – это искаженное понимание адресатом высказывания адресанта, не сопровождаемое в режиме реального времени никакими сигналами и потому не корректируемое в процессе общения.

Редкие в бытовом общении, в учебно-научном дискурсе (УНД), как и в любой коммуникации профессионалов с дилетантами в рамках профессионального дискурса, НДКН весьма вероятны и к тому же аккумулируются. Они затрудняют реализацию транспортирующей функции речи^[24] и потому существенно снижают эффективность коммуникации (в частности, обучения).

С лингвистической точки зрения, НДКН обусловлены недостаточной осведомленностью адресата (когнитивный аспект) и сложностью текста (языковой аспект). При дискурсивном подходе к анализу НДКН на первый план выходит своеобразие УНД, который совмещает черты научной (содержание высказывания) и педагогической (форма высказывания) коммуникации. Когнитивные и интерактивные установки коммуникантов в научном и педагогическом дискурсах принципиально отличны.

Так, в **научной коммуникации** адресант считает адресата когнитивно равным себе, старается убедить собеседника, но не контролирует результаты воздействия, стремится доказать существование цельной и упорядоченной картины мира и потому избегает упрощений, не допускает использования заведомо ложной информации и избегает оценок. В **педагогической коммуникации** адресант оценивает знания собеседника как заведомо недостаточные, работает с изолированными фрагментами картины мира, не убеждает адресата, а любыми средствами (одобрение и осуждение, эмоции и образы, игра, многократное повторение и заучивание, упрощение и даже заведомо неточная, т.е. ложная, информация) стремится выработать у него социально одобряемые модели интеллектуального и речевого поведения.

Педагогическая коммуникация неравноправна и, в отличие от естественной, вынуждена^[25] для ученика и для преподавателя: студент часто имитирует понимание там, где его нет, а преподаватель может пренебречь режимом речевой адаптации или формально отнестись к контролю знаний^[26]. Кроме того, преподаватели нередко используют коммуникативные стратегии, типичные для научной коммуникации, что выражается в интеллектуальном высокомерии^[27]. Между тем для педагогической коммуникации более близкой моделью является бытовая коммуникация, в которой нормой считается взаимопонимание и равноправие собеседников.

Предупреждение НДКН предполагает: 1) анализ ошибок преподавателей (авторов учебников) в объяснении материала, 2) изучение когнитивных и коммуникативных способов оптимизации объяснения и 3) поиск оптимальных способов преодоления возникающих трудностей с помощью визуализации, алгоритмизации и иных приемов. Второй и третий аспекты могут и должны опираться на опыт бытовой коммуникации.

Наблюдения автора показывают, что НДКН частотны при работе студентов с публицистическими^[28], деловыми, научными текстами, а анализ НДКН при работе с учебниками показывает: основная причина непонимания – ошибки в построении учебно-научного текста^[29].

Ошибки в учебниках бывают: 1) когнитивно-логические (пишущий не знает или не до конца продумал отношения между описываемыми объектами^[30]; сюда относятся и неверная интерпретация энциклопедических и научных, в том числе иноязычных^[31], источников, и некорректное введение терминов и их эклектичное употребление^[32], и подмена содержательного утверждения оценкой^[33]); 2) коммуникативные (пишущий не учитывает фактор адресата, цель общения или иные аспекты коммуникативной ситуации); 3) языковые (обусловлены недостаточным владением нормами литературного языка, из-за чего говорящий/пишущий неточно или неправильно выражает свои мысли^[34]); 4) смешанные (и когнитивно-логические, и

коммуникативные ошибки отражаются в выборе лексем, в некорректном использовании синтаксических конструкций, в композиции текста).

Необходимость адаптироваться к адресату – ключевое отличие учебно-научного дискурса от научного, поэтому коммуникативные ошибки преподавателя часто обнаруживаются даже в манере вводить термины, давать определения и пояснения к ним, хотя эта сторона научной коммуникации теоретически является сугубо когнитивной.

В научном дискурсе дефиниции тяготеют к объективности и универсальности – в противоположность дефинициям в бытовом дискурсе, где толкование всегда целенаправленно и контекстно ориентированно^[35]. Признавая дефиниции и их разъяснения задачей не только когнитивной, но и коммуникативной и учитывая в учебно-научном дискурсе опыт, накопленный хорошими рассказчиками в дискурсе бытовом, где требование понятности сказанного адресату очевидно, можно снизить вероятность появления НДКН. В поисках наиболее удачных способов представления учебного материала полезно обращаться и к опыту лучших рассказчиков – например, Н.В. Тимофеева-Ресовского.

Литература

- [Гусейнов 2012]: *Гусейнов Г.Ч.* Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу. – М.: Дело, 2012. – 240 с.
- [Евграфова 2010]: *Евграфова С.М.* Размышления о смысловых ошибках, или Последствия вынужденной коммуникации на уроках русского языка // Русский язык. № 15–16 / 2010 (см. указатель статей <http://rus.1september.ru/topic.php?Page=2&TopicID=7>)
- [Евграфова 2014]: *Евграфова С.М.* Феномен естественной письменной речи и его влияние на языковую систему // В сб.: Антропоцентризм в языке и речи. Сер. «Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи». – Tartu: Tartu University Press, 2014. – Сс.248–260.
- [Евграфова 2015]: *Евграфова С.М.* Проблемы освоения и преподавания родного языка в информационном обществе // В сб.: Материалы научно-технической конференции «Модернизация языка: вызовы времени». 29–30 мая 2015 г. – Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2015. – С. 11–15.
- [Седакова 2004]: *Седакова О.А.* Посредственность как социальная опасность // Лекции Полит.ру от 02.12.2004 – <http://polit.ru/article/2004/12/20/sedakova/>
- [Титаев 2012]: *Титаев К.* Академический сговор // Отечественные записки. Выпуск №2 (47) / 2012. – См. <http://www.strana-oz.ru/2012/2/akademicheskij-sgovor>
- [Ушакова 2011]: *Ушакова Т.Н.* Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. – М.: изд-во Института психологии РАН, 2011. – 522 с.

Евграфова Светлана Маратовна

к. филол. н., доцент кафедры русского языка РГГУ

И.В. Ерохина (Тула)

АхматоваVS«Петербургские зимы»:

к вопросу о пограничности мемуарного текста

Более полувека назад Ахматова заметила: мемуары «какой-то непроявленный жанр». Высказывание, открыто заявляющее о своей фикциональности принадлежностью к какому-либо из традиционных жанров литературы, «лежит по ту сторону истинного и ложного, или же не достигает их различия» (Ж.Женетт). В то время как мемуары конвенционально ориентированы на фактуальность (подлинность изображаемого для них признак релевантный), и при этом, как замечала, Л. Гинзбург, в самом существе этого жанра заложен «некий фермент “недостоверности”».

На примере реакции Ахматовой на воспоминания о ней в книге Г. Иванова «Петербургские зимы» мы постараемся доказать, что характеристику «достоверный»/«недостоверный» мнемонический текст приобретает исключительно в пространстве мемуарного дискурса, поскольку категория достоверности является релевантной только в рамках коммуникативного события. Вслед за В.Тюпой мы будем различать дискурс как «единичное (монотекстовое) коммуникативное событие, обладающее *инвариантной* жанровой структурой текстопорождения» (дискурс I) или «интертекстуальное коммуникативное пространство, как правило, разножанровое» (дискурс II) и жанр как «теоретический конструкт», «инвариант одноименного дискурса». Изначальная конвенция между автором мемуаров и читателем такова: «то, о чем я здесь вспоминаю, я считаю правдой, и ты должен мне верить». Поэтому, признавая мемуарный текст недостоверным, читатель тем самым оценивает его как «конвенционально негодный», но текст при этом сохраняет свою жанровую определенность. Соответственно, те «эффекты», о которых будет идти речь, есть эффекты дискурса, а не жанра, при том что их возникновение предопределено его (жанра) конститутивными чертами.

Для тех, кто знает книгу Г.Иванова, ахматовское обвинение автора в намерении «дискредитировать» ее стихи покажется абсурдным. Чем объяснить ее, на первый взгляд, параноидальную (и в клиническом смысле, и в терминах У.Эко) интерпретацию фрагмента, который иначе как панегирик, истолковать казалось бы невозможно? И почему она поставила себе целью дезавуировать «смрадные мемуарии», публиковавшиеся в 1920-х годах, только через тридцать лет?

Думается, что внутренняя логика этой истории следующая. Литературные достоинства «Петербургских зим» никогда не подвергались сомнению. Но с самого начала была «разоблачена» их беллетристичность. Да и сам автор вполне определенно снимал с себя ответственность за достоверность рассказанного: «Есть воспоминания как сны. Есть сны, как воспоминания». Поэтому-то Ахматова имела все основания быть уверенной, что использование их в качестве документального источника попросту невозможно.

В примечании к заметке «О.М<андельштам>» ее критика была направлена прежде всего на непрофессионализм Л. Страховского, сославшегося на текст «Петербургских зим» как на мемуарный документ и наделившего его фактуальностью. Судя по саркастическому замечанию «Это уже, вероятно, словесная информация Георгия Иванова», Ахматова прекрасно помнила об их давних приятельских отношениях и этим объясняла не критический подход исследователя к выбору источников. Одновременно она высказала и обвинение в адрес Иванова, поскольку как

художник он мог позволить себе свободную трансформацию жизненного материала, но, сознавая ответственность, должен был препятствовать транспонированию своей книги в мемуарный дискурс.

Но уже через три года интонация Ахматовой приобретает предельную жесткость. Что же побудило ее начать кампанию по «дезаурированию» Г. Иванова и Л. Страховского? Дело в том, что фрагмент из «Петербургских зим» стал кочевать из одной научной публикации в другую, превращаясь, по определению самой Ахматовой, в «окаменелую цитату». Подобное тиражирование окончательно утвердило ивановские «сны» в статусе достоверного источника, на свидетельстве которого базировалась становящаяся уже общепринятой интерпретация послереволюционной биографии Ахматовой. При этом всякий раз так или иначе воспроизводилась версия Страховского о причине многолетнего молчания поэта, согласно которой, Ахматова по собственной воле отказалась от издания своих произведений, когда почувствовала, что внутренняя связь с читателем утрачена и что читатель глух к ее новому голосу. Это был сюжет в духе романтического конфликта поэта и толпы. Казалось бы в нем нет ничего оскорбительного, кроме одного – в нем нет ахматовской судьбы и ахматовской трагедии.

Таким образом, реакция Ахматовой – это реакция не на текст Иванова, а на его переход из дискурса беллетристики в дискурс мемуаристики.

Ерохина Ирина Владиславовна

к.филол. н., доцент Тульского государственного педагогического

университета им. Л.Н.Толстого

Е.Н. Зарецкая (Москва)

Об истории создания одной книги

Речь идет о моей книге под названием «Коммуникативный дар. Алексей Львович Хвостенко: любовь и бессмертие гения». Мне посчастливилось быть последней гражданской женой этого человека.

Как определяется гениальность? Видимо, по бесконечной силе воздействия на самых разных людей того, что данный человек говорит, создает, и просто делает, вплоть до, всего-навсего, личного присутствия рядом. Гений не похож на других людей: он не подчиняется общим правилам, не чтит закон, поскольку сам творит жизнь и пишет сценарий действительности. Люди, которые близко связаны с ним, помимо своей воли становятся участниками этого представления.

Алексей Хвостенко, в первую очередь, считал себя режиссером, ставящим пьесу бытия и определяющим роли всех ее действующих лиц. Одну из этих ролей он определил и для себя.

В визитке Алексея Хвостенко было написано Artist Complet, то есть наделенный всеми талантами. Artist Complet отличается универсализмом подходов, высказывает свои идеи любым способом - вербально, или графически, или звучанием. Хвостенко занимался

живописью, скульптурой, графикой, поэзией, был актером и режиссером, драматургом и музыкантом - обладая возможностью реализации в самых разных семантических системах, он утром делал скульптуру, днем ставил спектакль, а вечером у него был сольный концерт, после чего он садился за стихи. И все это с огромным наслаждением. Самого себя Алексей Хвостенко считал последним человеком Ренессанса, и одновременно предвестником нового Возрождения с его тремя целями - объединения людей, обращения к исконным сущностям и раскрытия магических способностей человеческой личности [1-4, 6].

Предлагаемая книга задумана не как мемуарная, для нее пришлось придумать особый жанр. Задача этой книги - воссоздать идиопсихотип одной отдельно взятой человеческой личности. Слово придумано мною по аналогии с термином «идиолект» (язык одного человека). Задача эта крайне амбициозна и невыполнима в принципе, но можно приоткрыть завесу... Прямое название характеристик личности в подобном случае совершенно неубедительно, и потому неуместно. Пришлось придумать новый жанр, в котором идиопсихотип раскрывается через: а) описание фреймов сознания, т.е. тех достижений мировой мысли, художественных произведений, социальных институтов и феноменов, которые данная личность считала для себя наиболее значимыми, важными, любимыми; б) репрезентацию личности во внешнем мире - творческую, поведенческую, коммуникативную (в частности, речевую) и пр.; в) восприятие этой личности окружающими людьми. То, что можно было написать или сфотографировать, вошло в книгу, но за пределами ее осталось то, что можно услышать и увидеть в движении, ощутить на уровне вибрации, запаха и вкуса, т.е. через другие семиотические (знаковые) ряды. Частью книги являются звуковые и видеозаписи, что позволяет хотя бы частично компенсировать этот пробел.

Пункт а) определил появление в книге вставных текстов (они набраны на бумаге другого цвета): «Абсурд», «Шаманизм», «А.С. Пушкин», «Возрождение», «Наркомания», «Авантюризм. Свобода. Криминал», «Елена Троянская» и др., а также клинописи майя, китайских иероглифов со значением философских категорий с их экспликацией (что в высшей степени интересовало Алексея Хвостенко) и некоторых других, каллиграфия и звучание которых могут оказаться знаками-ключами, открывающими двери его творческой мастерской [1-4, 6].

Пункт б) определил наличие в книге авторских текстов (художественных и философских), фотографией его изобразительных работ, а также личных диалогов и интервью.

Пункт в) определил наличие текстов из публикаций о нем (отрывков исследовательских монографий, эссе, газетных публикаций, Интернет-ресурсов). Сюда же относятся и мои личные воспоминания.

Моделируя человеческое сознание, книга имеет структуру продуманного хаоса, где на одной странице могут присутствовать два разных текста, не связанные с ними фотографии, иероглиф со значением одной из философских категорий и т.д.

Точно так же, как идиолект может быть определен через совокупность всех произнесенных и написанных данным человеком текстов, идиопсихотип определяется через совокупность сопутствующих личности аксессуаров, т.е., строго говоря, не напрямую, а вторично. Не исключая, что сама эта мысль была бессознательно подсказана мне Алексеем Хвостенко: им в юности была создана картина под названием «Бабушка», на которой были изображены мотки ниток, пядьцы, спицы, и это все...

Некоторые достоверные выводы удалось сделать на основе анализа его творчества, в частности, поэтического, стало понятно, например, что ему совершенно не свойственна русская языковая картина мира (с ее концептами «досады» и пр.) [5], а он являлся носителем англоязычной картины мира (с базовым концептом «путешествия» и пр.) [2], его отец, бабушка и дедушка приехали в Советский Союз перед Второй мировой войной из Англии, где прожили более 20-ти лет. В этой семье и дома говорили по-английски.

Конечно, предлагаемая книга крайне субъективна, в ней отражен идиопсихотип Алексея Хвостенко так, как его понимаю я. Однако следует заметить, что Алексей был достаточно откровенен со мной, поскольку не только любил меня, но относился с глубоким уважением и доверием.

Литература

1. Абсурд вокруг. Сборник статей. Отв. ред. О Буренина. Языки славянской культуры. М.: 2004.
2. Актон. Становление свободы. Париж, 1998.
3. Гомер. Илиада. Одиссея. М. 2003.
4. Даосская алхимия бессмертия. София, 2003.
5. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2010.
6. Платон. Диалоги. М., 1985.

Елена Наумовна Зарецкая
д. филол. н., профессор, зав. кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин
Факультета экономических и социальных наук РАНХиГС

Ю.П. Зарецкий (Москва)

Профессор Виганд о Московском университете

второй половины XVIII века

В докладе речь пойдет об автобиографии протестантского пастора Иоганна (Ивана Ивановича) Виганда (Wigand, Johann), с 1782 по 1793 гг. исполнявшего обязанности профессора истории Императорского Московского университета. Один эпизод из этой автобиографии будет проанализирован особенно подробно: прием Виганда в университет.

По поручению общины гернгутеров, к которой он принадлежал, Виганд, ранее приглашенный из Германии в Россию в качестве домашнего воспитателя дворян Хомутовых, был направлен в Москву, чтобы попытаться получить место домового священника в университете. Не имея в Москве никаких связей, он напрямую обратился к куратору университета Ивана Ивановича Мелиссино и после первой их встречи вопрос решился, причем неожиданным образом: «Несколько дней спустя, – рассказывает Виганд, – куратор призвал меня к себе и отправился вместе со мною в конференцию университета, пред которою мне предстояло держать экзамен. Известный профессор греческого языка Матаци предложил мне два-три вопроса, на которые я ответил удачно, и этим экзамен окончился. Когда же Мелиссино спросил, почему меня не подвергают испытанию, то профессор отвечал, что из нескольких слов видно, с кем имеешь дело. Этим вся формальность ограничилась, и я был определен в университет экстраординарным профессором». «И так, с помощью Божиею, – заключает он, – это дело, казавшееся мне невозможным, устроилось не более как в три дня...» (Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764-1808 гг. // Русская старина. 1892. № 6. С. 561). Как позднее выяснилось, никакой должности в университете для него не было, но помог случай: «Единственное к этому

препятствие, заключавшееся в отсутствии вакансии, было устранено тем, что профессор Чеботарев, которому было слишком затруднительно читать историю, передал мне свою кафедру» (Там же). То есть профессором истории стал случайный человек, не имеющий никаких степеней, и его назначение произошло исключительно по воле куратора (решение профессорской Конференции было чистой формальностью).

Как в дальнейшем сложились отношения Виганда с его учеными коллегами? Значит ли его рассказ о вступлении в профессорскую должность, что лекции по истории в университете в то время читали случайные люди? Какие исторические дисциплины и как преподавал Виганд? В какой мере можно доверять сведениям об университете, которые он сообщает в своей автобиографии?

Зарецкий Юрий Петрович

докт. ист. наук, доцент

Факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Т. С.Зевахина (Москва)

Доблоговый период эпистолярного жанра:

письма Венедикта Ерофеева к сестре

1. Тамара Васильевна Гущина, старшая сестра Венедикта Васильевича Ерофеева, рассказывала мне, что, когда четырехлетнего Вену, пристроившегося за табуретом и что-то лихорадочно строчившего на листе бумаги, спросили: «Вена, что ты пишешь?», он моментально ответил: «Записки сумасшедшего». В семье Гуциных - Ерофеевых долгой полярной зимой много читали, любили классику, и, конечно, Гоголя. Записные книжки, дневники, письма Вен. Ерофеева — важная часть его творчества, к их написанию он относился ответственно. Со студенческих лет в свой «живой журнал» он пишет практически каждый день.

2. По свидетельству самого писателя, в 60-х годах он писал в среднем 300-400 писем в год, в 70-х — 30-40, а за семь месяцев 1987-го только три письма сестре Тамаре. Первой весточкой в семью от Венедикта, выехавшего с Кольского полуострова поступать в МГУ, была телеграмма «Принят», а последнее письмо к Тамаре Васильевне было написано 13 декабря 1989 года, за пять месяцев до его смерти. Письма, адресованные Т.В. Гущиной, в настоящее время хранятся у другой его сестры — Нины Васильевны Фроловой, часть из них опубликована, публикация других ждет своего часа.

3. В письмах к сестре, которая была старше его на 13 лет, неизменно сквозит братская любовь, мягкость («мы все Ерофеевы во многих отношениях мягки и аморфны»), сохраняется

ерофеевский стиль, легкий и ироничный, но о серьезном — только серьезно. Например, редкое для него признание: «Плохо у меня клеится с писанием». Сестра деликатно никогда не задавала ему вопросов о его литературных делах. Обращается он к сестре по имени-отчеству, иногда приписывая к обращению «милая» и «милейшая». Просит жену Галину звонить в Кировск Тамаре Васильевне: «Ведь ей так грустно и одиноко в полярной ночи, когда за окном вьюга». Письма заканчивались, например, такими пожеланиями: «Продолжай оставаться все той же неспособной к унынию».

4. Другой особенностью писем является культуртрегерство младшего «братца». Венедикт дает советы по чтению, пишет о своих книжных пристрастиях. Редкие цитаты, редкие издания всегда сопровождаются точными отсылками к авторам. Мистификации, как это у него бывает, здесь не допускаются. Такие письма заканчиваются словами: «Расширяй свои познания, безграмотная» или «Не балуй, постигай науки, не поверхностничай».

5. В годы, когда к нему пришел успех, младший брат докладывает сестре о знаменитостях, появляющихся в их доме, о новых переводах своей повести, о постановках «Вальпургиевой ночи». Программку с творческого вечера в Центральном доме архитектора (октябрь 1988) подписывает: «Старшей и мудрой сестре Тамаре от младшего “беспутного шалопа” брата Венедикта Ер. 24/Х-88». Когда Тамара Васильевна читала письма брата близким друзьям, лицо ее озарялось мягкой, доброй и лукавой улыбкой и она говорила: «Ну, Венка, ну, загнул!».

Зевахина Татьяна Сергеевна

к. филол. н., с.н.с. кафедры теоретической и прикладной лингвистики

филологического факультета МГУ

С. В. Зелянко(Мінск, Рэспубліка Беларусь)

“Чужы” тэкст у загалюках медыятэкстаў

і праблема яго інтэрпрэтацыі адрасатам

Медыятэкстам уласціва сорбцыя сродкаў моўнай выразнасці. Аднак пры безпадстаўным тыражыраванні экспрэсіўныя моўныя сродкі пераўтвараюцца ў штампы. Гэта тычыцца і інтэртэкстуальных адзінак, якія ў выніку шаблоннага выкарыстання могуць “служыць толькі далёкім напамінам пра сувязь з тым ці іншым творам мастацкай літаратуры” [1, с. 128].

Радок “Служенье муз не терпит суеты” з верша А. Пушкіна “19 кастрычніка” ў журналісцкіх матэрыялах газеты “СБ. Беларусь сегодня” сустраўся 41 раз за перыяд 2000–2009 гг. 3

усіх прыкладаў апеляцыі да прэтэксту журналісту ДК (ініцыялы супрацоўніка СМІ) належаць 5 выпадкаў ужывання трансфармаванай цытаты – *“Строительство не терпит суеты”* (28.11.02 і 31.07.03), *“Деловой мир не терпит суеты и безалаберности”* (23.01.08), *“Важные дела не терпят суеты”* (15.10.03), *“Казна не терпит пустоты”* (19.06.01); 4 – журналісту ВП – *“Политика не терпит суеты”* (17.03.06), *“Служенье муз, как известно, суеты не терпит...”* (20.10.05), *“Театр не любит суеты”* (19.11.05), *“Однако красота, как и служенье муз, суеты не терпит”* (15.07.04); 3 прыклады ў артыкулах журналіста ЛХ – *“Жатва не терпит суеты”* (28.07.07), *“Пока специалисты и политики спорят, крестьяне спокойно растят будущий урожай. Дело это не терпит суеты...”* (10.01.07), *“Желудок не терпит пустоты”* (26.03.02); па 2 прыклады ў журналістаў ВБ – *“Экономика не терпит суеты”* (29.10.03), *“Реформирование не терпит суеты”* (27.06.02) і ВП – *“Гламур не терпит пустоты”* (05.10.06), *“Вячеслав Иванович считает, что занятия восточной гимнастикой суеты не терпят”* (30.10.04). Двойчы інтэртэкст выяўлены ў матэрыялах журналістаў ВВ (*“Поле не терпит суеты”* (15.03.07)) і ВД (*“Народный танец не терпит пьяной суеты”* (24.02.09)), пры гэтым адзін артыкул з трансфармаванай цытатай (*“Труба не терпит пустоты”* (09.01.07)) належыць абодвум аўтарам.

Пры гэтым толькі ў двух выпадках (у журналіста ЕМ) назіралася непасрэднае цытаванне А. Пушкіна для тлумачэння пэўнай сітуацыі: *“Я не могла сдержать улыбку и продекламировала: – «Служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво»”* (20.12.07), *“Признаться, будни артистов академических коллективов редко попадают в поле зрения журналистов. «Служенье муз не терпит суеты; / Прекрасное должно быть величаво». Тем не менее, когда Лондонский симфонический оркестр несколько лет назад объявил забастовку и сорвал гастролы во Франции, об этом передавали даже в новостях”* (05.01.07).

Пэралічаныя прыклады выкарыстання інтэртэксту сведчаць пра тое, што аўтары пры іх выбары не ўлічваюць густавыя перавагі аўдыторыі. Журналісты спрабуюць прыцягнуць і засяродзіць увагу чытача на артыкуле шляхам выкарыстання інтэртэксту, але ўстанаўлення і падтрымкі кантакту можа не адбыцца з-за таго, што штамп “не прадугледжвае сувязі рэальнай і прэцэдэнтнай сітуацыі і ў гэтым сэнсе не нясе семантычнай нагрукі, таму для яго становіцца нерэлевантнай семантыка-кагнітыўная асацыяцыя” [2, с. 276].

Журналістам пры выкарыстанні інтэртэксту трэба перш за ўсё зыходзіць з мэтазгоднасці ўключэння “чужога” тэксту ва ўласны, памятаючы, пра падтэксты, створаныя інтэртэкстуальнымі адзінкамі за кошт эксплікацыі прад’яўленай ў прэтэксце інфармацыі.

Літаратура

1. Іўчанкаў, В.І. Медыярыторыка : рытарычныя асновы журналістыкі, лінгвістыка публіцыстычнага тэксту, дыскурсны аналіз сродкаў масавай інфармацыі. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – 280 с.
2. Красных, В.В. "Свой" среди "чужих" : миф или реальность? – Гнозис, 2003. – 375 с.

Зелянко Сяргей Віктаравіч

к.ф.н., дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання

Е.В. Зименко (Москва)

**«Книга отзывов» первой выставки русской и советской живописи в Лондоне:
в какой мере состоялся культурный обмен?**

Первая выставка русской и советской живописи XIII–XX вв. проходила в Королевской Академии художеств в Лондоне с 1 января по 1 марта 1959 г. Можно сказать, что в это время слегка приподнялся «железный занавес» и стал возможен такой культурный обмен. Советская сторона ставила перед собой вполне определенные цели. Во-первых, показать богатство традиций и их бережное сохранение. С этой целью страна воинствующих атеистов разместила в I–II залах 16 древнерусских икон разных школ: новгородской, псковской, тверской и московской. Были привезены иконы Андрея Рублева, Дионисия, Даниила Черного. Во-вторых, представить русскую реалистическую живопись. Ей были отведены III–VII залы (Д.Г. Левицкий, В.Л. Боровиковский, В.А. Тропинин, И.Н. Крамской, В.И. Суриков, И.Е. Репин и др.). В-третьих, показать советское искусство и его метод социалистического реализма применительно к живописи. Советскому искусству были отведены VIII–XI залы (А.А. Дейнека, Кукрыниксы, А.А. Пластов, С.А. Чуйков и др.). В-четвертых, продемонстрировать национальное разнообразие советского искусства. В X зале были размещены картины армянина М. Сарьяна, эстонца Уутмаа, латыша Р. Осиса.

К выставке прилагалась «Книга отзывов», но чиновники Министерства культуры в этом следовали, скорее, традиции, а не желанию услышать оценку экспозиции и отдельных работ, иначе «Книга» хранилась бы в архиве Министерства и не попала бы в частное собрание. Она является уникальным документальным свидетельством того, чего ждали англичане и что они увидели на выставке. Отзывов очень много – больше 500, в основном, они очень подробные и конкретные.

Русская икона буквально потрясла посетителей Королевской Академии. Отзывы полны восхищения красками, композициями, философской и духовной глубиной русских икон. Выставка открыла посетителям этот не ведомый им мир, причем не только англичанам (в книге есть отзывы на арабском, персидском, французском, испанском, китайском и других языках).

Не так однозначно зрители оценили русское реалистическое искусство. Многие отмечали, что оно похоже на искусство других европейских стран того же периода. Однако возникли и вопросы: можно ли считать русскими художниками Левицкого и Боровиковского – по национальности украинцев; было ли во второй половине XIX в другое искусство, кроме обильно представленных передвижников; почему русская живопись так мрачна и небогата красками?

Эпицентром полемики стали залы советской живописи. Главный недоуменный вопрос: «Почему нет работ Малевича, Кандинского, Шагала, Лентулова и других авангардистов начала XX»? Особенно ожесточенные споры вызвали экспонаты №№ 97 и 98 – «Оборона Петрограда» (1928) и «Эстафета по кольцу "Б"» (1947) А.А. Дейнеки. Повесив их рядом, устроители спровоцировали сопоставление: «Неужели их написал один художник? Что случилось с Дейнекой между 1928 и 1947 гг.? Как мог дойти прекрасный

мастер 1928 г. до откровенной пропаганды и низкопробности в 1947 г.»? Можно сказать, посетители лондонской выставки дружно отвергли идею социалистического реализма во всех ее проявлениях. В некоторых отзывах звучит даже крамольная для советских соцреалистов мысль о сходстве их искусства с картинами художников Третьего Рейха.

Выставка 1959 г., бесспорно, стала в Лондоне обсуждаемым событием. Посетители вступали в полемику друг с другом, отстаивая свои позиции, иногда очень разные, но тщетно было ждать какого бы то ни было отклика советской стороны. «Книга отзывов» дает богатую побуждает к размышлениям, но не к панегирикам.

Зименко Елена Владиславовна,
зав. сектором изоматериалов
Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ

Н.А.Зиневич, Т.С. Сторожко (Киев, Украина)

Памятные даты в культурном пространстве цыган

Еще в 1978 г. П. Нора в своей статье для энциклопедии «Новая история» констатирует быстрый рост отдельных видов коллективной памяти, проявляющий себя в деятельности групп, которые стремятся к социальному самоутверждению и выражают озабоченность будущим через искусственное повышение ценности прошлого. Хотя память хранит как даты с положительным, так и с негативным эмоциональным наполнением, чаще этно-консолидирующую функцию выполняют именно последние. Этот факт мы можем отчетливо проследить на примере мемориализации геноцида цыган. Являясь составляющей частью концепции Холокоста, она занимает ключевые позиции в политической памяти современной Европы.

Исследователи цыганского этноса Е. Марушиакова и В. Попов отмечают, что в процессе создания и консолидации устойчивых социальных общностей особенно важны смысловые маркеры, закладываемые в основу коллективной памяти. В настоящее время происходят процессы переосмысления концепта геноцида цыган во время Второй мировой войны и наполнение его новым содержанием и особенно новыми социальными функциями, которые этот концепт выполняет.

До признания этих событий на государственном уровне, в цыганском обществе существовала собственная внутренняя культура поминовения, которая была вплетена в семейный и религиозный календари. Не выходя за границы общин, маргинализируемая память была поводом к общению внутри больших родов во время поездок на кладбища или места гибели родственников. Государственная политика памяти находится в плоскости обозначения мест памяти как конкретных мест на карте и даты как места памяти. Поскольку даты являются информационным поводом для коммеморации, в официальных календарях разных стран выделяют несколько дат памятования про геноцид– 24 января, 8 апреля, 2-3 августа.

В настоящее время происходит синхронизация двух календарей и включение (или не включение) этих дат в культурное пространство. В данном контексте ключевую роль играет система фильтров, которые являются мощной коммуникативной платформой и способствуют формированию доминирующей истории цыганского общества. К ним можно отнести массовые мероприятия, посвященные чествованию памятных событий, различные встречи, фестивали; активно задействуется визуальный компонент – проводятся передвижные выставки, традиционные ритуалы памяти, которые мы рассмотрим на примере «Каравана памяти» и традиции чествования памяти «цыганской ночи» в Аушвице (Польша).

Начиная с 1996 г. цыганские общественные организации при поддержке Тарнувского музея устраивают ежегодные акции – т.н. «цыганские караваны памяти». Цыгане на традиционных повозках едут из Тарнува в деревню Щурову, где на кладбище похоронены 93 человека, ставшие жертвами геноцида. На кладбище происходит церковная служба, зачитывается список погибших. Затем для местных жителей устраивается концерт цыганской музыки. По мнению директора музея Адама Бартоша, «караваны памяти» являются очень важными событиями для культурной и общественной жизни Тарнова: они помогают цыганам осознать принадлежность к своему народу, создают позитивное представление о цыганах у окружающего населения.

С 2010 г. усилиями Международной цыганской молодежной сети Ternpуре проводится чествование памяти массового уничтожения цыган в Освенциме-Биркенау 2-3 августа 1944 г. Так в 2014 г. для участия в мероприятиях, посвященных 70-й годовщине события, в Кракове собрались около 1000 молодых цыган и не цыган, представлявших более 25 стран. Программа включала 2-дневную научную конференцию, цикл образовательных семинаров и тренингов, встречи участников с бывшими узниками лагеря смерти, а также поездку в Аушвиц, где состоялась торжественная церемония по случаю 70-й годовщины ликвидации «Zigeunerlager» и также экскурсия по музею.

Культурные мероприятия, посвященные Международному дню цыган (8 апреля), в целом проходят на мажорной ноте – цыгане ощущают свою включенность в макрообщество как негосударственное образование, однако рядом всегда присутствует поминовение невинно убиенных.

Таким образом, мы можем рассматривать памятные даты и практики их чествования в качестве локальностей, формирующих сегодня устойчивые нарративы цыганского общества.

Зиневич Наталия Алексеевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Института украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины

Сторожко Татьяна Сергеевна,

аспирант Института украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины

Основные зоны культурного ландшафта.

Типы границ / переходных зон

Культурный ландшафт – пространство, где культура явлена телесно и сплошно, а не множество фрагментов. Дана схема упорядочения, усмотренная в материале культурного ландшафта, но применимая и шире.

Популярная схема «центр - периферия» неадекватна: всегда различимы внутренняя и внешняя части, сердцевина и окраина, ядро и кромка, ядро типичности и переходная зона, окраина и пограничье и т.д. Схема все это не различает. Заменяется схемой: *центр- провинция периферия - граница*.

Центр - представитель системы в мире и внешнего мира в системе. Концентратор сложности, специфики и разнообразия. Активное доминирующее начало. Открытое сложное многослойное единство связанных разнообразных компонентов. Основа пространственной структуры - целостная богатая форма, связана со статусом (функцией, миссией) и пространственным положением. Доминанты символически-вертикальны. Деятельность оперирует со знаками, символами, нормами etc, даже вещественные образования семиотичны («текст города»). Герменевтическая супермашина системы; функция - организация ее разнообразия, его интерпретация и взаимный перевод.

Провинция - относительно самодостаточная внутренне связанная средняя зона. Преобладают автохтонные элементы и работа с вещами при балансе телесности и символичности. Провинция - полноценное культурное бытие; культура телесна, ландшафтна и пронизывает быт. Содержит мощные самоописания, неполно артикулированные, но содержательно богатые, убежище культурно значимых текстов.

Периферия - зависимая окраина; место решения задач иных мест, ресурсная база. Пространство присвоено, а не освоено. Связной ткани ландшафта нет, фрагментарна. Реализуется обычно как периферизация иных зон, колонизация чужой Провинции.

Граница - контр- и анти-Центр; ее места одновременно входят в соседние системы и/или находятся между ними, ни в одну из них не входя. Интегрирована положением «между» в физическом или фазовом пространстве. Деятельность - посредничество, сепарация, медиация. «Смесь» ландшафтов; их отношения от равнодушия до конфликта и взаимного паразитизма.

Границы и переходные зоны чрезвычайно разнообразны. *Граница / переходная / пограничная зона – не единый тип, может быть итогом разных, даже противоположных ситуаций.* Морфологически граница может быть почти сколь угодно широкой, напр. «граница *Европа / Азия*».

Конъюнктивная граница=зона – обобщение понятия переходной зоны - соединяет смежные районы, выполняя логическую функцию опосредования соседства;

лишена собственного содержания, ее особенности и функции полностью выводятся из промежуточного положения и исчерпываются на основе предиката «быть между» в ландшафтом и фазовом пространстве; результат наложения двух отграничений для смежных районов.

Дизъюнктивная граница=зона - обобщение понятия промежуточной разграничительной линии. Выполняет логическую функцию различения и расчленения, но имеет собственное содержание, не сводимое целиком к сочетанию элементов смежных районов; не выводится из своего положения. Результат разграничения или расчленения. Налицо корреляция этих типов с позитивным и негативным соседством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каганский В.Л. Этюды о границах. I. Ситуация границы и граница // Мир психологии, 1999, №4.
2. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
3. Каганский В.Л. Типы границ и типы районов культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
4. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.

Каганский Владимир Леопольдович,
кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН

Ю.В. Кагарлицкий (Москва)

Споры о языке и характерологическая революция

(замечания А.С. Шишкова к фрагменту «Таинств Удольфских»)

Настоящий доклад посвящен литературному памятнику, отнюдь не обделенному вниманием историков языка, культуры и литературы. «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка», написанное и опубликованное А.С. Шишковым в 1803 г., обозначило исходный рубеж для многолетней полемики между архаистами и новаторами, шишковистами и карамзинистами. Языковые идеи «Рассуждения...» хорошо известны: его автор порицает увлечение французским языком, овладевшее, по его мнению, представителями «нового слога» в русской словесности. Основной мишенью шишковских атак были Н.М. Карамзин и писатели, близкие к нему, хотя в действительности круг тех, кому можно было адресовать эти упреки, был значительно шире. По мысли А.С. Шишкова, современные писатели, под влиянием даваемого им воспитания, увлекаются иноязычными образцами и иноязычными заимствованиями, пренебрегая при этом богатством и выразительностью славянского языка. Это приводит к тому, что возникает новый язык, насыщенный нелепыми галлицизмами и лишенный той красоты слога, которой, по мнению полемиста, полны «церковныя и старинныя Славенскія и Славено-Россійскія книги»^[36].

Основные идеи А.С. Шишкова были подхвачены целым рядом литераторов, что привело к складыванию противостоящего карамзинистам лагеря. «Споры о языке как факт русской культуры» (Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский) стали темой большого количества научных работ. Между тем, сам текст «Рассуждения...» по сей день изучен не вполне удовлетворительно и не откомментирован. В частности, не атрибутированы приводимые в нем многочисленные цитаты^[37]. Предлагается рассмотреть одну из таких цитат и замечания к ней, сделанные Шишковым. Чтобы продемонстрировать превосходство слога старинных книг над слогом новейших сочинений, Шишков сопоставляет два текста. Один из них — это описание св. мучениц Минодоры, Нимфодры и Митродоры, взятой из Четых Миней, а другой — отрывок из некоей переводной книги «изъ переводовъ нашихъ, нынѣ издаваемыхъ»^[38]. Шишков, по обыкновению, не называет книгу, однако не составляет большого труда установить, о каком сочинении идет речь: в качестве образца «нового слога» взят фрагмент из 1-й главы романа Анны Рэдклиф “The Mysteries of Udolpho”, известного к тому времени в переводе с французского, выполненном студентом Федором Загорским и изданном в 1802 г.^[39]

На первый взгляд, перед нами очередной раунд спора о языке: житие трех дев-мучениц написано четким, внятным и выразительным языком, тогда как избыточное непонятными и расплывчатыми заимствованиями описание юности главной героини «Таинств Удольфских» лишено этих достоинств. Однако анализ замечаний Шишкова к переводу «Таинств» обнаруживает другой, более глубокий план в его критике «нового слога». По-видимому, речь идет об отношении к той характерологической революции, которая происходила в словесной и интеллектуальной культуре на рубеже XVIII–XIX вв. Описание статуарных, равных себе характеров уступало место характерам динамически развивающимся. Динамика характера требовала специфической терминологии, каковая, собственно, и обеспечивалась за счет заимствований, поскольку в западноевропейской литературе подобная терминология была уже развита и разработана. Можно прийти к заключению, что Шишков не только постулировал чуждость и неприемлемость «нового слога» в языковом отношении, но и интуитивно ощущал разрушение той характерологии, которая представлялась ему нормативной. Поэтому замечание: «Что такое: *развивать характеръ*? Похожъ ли этотъ бредъ на Руской языкъ?»^[40] — может быть понято не только как упрек языку, но и сомнение в основательности самой нарративной техники. Сентименталистская наррация требовала не смены стиля, а смены концептуального аппарата при описании поступков и движений души. Заимствования были внешним проявлением этого сдвига, и А.С. Шишков, видимо, почувствовал это.

Кагарлицкий Юрий Валентинович,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

«Я хотела написать книгу...»:

Полевой лингвист как фиксатор и транслятор уходящей культуры

Доклад подготовлен под впечатлением и по материалам экспедиции к туруханским селькупам и эвенкам, проводившейся летом 2014 г. при поддержке РГНФ^[41].

Мы работали в селькупском поселке Фарково и эвенкийском поселке Советская Речка (Совречка). Основным языком общения и в Фаркове, и Советской Речке, да и на стойбищах сегодня является русский, этнические языки используются редко, в основном представителями старшего поколения. Из 229 фарковских селькупов хорошо владеют своим этническим языком человек 15-20, младшим из них под 60. Хорошо владеющих эвенкийским среди 119 эвенков Совречки и стойбищ наберется человек 40, младшим из них около 30.

Наша экспедиция была полна символов, зачастую мрачноватых. Если оставить в стороне торчащие из бетонного фундамента покосившиеся столбы торжественно заложенного в 2007 г. нового здания фарковской средней школы, которое, похоже, изначально было обречено на недострой, а сейчас как нельзя лучше символизирует «наше непростое время», то великая трагедия исчезновения языка неожиданно предстала перед нами в образе смертельно больного информанта, одного из последних знатоков местного фольклора среди туруханских селькупов.

Больной был слаб, но когда его отпускала боль, был рад скоротать время, рассказывая нам сказки, которые слышал в детстве и, в отличие от многих своих сверстников, запомнил на всю жизнь. Сказки эти он слышал от своего воспитателя в школе-интернате. В 1950-1960-е годы в фарковской школе-интернате был замечательный воспитатель Илья Кукушкин, судя по фамилии, человек с кетскими корнями, но прекрасно говоривший по-селькупски, знавший множество сказок и любивший эти сказки рассказывать. Вопреки тогдашнему общему направлению педагогической мысли, предписывавшему учителям и ученикам избегать в школах и интернатах Севера разговоров на каком-либо языке, кроме русского, Илья Кукушкин разговаривал со своими воспитанниками по-селькупски, а по вечерам перед сном рассказывал им удивительные сказки на том же селькупском языке. В те далекие годы большинство учеников селькупским еще владели. Вот эти-то сказки «от Ильи Кукушкина» мы и записывали прошлым летом от его бывшего ученика и на видеокамеру, и на цифровой диктофон. Тексты на умирающем языке от умирающего рассказчика – вот уж по истине символ исчезновения языка!

Но пора рассказать о лингвистических удачах экспедиции, которыми мы обязаны двум замечательным женщинам, 60-летней селькупке из Фаркова и 50-летней эвенкийке из Совречки. Каждая из них хорошо владеет своим этническим языком, хотя в последние годы использует его нечасто. Согласившись на рассказ, каждая в течение нескольких дней обдумывала, о чем нам рассказать.

Эвенкийский рассказ – это история семьи, глава которой сначала (при царском режиме) был князем, а потом (в первые годы советской власти) председателем родового совета эвенков Тазовской тундры. Детские воспоминания рассказчицы перемежаются историями, услышанными от старших родственников. Главный герой рассказа – дед, кочевавший по тундре со своими оленями, построивший себе вдали от поселка большой деревянный дом на берегу реки, помогавший родичам, учивший жизни молодежь и баловавший свою любимую внучку.

Селькупский рассказ продолжался два с половиной часа. Рассказчица сообщила, что выбрала эпизоды своей жизни, которые ей чем-то запомнились и которые представляются ей важными. Начала она со своих первых детских воспоминаний о том, как со своими родителями кочевала с оленями по тайге. Детально описываются места кочевков, соседи по стойбищу, прежде всего старики, знающие как поступить в любой нестандартной ситуации, повседневный быт туруханских селькупов полувековой давности. Среди прочего, в рассказе есть подробное описание медвежьего праздника, участницей которого оказалась рассказчица. Существуют подробные описания медвежьего праздника у разных сибирских народов – культ медведя был широко распространен по всей Сибири, – а вот подробного описания медвежьего праздника у селькупов, насколько мне известно, до сих пор зафиксировано не было.

На следующий день после записи я случайно услышала разговор нашей селькупской рассказчицы с ее подругой. «Я давно хотела написать книгу, - сказала она, но теперь вот все им рассказала, это записано и никуда не денется».

Когда-то рассказы пожилых людей о прожитой жизни, предания семьи или рода дети и молодые люди слушали и запоминали, а потом, взрослея, передавали дальше во времени своим детям и внукам, а те своим. «Слушай внимательно и запоминай», – так говорили детям и подросткам в сибирских поселках и на далеких стойбищах в тайге и тундре еще полвека назад. И всегда находились те, кто запоминали. Кое-кто и сейчас еще помнит и готов рассказать, только вот не стало слушателей, особенно для рассказов на языке предков. Прервалась связь времен, внуки не понимают языка дедов, говорят только по-русски. Когда мы просим наших информантов рассказать под запись что-нибудь на их этнических языках, мы тем самым создаем коммуникативную ситуацию для использования этих языков, заменяя собою (и своей видео- и звукозаписывающей аппаратурой) слушателей. Выходит, что сегодня соединение звеньев временной цепи и вместе с тем ответственность за обеспечение дальнейшей трансляции услышанного и записанного ложится на лингвистов. Эту роль лингвистов нередко осознают и сами информанты.

Казакевич Ольга Анатольевна,
к. филол. н., зав.лаб., НИВЦ МГУ

И.Б.Качинская (Москва)

МАТИЗМЫ и их ЭВФЕМИЗМЫ в архангельских говорах

1. Излишне говорить, что, несмотря на любые запреты и самозапреты, матизмы в речи достаточно популярны. Сферы использования мата, причины его употребления многообразны. Информанты так объясняют условия, когда используются непристойные выражения: *Иногда я матькаюсь – когда в досаду. Я сама так матюкалась, как без матюков! А этот мат у нас безобидный, он, как говорится, для связки слов.* Мат выполняет также функцию оберега: рекомендуется *матюгаться*, но не *лешакаться* и не *чертыхаться*.

Отмечается высокая частотность обсценной лексики: *Старичок один у нас был, без матки слова не сказывал. Така была громкоголосна женщина, без матюга не говорила. Робята – у их одне маты.* Ругаются *большим (великим) матом*; посылают *на большие матюги*. Что конкретно имеется в виду под «большими матюгами», не всегда очевидно. *Большими (круглыми, грубыми) матюками, самым большим матом* чаще всего являются проклятия с использованием обсценной лексики. Именно *большие матюги* в первую очередь подвергаются эвфемистическим заменам: *Поди ты натур, я воевал – тебе орден!* Иногда, впрочем, ни *большое*, ни тем более *малое ругательство* не предполагают наличия обсценной лексики, что не уменьшает экспрессивности проклятия: *Мало ругательство было: «Чирей тебе в горло!», а большо: «Сто чирьев тебе в горло!»*

2. Основной трехчлен ЁТМ, как правило, выглядит как ФЕ с неподвижными элементами, слегка меняться может только первый, собственно обсценный элемент. Но в архангельских говорах варьированию может быть подвергнут каждый элемент. Имеет свои грамматические и эвфемистические варианты глагол; притяжательное местоимение может быть не только 2 л. ед. ч. (*твою*), но и мн. (*вашу*), а также 3 л. ед. и мн. ч.: (*его, её, их*). Подвергается разнообразному варьированию конечный элемент (*мать*).

3. Эвфемизация матерной брани вытекает из необходимости сохранить общую экспрессию при уменьшении грубости выражения, без использования собственно обсценных слов. Видоизменение, эвфемизация ФЕ происходит по нескольким каналам, которые условно можно было бы назвать «фонетическим», «морфологическим» и «синтаксическим». Чтобы сохранить экспрессию, эвфемизм должен иметь «маркер», быть узнаваемым. Самым частотным, по-видимому, является **фонетический** маркер: эвфемизм начинается со звука «йот» ([j]), после которого идут гласный [o] или [e] (реже [a]): *ёрш, ёх, ёш, ёлки, ё-ка-лэ-мэ-нэ; едрить, едыть, екуть, еси, ядрень* и проч. – все они призваны замещать обсценный элемент. «Фонетический» маркер может выступать самостоятельно с помощью дублирования корня: *ёш мой ёш, едри же переедри*. В качестве фонетического маркера могут быть использованы не только квазилексемы, но и «обычные» слова и словосочетания: *ёлки-палки, ёлки-моталки, ёлки зеленые*.

Морфологический (грамматический) маркер: в качестве эвфемизма подбирается слово, спряжение которого грамматически близко обсценному: это глаголы *грёсти* и *скрести* и соответствующие им отглагольные прилагательные. Помимо этого, возникают квазилексемы типа *гретит, едрит, едрить, екуть* и проч., которые не являются самостоятельными словами, т.к. не имеют собственных значений, а используются в качестве эвфемистических дублеров обсценных словоформ. В одной фразе может присутствовать сразу несколько маркеров,

например «фонетический» и «синтаксический»: эвфемизм с [j] в начале (или в конце) конструкции + сохранение просодического контура; необсценные элементы могут сохраняться (но могут меняться и утрачиваться): *ёрш твою мать, едрить (едреть) твою мать, ядрень твою мать, твою мать едриту* и проч.

В трехчлене обсценный элемент может заменяться небранным словом – этот новый элемент часто перемещается в постпозицию: *мать твою шары, мать твою заразу, мать твою за ногу, мать твою душу*. Обсценный элемент может быть заменен нейтральным местоименным наречием (*так, этак*) или частицей (*вот*). Частотны двучленные рифмованные конструкции-глоссолалии с использованием «слова-эха»: *ёк-коренёк, ёк-макаёк, ёк-макарёк, ёма-порёма, ё-моё*, а также *екира-мара, мак во ели* и т.д. В конструкциях с глоссолалиями элемент *мать* может оставаться; сохраняется просодический контур с ударным начальным и конечным слогами: *мать-чекалё (-чикочи, -теочи)*: *Такой матюк есь у нас – «мать-чикочи», не матюк, а вместо матюка, когда зло берёт.*

Подвергается разнообразной замене 3-й элемент - как в лексическом, так и в грамматическом плане: *едрить твою налево (и направо), едрить твой накосо, едрит твою палку, ёрш твой корень, ёш твою дать, ёш твою маковку, екуть твой дать, секут твой дать, екуть твои лапти, свет твою рать, еси твой лапоть* и мн. др.

4. Особенности речевого поведения, в том числе в области использования (или, напротив, неиспользования) обсценной лексики фиксируются в прозвищах: *А батьку прозвали Ясное Море – он всегда заместо мата вставлял*. В другом случае мужчину прозвали *Малиной* по его любимому ругательству-эвфемизму: *Он не матюкался, ничё, у него матюк: «В рот те малина!»* Или *Корешком*: *«Едрить твой корешок», - любил говорить*. По ругательству, часто употребляемому мужем, получила прозвище его жена: *Дарья Еси-Твой-Лапоть*.

Исследование проведено на базе «Архангельского областного словаря» - на основе вышедших и готовящихся к выходу выпусков, огромной картотеки, хранящийся на кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, электронного корпуса АОС и собственных полевых записей автора.

Качинская Ирина Борисовна
канд. филол. н., м.н.с., филологический ф-т МГУ, каф. русского языка

М.Н. Кибальная (Москва)

«По прошедшему мы можем судить о будущем»: дневник А.Ф. Кистяковского

Автор «Дневника» – профессор Университета Св. Владимира Александр Федорович Кистяковский (1833-1885), известный ученый-криминалист, историк права, юрист и общественный деятель второй половины XIX в. Его имя тесно связано с научной и общественной жизнью Киева второй половины XIX в. Также он был сотрудником «Журнала министерства юстиции», инициатором создания и главой Юго-Западного отдела Русского юридического общества, членом Киевского географического общества. Насыщенную научную работу он совмещал с адвокатской практикой и активной общественной деятельностью.

«Дневник» А.Ф. Кистяковского охватывает период с 10 февраля 1874 г. по 1 января 1885 г., но записи велись нерегулярно. Изначально, дневник создавался исключительно для себя, но автор предполагал, что в будущем записи могли бы заинтересовать последующие поколения. Обнародовать Дневник ему представлялось возможным только лишь спустя многие десятилетия после своей смерти.

В «Дневнике» нашли отражения все аспекты жизни и деятельности А.Ф. Кистяковского: научная и преподавательская работа в университете, общественная деятельность и хозяйственные дела. Особенно интересными материалы «Дневника» могут быть для реконструкции городской жизни Киева в 70-80 гг. XIX в. – в нем подробно описываются противоречия, возникающие между различными городскими «агентами», борьба в Киевской городской думе, различные стороны функционирования городской администрации.

Еще одним важным тематическим блоком «Дневника» является внутренняя жизнь Университета Св. Владимира в этот период. В дневниковых записях речь идет об общеуниверситетских и факультетских делах, работе Киевского юридического общества, борьбе между профессорскими «партиями», жизни студентов и преподавателей. Причем, А.Ф. Кистяковский не просто описывает события, но и активно принимает участие в происходящем.

«Дневник» А.Ф. Кистяковского многопланов и позволяет взглянуть на внутренний мир университетского интеллектуала второй половины XIX в., активно рефлексирующего как над собственной жизнью, так и над судьбой отечества, с разных сторон. Характерной чертой «Дневника» является сочетание локального (киевского) сюжета с общеимперской панорамой, что делает его ценным источником по культурной и общественно-политической жизни того времени.

Кибальная Марина Николаевна

аспирантка аспирантской школы по историческим наукам Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

**You Tube против «Словаря русского языка»,
или о том, как последние становятся первыми**

В докладе будет рассмотрена проблема динамического взаимодействия между центром и периферией функциональных систем, в частности, явление, которое будет квалифицировано как функциональная нобилизация периферийных (или же маргинальных) форм существования системы. Данное явление будет рассмотрено в философско-семиотическом или лингвистическом аспектах. В частности, будет показано несоответствие между иерархией лексических (первичных и вторичных) значений слов в лексикографических описаниях (в системе языка) и типом их функционирования в текстах, культивируемых в интернете (в качестве сферы употребления таких текстов будет рассмотрен You Tube). Из анализа эмпирического материала вытекают два основных вывода: 1) в большинстве случаев наблюдается диспропорциональное — по отношению к системе языка — употребление исходных и переносных значений: семантическая информация, которой в лексикографических описаниях соответствует маргинальный статус, в сфере интернет-сервиса You Tube выдвигается на первый план, а в крайних случаях исходное значение вообще подвергается полному «выветриванию»; 2) коммуникация в интернете способствует развитию маргинальной экземплификации (при сохранении доминирующего статуса основного, исходного значения), т.е. таких специфических случаев референтной актуализации значения, которые не представлены в лексикографических описаниях, а иногда и не предусмотрены в них — в соответствии с соображениями этики. Один из общих выводов, который следует из проведенного анализа, состоит в признании факта, что генеративные и функциональные процессы принципиально автономны: хотя производные феномены с генеративной точки зрения обладают определенным приоритетом, однако с функциональной точки зрения иерархия статусов нередко оказывается обратной: именно производные, материально вторичные феномены репрезентируют ценности высшего порядка, что, в частности, находит отражение в их экспансивности/частотности. Читающего исторические источники может удивить, что наиболее древние следы виноделия обнаружены в Загросских горах в Иране. Сегодня Иран никак не ассоциируется у нас с виноделием — скорее, европейские страны: Италия, Франция, Испания. Однако данный факт хорошо подтверждает указанную выше асимметрию генеративных и функциональных процессов.

Александр Константинович Киклевич

профессор, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

Е.И. Кислова (Москва)

К началу 18 века в России распространяется новый тип проповеди – школьный, схоластический, барочный – восходящий к украинским и польским (и шире – западноевропейским барочным традициям). При Петре такая проповедь рассматривается как инструмент работы с массовым сознанием, средство формирования общественного мнения: именно в проповеди можно было объяснить задачи реформ, смысл происходящих в обществе изменений, значение той или иной военной победы. Ряд указов был направлен на то, чтобы заставить ученое монашество проповедовать. Параллельно в России распространяются семинарии и формируется система образования духовенства (которая также опирается в качестве образца на украинские духовные училища (в первую очередь – Киево-Могилянскую академию), и, следовательно, на польские иезуитские коллегииумы). Предметы, представленные в семинарском образовании, должны были сформировать ученого монаха, знатока не только богословия, но и риторики и поэтики. При семинариях также развивается регулярное проповедничество.

В результате к 1740 годам можно говорить о сосуществующих типах проповеди:

а) Проповедь придворная, произносившаяся обычно во время праздничных богослужений при дворе, чаще в присутствии императора.

б) Проповедь семинарская, которая регулярно произносилась в церквях при семинариях и которую могли посещать все желающие.

в) Проповедь приходская (в столицах и провинции), которая произносилась в приходских церквях и монастырских соборах.

Правительство регулярно требовало различными указами регулярной проповеди в церквях и монастырях, однако в первой половине 18 века вне семинарий такая проповедь всё равно была мало распространена. Вне придворных торжеств и богослужений в присутствии императриц в Успенском соборе в Москве и Петропавловском в Санкт-Петербурге отдельные проповеди произносились уже в конце 1730х гг., однако регулярными они становятся только в 1750х гг. Распространение проповеди в рядовых приходах связано с увеличением количества выпускников семинарий среди духовенства.

В докладе мы рассмотрим, насколько придворные проповеди проникали в среду провинциального и приходского духовенства.

Некоторые сборники, включающие придворные проповеди, содержат записи и пометы, свидетельствующие об их бытовании в среде провинциального священства (к сожалению, нельзя утверждать, что они были в ней созданы).

Приходские священники, получившие семинарское образование, во второй половине века также начинают создавать собственные собрания проповедей, например, «Проповеди московского Николо-Ямского священника Николая Дмитриева и др.» (РГБ НИОР ф. 299 д. 386): это сборник, сшитый из разрозненных тетрадей одного автора с исправлениями и пометами, сделанными при объединении проповедей той же рукой. Эти проповеди произносились в Москве в 1776-1791. К концу века появляются сборники провинциальных приходских священников, например, "Нравоучительные беседы свящ. М.Дмитревского", написанные в селе Ломцы (возможно, Новосильский уезд Тульской губернии) в 1798 г.

Таким образом, несмотря на фрагментарность сохранившегося материала, можно сделать некоторые выводы о включенности приходского и сельского духовенства в единую культурную среду 18 века, а также проследить те отличия, которые были характерны для приходских проповедей.

Кислова Екатерина Игоревна,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка
филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

А.А. Кожина (Минск)

Маргиналии на полях Книги Даниила из Виленского ветхозаветного свода

Виленский ветхозаветный свод входит в состав Виленского кодекса (F 19–262), который в настоящее время хранится в Вильнюсе, в библиотеке Академии наук Литвы (ранее рукопись принадлежала библиотеке Супрасльского монастыря). Он представляет собой выполненную примерно в 1517–1533 гг. копию перевода девяти ветхозаветных книг (среди них и Книга пророка Даниила), которые были переведены непосредственно с древнееврейского языка. Установлено, что перевод был сделан уже во второй половине XV в., возможно, в Киеве. Как известно, оригинал Книги Даниила написан на двух языках – древнееврейском и арамейском, и Виленский ветхозаветный свод содержит один из двух известных в настоящее время переводов, сохраняющих эту древнюю дихотомию: в нем присутствуют части, написанные на церковнославянском и «простой мове». При этом «простая мова» здесь также неоднородна: в ней можно выделить украинский (с влиянием церковнославянского языка) и белорусский (с влиянием польского языка) варианты. Возможно, фрагменты с участием последнего возникли в связи с переписыванием и правкой первоначального варианта перевода здесь, на западных землях (см. первоначальное место хранения рукописи). Однако рукопись содержит еще одну интересную составляющую: правки на полях. Где были сделаны эти правки? Анализ языковых данных позволяет также предположить их западное происхождение, о чем и пойдет речь в докладе.

Кожина Алла Андреевна,
доктор филологических наук, профессор
кафедры теоретического и славянского языкознания
Белорусского государственного университета

Е.Б.Козеренко (Москва)

**«Наших дедов мечта невозможная» - Учредительное собрание
в Черных тетрадах Зинаиды Гиппиус**

У. С.

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и воздыхание, —
Учредительное Собрание, —
Что мы с ним сделали?

(12 ноября 1917

З.Н. Гиппиус)

Учредительное собрание - первый в российской истории парламент, избранный на основе всеобщего равного избирательного права, символ и мечта длительного демократического движения в России. История Учредительного собрания до конца не исследована. Предполагалось, что именно Учредительное собрание будет обладать правом установления нового государственного строя и нового законодательства России после отречения императора Николая II от престола 2 марта 1917 года, заявившего, что он примет престол лишь в случае, если на то будет воля народа, выраженная через Учредительное собрание. Правительство, пришедшее тогда к власти, потому и называлось Временным, что оно должно было управлять страной до созыва Учредительного собрания...

В Петербургских дневниках З.Н. Гиппиус, а именно в Черных тетрадах, посвященных 1917-1919 гг., представлена уникальная хроника событий, связанных с открытием, кратким заседанием и разгоном Учредительного собрания большевиками. События разворачиваются в обстановке нарастающего давления на демократические свободы со стороны новой большевистской власти. Образное, эмоциональное описание происходящего и характеров активных действующих лиц З.Н. Гиппиус сопровождает анализом состояния и исторических перспектив развития российского общества.

Козеренко Елена Борисовна

кандидат филологических наук

заведующая лабораторией ФИЦ ИУ РАН – Ин-та проблем информатики РАН

Древний город Рыльск

в рукописных воспоминаниях Э.А. Коротневой

Рыльск — один из древнейших городов не только Курской области, но и России. В летописях Рыльск упоминается впервые под 1152 годом, когда Юрий Долгорукий — князь Суздальский и Ростовский, после неудачного похода на Чернигов «иде к Рыльску». Затем имя Рыльска звучит в 1185 году, когда он составлял особый удел и князья его участвуют в различных войнах. Так, Святослав в 1185 году в Игоревом походе; Олег — в битве при Калке в 1224 году, Мстислав — в 1241 году. К XIX веку это уже солидный купеческий уездный город Курской губернии. Но если исторические вехи кое-как расставлены, повседневная жизнь этого времени совершенно неизвестна. И в этом отношении особый интерес представляют воспоминания Эмилии Альбертовны Коротневой (урожд. Эберг; 1864–1929), ее объемные воспоминания, охватывающие период с конца 1860-х и до 1897 г., хранятся в НИОР РГБ (более 1000 стр.). Они никогда ранее не публиковались, а между тем обладают очевидным художественным достоинством.

Несомненно, тетрадь была для автора способом творческой и эмоциональной самореализации. Но на основании ее записей мы можем судить не только о личном мире автогероини, но и о каждодневной провинциальной жизни.

Домашняя усадебная литература, созданная непрофессионалами, чаще всего остается за рамками исследований, в лучшем случае о ней говорят как о явлении литературного быта, но еще в 1920-е гг. Ю.Л. Тынянов писал, что литература является динамичной и подвижной системой, в которой отсутствуют жесткие границы между литературным фактом и литературным бытом.

Для нас воспоминания Коротневой были интересны возможностью восстановить реалии провинциальной жизни Курского края. Детство и юность Эмилии Альбертовны Коротневой прошли в Михайловском хуторе и в г. Рыльске Курской губернии. Она подробно описывает город Рыльск, его историю, архитектуру, быт разоряющихся помещичьих семей конца XIX в., занятия жителей, развлечения, преподавание в Рыльской прогимназии.

Соблюдая хронологический принцип, Коротнева начинает воспоминания с рождения: «Я родилась почти в провинциальном городке. Говорю «почти» потому, что мы жили восемь верст от города, в небольшом хуторке. Он так и назывался «Михайловский хутор». Отсюда двойственность жизни моей семьи. Мы жили одновременно и городской, и деревенской жизнью». В описании «подгородней помещичьей усадьбы», подчеркнута его типичность для усадеб среднего достатка: «Деревянное крытое крыльцо, как прежде называлось передняя, из них напрямик дверь в

коридор – направо по традициям – кабинеты – налево зал, гостиная, диванная – это как закон для всех помещичьих домов среднего достатка, а из коридора две комнаты: спальня и детская – рядом. Это тип и прообразы. Я только в двух усадьбах Рыльского уезда видела маленькое отступление от этого типа».

Подробно рисует Коротнева своё семейное окружение: детство, юность, студенческие годы Николая Ильича Коротнева, впоследствии известного невропатолога, энтомолога и физиатра, с которым дружила с детских лет и впоследствии вышла замуж, семью уездного предводителя дворянства Ильи Сергеевича Коротнева, его деятельность по благоустройству г. Рыльска.

В 1925 году начинает писать Эмилия Альбертовна свои воспоминания, а в 1929 г. она будет арестована и умрет в Бутырской тюрьме. Николай Ильич Коротнев пройдет через несколько лагерей и будет расстрелян осенью 1937 г.

Коковина Наталья Захаровна

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Курского госуниверситета

Самофалова Елена Александровна

аспирант кафедры литературы Курского госуниверситета

А.Г. Кравецкий (Москва)

История грамотности в России:

на границе методов и подходов^[43]

1. Для культуры Нового времени уровень грамотности относится к числу оценочных характеристик. Поэтому априорные историософские убеждения исследователя оказывают влияние на анализ конкретного материала. Модель, при которой поголовно грамотный Советский Союз противопоставлен безграмотной царской России, предвосхищает и соответствующие выводы. А противоположная модель, базирующаяся на предпосылке, что совершенная во всех отношениях (а значит и грамотная) дореволюционная Россия была полностью разрушена большевиками, предопределяет прямо противоположные выводы. Осознание идеологических

моделей, влияющих на исследователей, является важной предпосылкой работ в этом направлении.

2. Классическое описание ситуации с грамотностью в России содержится в брошюре А.И.Соболевского «Образованность в Московской Руси в XV-XVII столетии». В ней на основе анализа «рукоприкладств» в различных документах XV-XVII вв. делается вывод об уровне грамотности представителей различных слоев русского общества – от почти 100% среди духовенства до практически полной неграмотности среди казаков. А.И.Соболевский говорит о внесословном характере обучения грамоте и констатирует, что эта система была разрушена после петровских преобразований, в результате которых методы обучения представителей господствующих сословий были подвергнуты существенным изменениям, в то время как система образования крестьян остается прежней, а количество грамотных крестьян несколько уменьшается.

3. Основным материалом, который привлекался для выяснения уровня крестьянской грамотности в XVIII-XIX вв., являются «рукоприкладства». На их основе делался вывод о крайне низком уровне крестьянской грамотности. Эти выводы не вызывали особых сомнений, поскольку основываются на материале, хорошо поддающемся статистической обработке.

4. В последние десятилетия начались сбор и систематизация массовых источников, содержащих свидетельства об обучении грамоте по средневековым методикам. Учение начиналось с церковнославянского Букваря. Тексты учебных книг заучивались наизусть. За Букварем следовали Часослов и Псалтирь. При таком обучении церковнославянские тексты воспринимались как нечто привычное и не производили впечатления непонятных. При этом тексты, написанные на русском литературном языке, который имел заметные отличия от диалектной речи и не изучался как самостоятельная система, могли вызывать серьезные трудности. Таким образом, языком начального образования крестьян и мещан был церковнославянский. Еще раз повторюсь, что эти материалы носят массовый характер и свидетельствуют о том, что, во-первых, институт внешкольного обучения церковнославянской грамоте в России XVIII-XIX вв. продолжал существовать, и, во-вторых, что умение читать по-церковнославянски в русской деревне не воспринималось как что-то редкое.

5. В специальном исследовании нуждаются данные о преподавании «словесности» (изучении воинского устава) в русской армии (свидетельства о том, что отставные солдаты обучали детей грамоте, носят массовый характер). Необходимо очертить объем понятий «полуграмотность» и «малограмотность» (Гиляровский, например, пишет о «малограмотном» актере, игравшем Гамлета). Важным является также анализ данных различных переписей и опросов, сочинений педагогов, ратующих за развитие народного образования (в публицистике этого жанра ситуация с народной грамотностью характеризуется как катастрофическая) и т.д.

6. Выводы о ситуации с народной грамотностью, делаемые на основе каждого из перечисленных видов источников, оказываются совершенно разными. И лишь создание методик, позволяющих привести эти данные к общему знаменателю, дадут возможность обрисовать реальную ситуацию.

Кравецкий Александр Геннадьевич

кандидат филологической наук, ведущий научный сотрудник

Г.Е.Крейдлин (Москва)

Языктела одного из малочисленных народов России

Каждый народ видит устройство своего культурного и социального бытия в особой проекции, которую принято называть **наивной национальной концептуализацией мира**. Есть, однако, на Земле народы и этносы реликтовых культур и языков, у которых бытовая жизнь в существенной мере подчинена архаике, складывающейся из веры, воззрений, установлений, привычек и правил поведения. Для них задача построения наивной концептуализации и описания типовых способов вербального и невербального знакового отображения мира, по сути, тождественна задаче построения фольклорной концептуализации. Одним из таких народов являются телеуты, коренной малочисленный народ Сибири (на сегодняшний день их численность примерно 3000 чел).

В докладе речь пойдёт об элементах телесной культуры телеутов, точнее, об отдельных единицах параязыкового и жестового знаковых кодов, которыми представители данного народа активно пользуются в устной коммуникации. Основной вопрос, который ставится и обсуждается в докладе, – это существуют ли какие-нибудь значимые корреляции между невербальными жестовыми и параязыковыми знаками, которыми пользуются в быту телеуты, с одной стороны, и их жизненными верованиями, позициями и правилами поведения, с другой стороны.

Насколько нам известно, это вообще пионерская работа по описанию телесной и параязыковой знаковой коммуникации, принятой у малочисленных народов. Она основана на результатах, полученных автором в ходе полевой работы во время научных экспедиций коллектива исследователей в сёла Кемеровской области, где компактно проживают телеуты^[44].

Крейдлин Григорий Ефимович

д. филол. н., профессор кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ

**Волшебная сказка и особенности сюжетостроения
романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорблённые»**

Н.А. Добролюбов был исключительно суров в отношении романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорблённые». Критик отказывался вступать с автором в какие-либо «рассуждения», ибо не считал его произведение достойным «подробного эстетического разбора».^[45] Если анализировать роман с позиций эстетики «натуральной школы», текст действительно представляется нагромождением нелепостей и курьёзов. Если же подойти к нему с позиций мифопоэтики, оформившейся в качестве особого направления гуманитаристики многие десятилетия спустя после кончины Добролюбова, то практически всё, что вызывало раздражение критика, получит объяснение. Достаточно вспомнить, к примеру, о греческом авантюрном романе, влияние которого на европейскую литературу сохранялось на протяжении столетий, проявляясь у Вальтера Скотта и Вольтера.^[46] Именно эта традиция и сохранила меру условности, значительно превосходящую ту, что будет узаконена в литературе середины XIX века.

Условности, допускающей в частности существование «цепи инициативных случайностей», первое звено которой, обозначившись в первой главе «Униженных и оскорблённых», будет прирастать за счёт всё новых и новых звеньев. Вслед за первым «разрывом» «нормального хода событий», имевшим место в кондитерской Миллера, *порог* которой Иван Петрович неизвестно зачем переступил, последуют другие... Наташа покинет отчий дом, за *порогом* которого начнёт твориться «невозможное» и «безобразное». Третий «разрыв» произойдёт в квартире Смита, «в доме Клугена, под самую кровлю, в пятом этаже»^[47] [176]: искавший жильё «посуше и подешевле», Иван Петрович, переступит *порог* квартиры, оставит её за собой, в чём тут же и раскается, обеспокоившись тем, что «непременно сгубит» здесь «последнее здоровье своё» [207]. Произойдёт то, о чём писал М.М. Бахтин, характеризуя хронотоп авантюрного романа: «точка разрыва нормального хода событий» станет местом вторжения «нечеловеческих сил – судьбы, богов, злодеев. Именно этим силам, а не героям принадлежит вся инициатива в авантюрном времени».^[48] И не только в авантюрном, но и в мифологическом – как времени, так и пространстве, где «у порога есть свои «стражи»: боги и духи, защищающие вход как от злых людей, так и от дьявольских и других злых сил».^[49]

Однако выявлением одних лишь авантюрных традиций ограничиться никак нельзя, ибо предельно усложнённая мифопоэтическая реальность «Униженных и оскорблённых» создается не только за их счёт. Никак не обойти вниманием очевидную актуализацию фольклорных ассоциаций. «Композиция волшебной сказки, – читаем у В.Я. Проппа, – определяется наличием двух царств <...>. Баба-яга – страж границы, она охраняет вход в тот далёкий мир. Вход идёт через её избушку. За пределами её – тёмный лес <...> и тридцатое царство...^[50] Таким образом, сюжетные «разрывы», очевидным образом выявляющиеся в романе Достоевского, выявляют в свою очередь не только «авантюрные» традиции, но и родовые признаки волшебной сказки.

«Сказочная фантастика» дает о себе знать, «вторгается» в художественную ткань романа в тот момент, когда рассказчик встречается со Смитом и его собакой, а затем вслед за ними переступает порог кондитерской Миллера, являющейся своеобразным «эквивалентом» сказочной избушки. При этом «эквивалентным персонажем» Бабе-Яге, выступает Смит. Ограничимся только двумя параллелями. Первая из них – бесспорна в своей очевидности... Костяная нога Яги изобличает в ней насельницу мира мёртвых: «Яга напоминает собой труп <...> Она – мертвец».^[51] В случае со Смитом и его собакой их принадлежность к миру мёртвых проявляется не на уровне ассоциаций, а посредством прямых авторских констатаций: старик и собака, как предполагает рассказчик, «целый день лежат где-нибудь мертвые и, как зайдёт солнце, вдруг оживают» [172].

Неслучайность следующей параллели представляется небесспорной. Однако её трудно обойти вниманием уже ввиду её очевидной курьёзности. Входящий в избушку сказочный герой (В.Я. Пропп пишет об Иване. Случайно ли рассказчик Достоевского тоже Иван!?) приносит с собой «русский дух», который Яга «чует» и соответствующим образом реагирует: «Русский дух ко мне в лес зашел!» В.Я. Пропп настаивал, что «запах Ивана есть запах человека, а не русского»,^[52] причём живого человека, присутствие которого раздражало обитателей мира мёртвых, которые «бестелесны» и «не пахнут». В «тридевяти царстве», в котором он оказывается, переступив порог «избушки на курьих ножках», он чужой, о чём и свидетельствует его «русский дух». В кондитерской Миллера Иван Петрович – тоже чужой, но не в качестве живого (мертвецов здесь только Смит и Азорка), а по причинам сугубо этническим, ментальным, т.е. в качестве русского человека, попавшего в немецкое окружение. Сработала ли в данном случае фольклорная логика, или этническая «чуждость», с которой столкнулся герой, едва переступив границу иного мира, – случайность, определить скорее всего невозможно. Куда актуальнее то, что закономерности сюжетостроения волшебной сказки со всей очевидностью проявляются с того самого момента, как герой переступает порог кондитерской и оказывается в окружении «добродетельных немцев».

Криволапов Владимир Николаевич

Доктор филологических наук, заведующий кафедрой литературы ФГБОУ ВПО

Курский государственный университет

Е.М. Криволапова (Курск)

Творчество З.Н. Гиппиус с самого начала ее вхождения в литературу воспринималось неоднозначно. В стихотворных и прозаических произведениях писательницы современников больше всего смущало обилие «странных», неподдающихся логическому осмыслению образов, нарочитая затемненность смысла. Так, В. Брюсов невысоко оценивал стихотворения З. Гиппиус начала XX века, отмечая, что в художественном отношении стихи довольно слабы и скорее представляют собою «изложение отвлеченных идей в размерах и с рифмой». С оценкой Брюсова созвучно мнение другого критика начала века Н. Пояркова. Он обратил внимание на то, что среди стихов Гиппиус попадаются «странно запутанные, похожие на ребус». В качестве примера критик приводит строки из стихотворения «Числа»: «В одеждах одинаковых нас трое», «Пусть нет узла – его в себе мы носим».

В этом контексте заслуживает внимание высказывание В. Злобина, личного секретаря поэтессы, который утверждал, что именно в стихах Гиппиус заключена ее настоящая биография, но при этом делал весьма существенную оговорку: «Если нет к ним ключа, лучше их не трогать: попадешь в лабиринт, из которого не выбраться». Для исследователей таким ключом служит «внетекстовая информация», «внетекстовые факторы самого различного порядка» – от религиозных взглядов самой З. Гиппиус и ее единомышленников – «и до кажущихся поначалу ничтожными подробностей частной ее жизни или граничащими с криптографией особенностями поэтического языка». Не скрывала и сама З. Гиппиус, что многие стихи написаны ею для посвященных, для тех, кто имел свое, как говорила она, «подкожное» знание, и текстовая информация являлась для них всего лишь оболочкой, за которой был упрятан, «зашифрован» истинный смысл того или иного стихотворения.

«Разгадать» скрытые смыслы стихотворных текстов З. Гиппиус помогают ее дневники. Поскольку стихотворения начала века связаны с периодом религиозных исканий поэтессы, необходимо обратиться к дневнику, озаглавленному «О Бывшем», в котором представлена история создания «новой церкви», Церкви Третьего Завета. Историю «Главного» (т.е. попытке создания «внутренней» Церкви), как представляла её Гиппиус, можно назвать историей разве что с оговорками, ибо предназначалась она не для всех, а лишь для узкого круга «посвященных». Поэтому информационный план дневника сознательно редуцирован и восполняется лишь в результате обращения к другим источникам – не в последнюю очередь к художественным произведениям Гиппиус. Сопоставление стихотворного и дневникового текстов помогает, с одной стороны, «разгадать» поэтические ребусы З. Гиппиус, с другой, прояснить весьма существенные подробности в истории создания Церкви Третьего Завета.

Одним из первых «криптографических» стихотворений, в котором представлена основная идея «новой» веры Мережковских, является стихотворение «Любовь» (1900 г.). Криптограмма легко расшифровывается, если читатель имеет представление о религии Третьего Завета, поэтической иллюстрацией которой и является стихотворение. Это по сути декларация адептов «нового религиозного сознания». Дневник З. Гиппиус позволяет составить представление об основных принципах новой религии, об отношении современников к идеям Мережковских, о непростой работе по «собираанию» единомышленников.

В дневнике «О Бывшем» З. Гиппиус подробно описывает, как шла подготовка к первой «Вéчере», какие неоднозначные чувства одолевали всех участников этого «действия», каким «искушениям» подвергалась сама поэтесса. Некоторые стихотворения писались параллельно происходящим событиям, некоторые post factum («Швея», «Глухота»). Во многих из них

воссоздается душевное состояние Гиппиус того периода, когда «Главное» уже свершилось и стал очевиден неутешительный итог («Мертвая заря», «Сосны», «Ограда»).

За «первым слогом необходимого слова», вопреки надеждам и ожиданиям З. Гиппиус, не последовал «второй». Чаемого «рождения нового» не состоялось, а «тайна» оказалась столь тяжела, что «союзники» поэтессы не выдерживают. Отступничество, разрушившее «троебратство», вызывает у Мережковских потрясение, воспринимается как предательство, как Иудин грех. В годовщину «Главного» в дневнике Гиппиус появляется запись следующего содержания: «Тьма внешняя с нами. На небе сегодня встанет заря ясная, ибо небо чисто, но на земле, где мы, темно. Его воля во всем». В тот же день поэтесса напишет стихотворение «Алмаз», посвященное Д.В. Философову.

Таким образом, дневник З. Гиппиус «О Бывшем» представляет интерес не только как реконструкция знаковых событий в ее личной и литературно-общественной жизни, но и предоставляет возможность дешифровать некоторые стихотворения, относящиеся к периоду созидания Церкви Третьего Завета, и перевести их из числа «криптических» в разряд обычных, поэтических.

Криволапова Елена Михайловна

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы

Курского государственного университета

Н.В. Кузнецова (Тюмень)

«На случай важных переговоров»:

креолизованные интернет-жанры как средство выражения реакции в интернет-комментариях

В последние годы у пользователей социальных сетей, в частности «ВКонтакте», появилась возможность не только печатать текстовые комментарии, но и «прикреплять» к ним графические изображения, видеоролики, аудиофайлы. Многие активные участники интернет-дискуссий признаются, что создали на своих компьютерах или среди фотоальбомов на своей странице папку-хранилище «На случай важных переговоров». Под «важными переговорами» (в соцсетях используется также аббревиатура ВП) подразумеваются ситуации, когда «в Интернете кто-то неправ» либо когда у коммуниканта возникает потребность выразить эмоциональное (в том числе

положительное) отношение к размещенному кем-то контенту. В папке «На случай важных переговоров» обычно содержатся файлы, представляющие собой креолизованные интернет-жанры, в которых сочетаются изображение и текстовая часть. Коммуникант создает их сам с помощью программ-«генераторов» на различных сайтах, либо, чаще, присваивает уже созданные кем-то файлы, собирая коллекцию и размещая изображения от своего имени при реализации определенной коммуникативной стратегии.

Как показывают наблюдения над интернет-коммуникацией, при всей широте возможностей, которыми располагают пользователи социальных сетей в создании креолизованных интернет-жанров, набор визуальных образов и фраз в файлах «на случай важных переговоров» довольно ограничен, как стандартен и набор ситуаций, в которых эти жанры – образцы «народного творчества» на границах художественного – используются.

Креолизованные интернет-жанры «на случай важных переговоров» классифицируются по реализуемым в них коммуникативным стратегиям, типам визуальных образов и структуре вербальных высказываний.

Кузнецова Наталья Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Тюменского государственного университета

И.П. Кулакова (Москва)

Российская дневниковая традиция в 18 веке: дневник юного масона как вариант самоописания

Как следствие культурных новшеств XVIII в. в России значительно ускоряется поступательный процесс эмансипации человеческой индивидуальности и создания вторичных социальных связей. Это значительным образом отражалось на источниках личного происхождения, в том числе на эго-текстах.^[53] Автобиографическое письмо выступало как новая для России система хранения персонифицированного опыта. Дневниковые тексты в России 18 в. появляются, но практика их создания – пока лишь становящаяся, непосредственное знакомство с текстами такого рода весьма редко. Заметим, что сам *навык регулярного письма* вообще распространялся в довольно узком секторе грамотного населения – если не учитывать тонкий слой учащихся немногочисленных учебных заведений, то он транслировался (но не всегда усваивался) в процессе домашнего воспитания в семьях аристократии (через учителей-иностранцев) и, гораздо

успешнее, чиновничьим трудом, в том числе и у служащих дворян (так, автор самого известного дневника 18 века А.Т.Болотов обрел ее именно в канцелярии). Вместе с распространением письменных практик шла «демократизация» состава авторов эго-текстов (и здесь имели значение навыки купеческого делопроизводства).

В докладе рассматривается дневник (за 1775-1776 гг.) молодого чиновника, А.Я.Ильина 21 года, разночинца и провинциала по происхождению, служащего в Москве в Герольдмейстерской конторе Сената, члена масонских лож. Материалы дневника не были предметом специального рассмотрения (хотя в 1908 г. публиковались фрагменты текста о масонских ложах)^[54]. Я рассматриваю текст Ильина с точки зрения становления в России 18 века жанра эго-текстов. Навыки письма автор мог обрести еще в семье и на службе в провинции (его отец - канцелярист Ростовской духовной консистории). Сам Алексей признается, что начал вести дневник по совету друга-масона (известно, что самоконтроль и ведение дневников в европейской масонской традиции усиленно рекомендовалось, и неслучайно вначале стоит «Господи благослови на добрыя дела»). Однако, вполне владея письмом и даже определенным литературным стилем, Ильин, явно не знаком с жанром и понимает задачу буквально (дневник озаглавлен „Дневныя записки мои“). День за днем описывает он свою повседневную жизнь со всеми житейскими подробностями (когда встал, какова была погода, что надел, какие дела переписывал, где гостил; отмечает, когда бывал пьян, как развлекался, сколько стоили башмаки, при этом крайне редко рассказывая, какие книги взял почитать и никогда не сообщая впечатлений о прочитанном. Записи о посещении лож никак не выдают его пиетета к масонской деятельности («кабинетскаго регистратора ...принимали, при котором приеме у меня зделался было обморок от лихорадки, а она зделалась еще в доме у Алексея Петровича от выпитых четырех стаканов квасу»; «были в доме... Урании и ужинали там. Весело было»). При этом сумма денег, отданных бедным (обычно небольшая) – это единственный тип сообщения, связанного с «добрыми делами». Разумеется, масонские дела требовали засекречивания, и автор заменяет слово «ложа» значком □, не стесняясь, впрочем, рассказывать о самих заседаниях. Известно, что дневники выполняют одновременно несколько функций: «одни из них явны самому автору, другие актуализируются лишь в определенные периоды или в особых ситуациях, третьи — вообще не замечаются им»^[55]. Такая функция дневника, как «экзистенциально-исповедальная», у Ильина, кажется, отсутствует, вернее, понята им специфически. Скорее, это отчеты о времяпрепровождении, которые, впрочем, пишутся не без удовольствия. Короткие сообщения о встречах с нравящейся ему девушкой лишены доверительной интонации. Лишь к концу 2-го тома (почти через год) можно отметить «сдвиги» - автор допускает короткие записи с намеками интимного содержания (связанными с другой уже девушкой), и в этих кратких, но эмоциональных записях мне видится процесс развития рефлексивных интенций пишущего.

Тексты дневника выдают черты разночинца «просвещенного», но приверженного традиции (патернализм, почтение к начальникам, желание встроиться в официальные структуры – что в конце концов принесло свои плоды в виде дворянского чина). «Неразвитость» этого дневникового текста можно было бы считать признаком ограниченности его автора, если не учитывать круг его общения. Люди, которые окружают Ильина (и которых он упоминает вскользь) – люди «не простые». Достаточно сказать, что он общается с Н.И.Новиковым. Непосредственным же начальником молодого чиновника по герольдии является М. М. Щербатов (Ильин и не думает упоминать в дневнике, о чем разговаривали они с князем, общаясь на домашних обедах; а ведь именно в эти годы Щербатов по поручению Екатерины II разбирал бумаги Петра Великого, писал свою «Историю»). Ильин тесно связан с многочисленными родственниками, в особенности с

братьями, у которых своя сеть связей в столицах. Среди их знакомых – молодой тогда Н.И.Новиков.

Выясняется, между прочим, что собеседник и ближайший приятель Ильина («Иван Андреевич») - это брат знаменитого в будущем Александра Петрова, переводчика и лучшего друга Карамзина. Отец семейства Петровых служил в Судиславской воеводской канцелярии. - Симптоматично, что братья Петровы (как и Ильины) происходят из «подьяческих детей». Не так уж были просты эти ребята из глубокой провинции - выходцы из семей, где письмо было нормой, где знали и любили книгу, образованные разночинцы, стремящиеся в столицы, и образование для них становилось средством социального лифта. Что же касается дневниковых форм 1770-х, то они, в данном случае определяясь временем написания и особенностями менталитета их авторов, несут на себе печать этого интересного переходного времени.

Кулакова Ирина Павловна

к.и.н., доцент исторического ф-та МГУ

М.А. Кучерская (Москва)

«Кому на Руси жить хорошо» как романтическая поэма

В работе предпринимается попытка доказать следующую гипотезу: представление об идеальной поэме у Некрасова сложилось еще в юношеские годы и было навеяно романтическими поэмами Байрона, в первую очередь, поэмой "Корсар" в переложении В.Н.Олина. Поэтика байроновской поэмы заметно повлияла на формирование структуры эпической поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Байроновская поэма тяготеет к драматической композиции, так как «в ней господствует стремление к законченным сценам и самостоятельным картинам» (В.М.Жирмунский). Для композиции поэм Байрона, а вслед за ними и «южных» поэм Пушкина характерны и вставки в виде песен; «Кому на Руси» – поэма, драматургически оформленная, представляющая собой цепь сцен, в том числе массовых, включает также монологи, диалоги и песни, последние особенно обильно представлены в части «Крестьянка». С романтическим героем корреспондирует и образ Гриши Добросклонова, поэта, почти романтического певца и одиночки, обреченного на изгнание ("чахотку и Сибирь"). Актуализации прочитанного в юности байроновского "Корсара" в творческом сознании зрелого Некрасова могли способствовать и постановки балета "Корсар" в Петербурге, первая, под руководством Жюль Перро, состоялась в 1858 году, вторая - под руководством Мариуса Петипа, гораздо более резонансная, в 1863 году;

как известно, замысел полифонической в структурном отношении поэмы "Кому на Руси" пришелся на середину 1860-х.

Майя Александровна Кучерская

к. филол. н., проф., фак-т гуманитарных наук, Школа филологии

Научно-исследовательского института

Высшей школы экономики

Э.К. Лавошникова (Москва)

«Подводные камни»

в компьютерной системе коррекции правописания MS Word

Одна из самых распространенных в настоящее время систем проверки правописания – автокорректор ОРФО, встроенный в текстовый редактор Microsoft Word. В системных словарях Word'овского спеллера довольно много слов, которые пропускаются без подчеркивания, т.е. без указания на возможную ошибку или опечатку, но **с большей вероятностью** могут появляться в текстах пользователя в результате пропуска буквы (например, при недостаточно сильном нажатии клавиши).

Примеры: **взмутиться**, **взнести**, **вносить**, **вкруг**, **вскальзывать** (**вскользнуть**), **вшиба** **ть**, **вытратить** (**вытраивать**), **запреть**, **заушить**, **икриться**, **корец** (в словаре Ушакова – «обл., **ковш**»), **наустить**, **опороть**, **остареть**, **поветь** (помещение в крестьянском дворе, обл.), **повестить**, **подустить**, **помститься**, **постыть**, **преставление** (смерть), **приятъ**, **сбирать** (и **сбираться**: «Как ныне собирается вещей Олег...»), **слеплять**, **сroitъ**, **сточка**, **тропить**, **уловный**, **умаять**, **уточить**.

Многие короткие слова нередко совпадают с началами или концами более длинных словоформ и могут при случайных разбиениях слова пропускаться спеллером без замечаний. С этим приходится мириться. Но в Word'овских словарях имеются и пропускаются в текстах без подчеркиваний малоупотребительные слова **ин**, **татъ**, **остъ**, **ер** и т.п. Кстати, слово **ер** как старое название твердого знака в словаре автокорректора ОРФО отсутствует (как и «старое название буквы **х**»), хотя словоформа **ер** порождается. Это видно из того, что словоформы **ером** и **еров** подчеркиваются красным (мы тоже подчеркиваем примеры слов, в которых спеллер предполагает орфографические ошибки). Как нетрудно убедиться, словоформы **ер**, **ерой** (**ёр**, **ёрой**) образуются в системе ОРФО от устаревшего

существительного *ёра*. В «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова (1935 г.) дается значение слова *ёра* – «озорной гуляка, волокита».

Далее для примера – специально сконструированные нами фразы, которые пропускаются Word'овским текстовым редактором без замечаний.

«В *оологическом саду жил од ин ежь, он был принесен пи онером*». Частица *ин* в современном языке почти не употребляется, о чем спеллер мог бы предупреждать пользователя. Это слово может быть получено при нечаянной вставке пробела: *крестьян ин, ин вариант, ин станция*. При ошибочном написании слова *еж* с мягким знаком в нашем примере получился императив («*Ёжь!*») от неупотребительного глагола *ёжить*. Слово *онер* употребляется только в выражении «со всеми онёрами», о чем сигнализирует двоеточие в соответствующей словарной статье в грамматическом словаре А.А. Зализняка (а спёллёр буквы «е» и «ё» не различает!), но ОРФО порождает полную парадигму (*онера, онеру* и т.д.), которая засоряет системный словарь и мешает спеллеру обнаруживать опечатки (например, в словоформах от слова *опера*) или случайное разбиение пробелом некоторых слов.

«*Вы неправильно мыслете*». Эта фраза с ошибкой в глагольной форме тоже пропускается спеллером без подчеркиваний (в словаре Зализняка *мыслете* – «старое название буквы м»).

Word'овский спеллер подчеркивает красным (как ненайденное) второе слово в конструкции *ничтоже сумняешься*, но слово *ничтоже* почему-то при этом не подчеркивается.

В основном словаре автокорректора ОРФО имеются термины: *путьц, сточка*, морской термин *протрактор*, ботанические *оология, перилла, ость*, геологический термин *трапп*, астрономический *вертикал*, музыкальные *затакт, нона* и *нонет* (совпадение с последними тремя терминами может получиться при «склеивании» слов). Никаких предупреждений к *узкоспециальным терминам*, «похожим» на более употребительные словоформы и конструкции, системная подсказка вордовского спеллера пока не выдает.

С одной стороны, желательно, чтобы в каждой очередной версии системные словари текстовых редакторов как можно больше пополнялись. С другой стороны, в основном словаре должны быть выявлены малоупотребительные словоформы, которые могут *совпасть с искажениями* (в результате наиболее вероятных ошибок и опечаток) достаточно употребительных словоформ.

Такие «*подводные камни*» способствуют пропуску слов с ошибками или «вылезают» в списках рекомендуемых вариантов исправления. Если не представляется целесообразным убрать их совсем, то можно было бы снабжать их особыми пометами для сообщений «программы»-подсказки или выносить в дополнительные компьютерные словари для проверки текстов особой тематики.

Игорь Станиславович Ашманов в 2009 г. писал: «Я своими руками сделал русскую морфологию в ОРФО много лет назад <...> Короче говоря, улучшать спеллеры можно. Но это вряд ли окупится, если не будет гранта или госфинансирования. Потому что продать пользователям следующую версию спеллера, если в нём есть тончайшие улучшения типа "меньше стали путаться редкие слова и ошибки" – нельзя» (<https://roem.ru/27-03-2009/128340/yandeks-poka-ne-budet-delat-brauzer/>). Увы!..

Литература

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110 000 слов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: «Русские словари», 2003.

Лавошникова Э.К. Компьютерная проверка орфографии: вчера, сегодня, завтра // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. № 5, 2003. С. 53–68.

Лавошникова Э.К. О «подводных камнях» в компьютерных системах проверки правописания // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. № 6, 2002. С. 151–163.

Лавошникова Элина Константиновна,

вед.программист,Научно-исследовательский вычислительный центр

МГУ им. М.В. Ломоносова

Н.В. Ликвинцева (Москва)

Текст о святости и святость:

преподобномученица Мария (Скобцова) как агиограф

В 1927 г. у будущей матери Марии, а тогда еще Елизаветы Юрьевны Скобцовой (1891-1945), в издательстве YMCA-Press в Париже выходят две брошюры: «Жатва Духа: Жития святых», выпуски 1 и 2; позднее, уже после смерти автора, был найден еще ряд житий, которые, предположительно, должны были составить третий и четвертый выпуски. Агиограф опирается в своей работе на «Жития святых» свт. Димитрия Ростовского и на Древний Патерик, довольно свободно обращаясь с источниками. Авторский подход бросается в глаза даже не столько в модификации языка изложения, сколько в преднамеренном отборе как самих житий для сборников из всего моря житийной и патериковой литературы, так и излагаемых автором событий из каждого выбранного жития. Внимание агиографа привлекают на данном этапе византийские святые. К русской святости и к феномену юродства Е.Ю. Скобцова обратится чуть позже: в 1930 г. в «Вестнике РСХД» будет опубликована ее статья «О юродивых». В «Жатве Духа» речи о юродивых еще нет, но недаром термин возникает уже в рецензии на эти брошюры Г.П. Федотова, отметившего, что автор пишет здесь о «любви беспредельной, парадоксальной, доходящей иной раз до особого юродства — юродства любви». Недаром многие считали эти сборники житий «соблазнительными», как позднее считали «соблазнительным» поведение самой матери Марии. Те элементы юродства, которые вычленимы в житии самой преподобномученицы Марии, появляются уже здесь на уровне текста: текст словно «юродствует», бросая вызов общепринятому представлению о святости, о том, каким должен быть святой. Данный доклад представляет собой попытку анализа

таких особенностей текстов и агиографического подхода матери Марии и выявлению непосредственной связи этих особенностей с ключевыми идеями ее творчества и ее жизни. Особенно подробно хотелось бы остановиться на следующих моментах:

1) Проблема типологии и неповторимости каждой личности и особенно личности святого. Любовь и то, как она изливается в мир как сердцевина такой неповторимости.

2) Особенности сотериологии: перенос центра тяжести с темы спасения на тему любви. Ради любви к ближнему святой готов пожертвовать не только жизнью, но и спасением собственной души.

3) Проблема «вызова»: «неудобный» святой оказывается вызовом миру, разрывом шаблона; именно такой святой может найти ответ на вызов своего собственного времени.

4) Связь агиографии матери Марии с ее экклезиологией: даже в названия житий автор нередко выносит кроме имени святого еще и имя связанного с ним грешника, на которого изливается любовь святого. В поздних ее работах эта тема Церкви как связи любви разработана в терминах «мистики человекообщения» и «внехрамовой литургии».

5) Феномен юродства и его связь с кенозисом: сокрытие святым собственной святости, переносящее акцент со святого как служителя Божия на самого Бога, действующего в святом.

Ликвинцева Наталья Владимировна,
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Дома русского зарубежья им. А.Солженицына

А.Л. Лифшиц (Москва)

К 300-летию падения Константинополя:

анонимная стихотворная драма «Иеронима и Солиман»^[56]

Повесть о греческой княжне Иерониме была переведена с французского армейским капитаном Иваном Шишкиным и увидела свет уже после смерти переводчика, в 1752 г.

Племянница Константина Палеолога попадает в плен к военачальнику Мехмета II, счастливой супругой которого в результате разнообразных приключений и злоключений она становится.

Сюжет, несомненно, оказался популярен. Однако о его популярности обычно судят по трагедии Василия Майкова «Фемист и Иеронима», где под именем турецкого паши Солимана, влюбившегося в греческую принцессу, скрывается греческий же царевич Фемист. Очевидно, время требовало внесения корректив в сюжет драматического произведения.

Современники же выхода повести в свет никакого когнитивного диссонанса, читая о браке турка с греческой княжной, не испытывали, несмотря на совсем недавнее близкое знакомство с этим неприятелем на полях сражения.

А один из читателей даже сочинил пьесу, переложив повесть александрийскими стихами. Судя по бумаге и иным косвенным данным, произошло это совсем вскоре после выхода повести в свет на русском языке.

Жанр пьесы он определил как «трагедия» вопреки очевидному хеппи-энду. О сценичности не задумывался вовсе, особенно же – о том, чтобы сократить пространные монологи действующих лиц. Впрочем, стихи получились складными, а местами – ничуть не уступающими лучшим образцам поэзии Елизаветинского времени.

Имя автора остается нам неизвестным, но пьесу переписывали. Единственный известный нам список принадлежал армейскому подпоручику, а значит, и автор был где-то рядом.

Очевидно, усилия великого князя Петра Федоровича по введению в гвардейских полках просвещения начали давать свои плоды: появилось большое количество людей, готовых тратить свободное время на переводы иностранной беллетристики на русский язык, чтение и переписывание, а порой – и на сочинение оригинальных произведений.

Через десять-пятнадцать лет типографии начнут печатать беллетристику на русском языке в огромных количествах и прежние рукописные опыты окажутся надолго забыты.

Лифшиц Александр Львович,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Ф.Б. Людоговский (Москва)

Семейные предания, записанные Н. А. Изюмским

В нашем семейном архиве хранятся рукописные воспоминания, оставленные моим троюродным дедом Н. А. Изюмским (1904–1967). Николай Александрович родился в Москве семье Александра Николаевича Изюмского (1868–1920) и Елизаветы Николаевны Людоговской (1876 – 1921/22); у него был старший брат Борис (1902–1950). Николай Александрович был женат на Елене Осиповне Шефль (1904–1989). Детей у супругов не было. Н. А. Изюмский был инженером-теплотехником, автором ряда монографий и технических руководств. Участвовал в Великой отечественной войне, награжден Орденом Красной Звезды.

Воспоминания Изюмского состоят из двух частей неравного объема. Обе части написаны от руки на линованных листах (очевидно, вырванных из общей тетради объемом 96 листов; приблизительно в такой же тетради записывал свои воспоминания другой наш родственник, [В. Д. Маркелов](#)). Первая часть (нумерация условна) написана фиолетовыми чернилами, занимает 12,5 страниц (без пагинации), озаглавлена «Легенда о колоколе»^{[57][58]} и подписана «Н. Изюмский». Вторая часть написана тем же почерком синими чернилами на двойном тетрадном листе, занимает чуть больше полутора страниц, озаглавлена «История старого образа»^[59] и не содержит подписи. Тексты не датированы, но относительно «Легенды о колоколе» можно утверждать, что она была записана между 1956 и 1967 гг.

Содержание обеих частей – это прежде всего именно семейные предания, записанные Изюмским, а не его личные мемуары. Зафиксированные автором семейные легенды относятся исключительно к предкам со стороны его матери. Дедом и бабкой Елизаветы Николаевны Людоговской по отцу были действительный статский советник [Лев Федорович Людоговский](#) (1761–1838) и Александра Петровна Лайкевич (1780–1847), по матери – подпоручик Николай Павлович Кругликов (1811–1877) и Елизавета Николаевна Лунина (1824–1844). Именно они, их предки, родственники и знакомые и являются героями повествования.

Позволим себе привести целиком текст «Истории старого образа» (в частично нормализованной орфографии и пунктуации, с исправлением опечаток):

«Образ Корсунской Божией Матери в серебряной вызолоченой ризе с надписью на ризе: “Сделана в 1801 году, чистого серебра 1 фунт ... золотников” – принадлежал Александре Петровне Лайкевич, дочери отставного секунд-майора Петра Петровича Лайкевич, проживавшего в Смоленске.

Александра Петровна в 1801 году вышла замуж за директора Смоленской гимназии Льва Федоровича Людоговского. Лев Федорович задумал жениться уже в зрелом возрасте, когда ему было за сорок лет. К тому времени он был в чине действительного статского советника [мемуарист опережает события: к 1801 г. Лев Фёдорович был лишь надворным советником. – Ф. Л.]. По предварительному сговору Лев Федорович был приглашен на обед к Петру Петровичу. После обеда хозяин попросил гостя в кабинет и спросил, которая из трех дочерей ему больше нравится. Лев Федорович указал на “чёрненькую”. (Этот рассказ подтверждает, что до сего дня Лев Федорович не был знаком с дочерьми Петра Петровича и даже не знал, как их звать.) Чёрненькая Александра была вызвана в кабинет. “Вот, Александра, тебе жених, человек солидный

и с положением”, – сказал Петр Петрович. Молодых тут же и благословили образом, вынутым из киота.

Вероятно, к свадьбе на образ была заказана новая риза, и им благословили молодых после венчания».

Людоговский Федор Борисович
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Института славяноведения РАН

А.П. Люсый (Москва)

ЛЕВИАФАНLUDENS:

Философия границы как экзистенциальная эпистемология

Сотворение мира, согласно Библии, происходило рука об руку с созданием границ, равно как и с определением их местоблюстителя, субъекта пограничной деятельности. Буквально в первых словах Книги Бытия говорится, что Бог «сотворил небо и землю» (Быт 1, 1) и это деление всего сотворенного надвое, как отметил П.Флоренский, всегда признавалось основным. «Но эти два мира – мир видимый и мир невидимый – соприкасаются. Однако их взаимное различие так велико, что не может не встать вопрос о границе их соприкосновения. Она их разделяет, но она же их соединяет».

Разделение происходит явно для удобства последующей связи («Прежде чем объединиться и для того, чтобы объединиться...»). «Он заключает воды в облаках Своих, и облако не расседается под ними» (Иова 26:8). Речь тут идет о «водах» во множественном числе) которые находятся над нашими головами, как Иов говорит в главе 26:5-13. В сущности, стихи 5-13 книги Иова описывают строение всей Вселенной, так что это можно называть библейской космологией, что представляет собой, по мнению Перри Димопулоса, научное (научное в библейском смысле слова) исследование строения Вселенной; её форму и местоположение всего внутри её и за её пределами, с её полюсами границ и безграничности. Воды связаны в облака так, чтобы они не хлынули вниз. «Черту провел над поверхностью воды, до границ света со тьмою» (Иова 26:10). Все воды имеют свои очертания пределов, а одна из границ этих вод простирается к тому месту, где нет различия между светом и тьмой. Нет различия и между ночью и днём, как это свойственно нашей солнечной системе. В последующих стихах возникает и интересующий нас персонаж:

«Столпы неба дрожат и ужасаются от грозы его. Силою своей волнует море, и разумом своим сражает его дерзость. От духа Его – великолепие неба; рука его образовала быстрого скорпиона» (Иова 26:11-13). Скорпион, Змей, Бегемот, Левиафан представляют собой одно и то же сверхъестественное существо на границе стихий и сущностей.

Пс. 103:26: «Там плавают корабли, там этот левиафан, которого Ты сотворил играть в нем». Левиафан – и субъект, и объект этой пограничной игры, а в некоторых случаях и жертва: «Ты расторг силою Твоею море, Ты сокрушил головы змеев в воде. Ты сокрушил голову левиафана, отдал его в пищу людям пустыни» (Пс. 73: 13, 14).

Как трактует П. Димопулос бегемотово разнообразие Библии, «Есть множество змиев (Чис. 21:6) на этой земле, которых, конечно же, не стоит путать с единственным древним змием Бытия 3-й главы, который обольстил Еву. Есть левиафаны в водах на этой земле, у которого лишь одна голова, но есть и сверхъестественный ЛЕВИАФАН, у которого семь голов. Он являет собой красного дракона. Это и есть Сатана!». Т.е., есть поюсторонний Левиафан-пограничник, данный во устрашение и во искушение (в прямом и переносном смысле) людей, а есть потусторонний адский Левиафан как воплощение абсолютного зла. Последнее упоминание о Левиафане в Библии: «В тот день поразит Господь мечом своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское» (Ис. 27:1).

Новое всплытие Левиафана осуществил Гоббс посредством известного одноименного трактата. «Левиафан» Гоббса знаменует, что время разделений, в частности, духовной и светской власти, прошло. «Левиафан» К. Шмитта исходит из учреждающего момента пространств и их границ. Так возникали новые стратегии поиска пограничного пространства и пограничной игры жанров, стилей, экзистенций.

Люсый Александр Павлович

кандидат культурологии, старший научный сотрудник

Российского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

Е.Н.Марасинова (Москва)

Священник в роли увещателя и дознавателя:

церковь и уголовное право в России второй половины XVIII века"

(без тезисов)

Марасинова Елена Нигметовна

доктор исторических наук

Институт российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН)

А.М.Маркусь (Челябинск)

Потенциал военной дневниковой прозы

После окончания Великой Отечественной войны прошло довольно много времени, что способствует глубинному восприятию событий, их анализу. Со временем раскрываются тайны каких-либо событий, при помощи которых все явственнее становится смысл той или иной дневниковой записи. Благодаря дневникам мы можем прикоснуться к этой эпохе, прочувствовать и ощутить события, пережитые непосредственными ее участниками, и воспринимается это не через исторический документ, пронизанный статистическими данными, а посредством личной, интимной дневниковой записи.

При этом следует отметить, что характерными признаками и особенностями дневников является индивидуальная позиция автора, авторская оценка, субъективность автора, непринужденное изложение, форма повествования от первого лица, хроникальность, фрагментарность, секретность (частая кодировка), исповедальность, самоанализ, психологический анализ, точная дата, самоидентификация [5, с.3], «тончайшие эстетические построения» [1, с.52] (специфическая эстетическая ценность), синхронность, интертекстуальность, дискретность записей, фиксация точного времени записи, регулярность, длительность «коммуникативной ситуации» [2, с.6], политематичность, необработанность записей, оценочность, экспрессивность.

Во время военных действий дневник выполняет ряд специфических функций: социально-историческую, мемориальную функцию (для сохранения памяти о прошлом), психологическая функция отличается тем, что она становится компенсаторно-заместительной, т.е. в отсутствии общения с близкими людьми дневник помогает осмыслить, а главное пережить тяготы войны [3, с. 109-111].

Исследователь А.С. Рейнгольд относит дневники к пограничным жанрам. Вместе с тем, по мнению автора, дневники являются эпическим повествованием с лирической составляющей. Доказательством является наличие в дневниках политематичности и разных мотивов. Что касается дневников писателей-фронтовиков, то они всегда представляют собой историко-литературный

интерес. Литературно-художественный интерес представлен тем, что одной из маркированных черт дневников является искренность, экспрессивность и документальность [4, с.120-124].

Необходимо уточнить тот факт, что дневниковые формы впервые стали объектом научной рецепции отчасти в силу того, что жанр не всеми литературоведами безоговорочно причисляется к собственно литературным. Прочитывать их надо с перекрестных позиций: исповедь взаимодействует с лирикой, присутствует рецепция событий и рефлексия. Отсюда сочетание документальности и исповедальности, публицистичности и художественности.

Все это напрямую свидетельствует о потенциале дневниковой прозы, дневник перестает быть предметом только исторического рассмотрения и фиксации тех или иных событий, интересующих историков, он представляет собой синкретичный жанр, своего рода феномен взаимодействия и соположения исторического и художественного повествования, при котором присутствуют компоненты художественности. В военной дневниковой прозе присутствует психологизм, динамика, наглядность, зрительная определенность и выразительность.

Литература

1. Банк, Н.Б. Нить времени: дневники и записные книжки советских писателей / Н.Б. Банк. – Л.: Сов. писатель. Ленинградское отделение, 1978. – 247 с.
2. Кальщикова, Т.А. Дневник как вид коммуникативной деятельности: на материале дневника А.Блока: дисс. ... канд. филологических наук / Т.А. Кальщикова. – Нижний Тагил, 2012. – 181 с.
3. Машнина, Е.В. Потребности человека в контексте культуры повседневности военного времени (на материале дневников 1941-45 гг.): дисс. канд. культурологии / Е.В. Машнина. – Санкт-Петербург, 2010. – 202с.
4. Рейнгольд, А.С. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст / А.С. Рейнгольд // Вестник РГГУ. 2010, № 11. – С. 120-124.
5. Скроботова, О.В. Жанрово-тематическое многообразие «внехудожественного» творчества И.А. Бунина 1917-1923 годов: дневники, публицистика: дисс. ... канд. филологических наук / О.В. Скроботова. – Елец, 2006. – 181 с.

Анна Михайловна Маркусь

аспирант Южно-Уральского государственного университета

С.А. Мартянова (Владимир)

Маргинальное в романе Владимира Войновича

«Монументальная пропаганда»

В моем выступлении слово «маргинальное» обозначает определенный тип мировоззрения, формирующий отношения человека с окружающим миром и другими людьми независимо от

социального, профессионального, политического статуса его носителя. Это маргинальное как неразумное, внерациональное, то, что обозначается словами «дурак/дура», «глупый», «не очень умный». Оторванность от метафизической оси существования делает человека маргиналом, враждебным подлинной реальности. При этом люди маргинального сознания могут занимать видное (нередко привилегированное) положение в обществе и не замечать собственной глупости.

Маргинальное в нашем понимании противоположно мудрости особого рода, не обязательно связанной с книжностью, ученостью, образованностью. Невежество метафизического маргинала делает его носителя темным двойником, пародией, антагонистом Премудрости Божией. По словам С.С. Аверинцева, Премудрость – это «начало», «принцип», «инструментальное первое Творение», «суть, мера и цель Творения» [1, с. 18-19].

Вероятно, этот глубинный смысл в представлении о маргинальном как глубинном невежестве и безумии заложен в названии города Глупов в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина или названии пьесы А. Платонова «Дураки на периферии». В. Войнович в романе «Монументальная пропаганда» (опубликован в журнале «Знамя», 2000, №№ 2-3) следует этой традиции, обогащая ее собственным опытом осмысления российской действительности советского и постсоветского времени.

Название романа отсылает читателей к ленинскому плану монументальной пропаганды 1918 года. Главной целью плана было создание памятников, отражающих «идеи и чувства революционной России». Мотивировкой сюжета в романе является присланное автору газетное сообщение о трагической гибели Аглаи Ревкиной, бывшего секретаря райкома партии провинциального города Долгова. Название города выразительно и многозначно, связано со словами «долго» и «долги» (экономические, социальные, нравственные). Город Долгов провинциален как географически, так и символически, потому что мироощущение его жителей, за редким исключением, периферийно, удалено от метафизической оси мира. Город Долгов - это символ советской действительности с ее изолированностью не только от Бога и мира, но и здравого смысла.

Имя главной героини романа – Аглая (в пер. с греческого «красота», «блеск», «радость», «ликование») – используется иронически, так как героине чужды благодеяние, радость, любовь. Фамилия Ревкина указывает, что перед нами революционная Аглая, «неистовая пассионария» сталинизма. Круг ее чтения избирателен (газета «Правда», «Блокнот агитатора», «Краткий курс истории ВКПб»), она, несмотря на все происходящие изменения, фанатично верит в Сталина как земного бога, не расстаётся с его портретом. Портрет выполняет роль «пара-иконы», так как героиня общается с ним так, как верующие общаются с иконой. Только место Первообраза в этом общении занимает чистое зло. Не случайно именно перед этим портретом принимаются решения «жесткие» и «жестокие». Другой «пара-иконой» в романе является памятник Сталину, установленный по инициативе Аглаи, несмотря на скромный районный бюджет. У Аглаи складывается особое общение с памятником, подобное молитвенному, но расходящееся с ним по существу.

Мировоззрение Аглаи В. Войнович называет мировоззрением приверженцев Единственно Правильного Научного Мировоззрения (ЕПНМ). Оно связано с ложной, нездоровой религиозностью, расположенностью к предвзятым, поспешным и непродуманным суждениям, закрытостью от реальности и конкретного человека. Это мировоззрение и делает своих приверженцев метафизическими маргиналами. При этом писатель ставит под сомнение любую

претензию на Единственно Правильное Научное Мировоззрение: «И не лучше ли придумать какое-нибудь единственно неправильное ЕПНМ, но к людям помилосерднее?»

Литература:

1. Сергей Аверинцев Премудрость в Ветхом Завете // Собрание сочинений / под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Связь времен. – К.: ДУХ I LITERA, 2005. – 448 с.

Мартьянова Светлана Алексеевна

к. филол. н., доцент, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ)

И.П.Михайлова (Курск)

Курский союз поэтов в культурном пространстве провинции

Данный доклад посвящен рассмотрению деятельности Курского союза поэтов, одному из маргинальных объединений 20-годов XX века, ставшему заметным явлением в культурном пространстве провинции. Союз поэтов, возникший на стыке разнообразных традиций, синтезируемых авторами в своих произведениях, явился отражением характерной особенности эпохи – массовой тяги к литературному творчеству. «Удивительное это было время! – вспоминала один из членов объединения Е. Благинина. – Страна лежала в разоре и бедствии <...> от разрухи. Казалось бы – какие там стихи! Но никогда увлечение поэзией не было таким чистым, сильным и ярким. Книжечки стихов, напечатанные на оберточной бумаге, расхватывались так же рьяно, как хлеб, и проглатывались с той же, если не большей жадностью». За всю предыдущую историю литературной жизни Курска это было наиболее крупное объединение (более 50 человек, людей разных поколений и профессий), принимавшее инициативное участие в жизни города. Председателем Курского союза поэтов была С. Валлат, секретарем – Ю. Богатогорский. Литераторы ставили следующие задачи: во-первых, объединить вокруг себя творческие силы не только города, но и всей губернии для взаимного общения, внутренней работы; во-вторых, предоставить возможность начинающим авторам учиться в литературной студии; в-третьих, поднять интерес к литературе: знакомить местную публику путем устройства лекций, вечеров, дискуссий с русской и европейской классикой, а также с творчеством писателей-современников. Необходимо отметить, что Курский союз поэтов не являлся замкнутым явлением, его представители живо интересовались литературным процессом в стране, печатались в центральных изданиях, кроме того, были выпущены сборники произведений, среди которых коллективные: «Начало», «Золотые зерна», «Четыре», «Сюжетисты»; персональные: О.

Соловейко «Блатить небо», А. Еськов «Песнь о голоде», В. Пузанов «Мед». В 1922 г. издан солидный «Альманах первый»; его тепло встретили не только местная, но и столичная критика. Среди других произведений «Альманаха» критикой были выделены стихотворения В. Бородаевского (единственного поэта «с именем» в составе Союза), продолжателя традиций философской лирики Е. Боратынского и Ф. Тютчева; его поэтическое творчество, пронизанное религиозно-философскими мотивами, сочетавшее в себе классические традиции с художественными открытиями символизма и импрессионизма, имело свой вектор развития. В стихах Е. Благиной был отмечен «рисунок простой, но уже уверенный» (Вс. Рождественский), в одной из оценок ее назвали «самой певучей птицей сборника». В целом же о курских изданиях Рождественский писал так: «Среди десятка сборников, присылаемых провинцией, эти книги самые живые: "курские соловьи" еще не перевелись в яблоневых садах».

Анализ произведений, включенных в разные издания, позволяет увидеть, что помимо общей направленности в них наблюдаются пересечения на лексическом, фонетическом, синтаксическом уровне, тяготение к яркой и оригинальной образности. Но, несмотря на сходства, у каждого автора свои особенности, свой синтез традиций, свой почерк. Так, И. Валлат достигала изящности рисунка при помощи прозрачных синтаксических построений, звуковых сочетаний, А. Еськова отличал наиболее сильный поэтический «темперамент», в стихах В. Пузанова обнаруживалось умение владеть литературной техникой (не столь частое у курских поэтов). В то же время следует сказать, что художественное мастерство авторов далеко не равноценно, поэтому не все, написанное ими, оставляет глубокий след в душе читателя, удивляет богатством и силой поэтических красок.

Итак, Курский союз поэтов, созданный по примеру кружков, студий Москвы и Петербурга, просуществовавший с 1920 по 1923 гг., в отличие от столичных объединений был далек от новаций и экспериментов. Его значение в другом: он консолидировал творческие силы провинции, играл просветительскую роль, примиряя в создавшейся среде представителей различных направлений, которые «не взрывая каноны, как делают гении, а бережно копируя то, что имеется» (В. Жирмунский) вносили свою лепту в литературу.

Михайлова Ирина Петровна

кандидат филологических наук, старший преподаватель

Курского государственного университета

М.Ю.Михеев (Москва)

Автобиографический текст А.К.Гладкова в архиве РГАЛИ

В наследии Александра Константиновича Гладкова (1912-1976) есть не опубликованный при жизни документ (РГАЛИ, фонд 2590, оп. 1, № 411), который представляет из себя несколько

вариантов, или подступов, – к автобиографии. Они имеют разные названия, написаны в разное время (от марта 1930-го – до июля 1972-го года) и ориентированы на разные аспекты авторских воспоминаний. Во-первых, здесь зафиксированы просто впечатления от родного Мурома, где автор родился и жил до 12 лет («Хроника детства»); тут и рассказ о своей первой влюбленности, в 1923 г., «село Озябликово, счастливейшее лето детства»; и поразившее воображение ребенка впечатления от театральных программ, которые привозила из Москвы его мать, которые сын выучивал наизусть, а потом начинал поправлять ее, если она делала в рассказе о том или ином спектакле ошибки (кто именно исполнял ту или иную роль); и его первые собственные впечатления от театра, от приезда как-то летом в их уездный Муром на гастроли «передвижной оперы» – представлявшей на открытой эстраде в городском саду «Фауста»: во время представления вдруг началась гроза, погас свет и спектакль был остановлен, но зрители не разошлись, а забрались с ногами на скамейки, и после того, как гром с молнией и дождь прекратился, «Фауст» все-таки был доигран, но уже при свечах: как раз это многократно усилило впечатление от спектакля для мальчиков (Гладков был там вместе со своим младшим братом, Львом: «Мы с братом сидели в восторге: впечатление как бы удвоилось. Чудо театра было таким потрясающим, что вам казалось, что нет таких жертв, которые нельзя было бы принести, чтобы смотреть, [далее дописано от руки:] *нрзб сидеть без грязи и свечей было как то буднично*»); и об их, всей семьей, переезде в Москву, в 1925 году, где к тому времени уже обосновался отец, который «с первых дней революции находился на руководящей работе в металлообрабатывающей промышленности и часто на заседаниях в Госплане сидел рядом с Куйбышевым, Рудзутаком, Осинским, Шляпниковым»; и картины нэповской Москвы того времени: в частности, рассказ об устройстве книжных киосков второй половины 20-х годов – в которых журналы висели на прищепках и их тут же можно было полистать; и о городских читальнях: о зародившейся там страсти у Гладкова-подростка к чтению; и о том как он учился в последних классах, «в 9-й школе МОНО им. Т.Эддисона (б[ывшая] Медведниковская гимназия), которую закончил в 1928 году», но не был принят – ни в МГУ, куда собирался поступать в том же году, ни в следующем – в институт кинематографии, куда уже выдержал экзамены, но вместо него взяли какого-то «командированного из республики» – так как Гладков считался *сыном совслужащего*; и о его первых шагах в журналистике (он пошел работать, чтобы приносить какие-то деньги в семью, так и не получив высшего образования); и о встречах и разговорах с Маяковским (как будто это уже отдельный, самостоятельный сюжет, но почему-то объединенный с автобиографическим, под названием: «Тридцатый год, Маяковский, юность»)^[60]: и как он был близок к самоубийству, получив от своего кумира совет: «если вы можете не писать стихи, то лучше их не пишите»; и о своих товарищах по театральной студии: «знакомлюсь с Н.П. Хмелевым и вхожу в число основателей молодой студии Хмелева, впоследствии трансформировавшейся в Театр им. Ермоловой. Там я работаю зав. литер. частью и режиссером-ассистентом»; «Какое это было время! Днем на репетициях Мейерхольда, потом почти на ходу какие то необходимые дела: редакции, выставки, книжные магазины, читальни; вечером — друзья[,] без которых казалось невозможно прожить и суток: Алексей Арбузов, Валентин Плучек, Исидор Шток, Эраст Гарин, М.Я.Шнейдер и др. или премьеры, или снова в Театре Мейерхольда; ночью после окончания спектаклей — репетиции в студии Хмелева, бесконечные студийные собрания с шиллеровскими чувствами, возвращенье домой по ночной, странно красивой Москве, еще часто долгое стоянье у ворот некоего дома из Красного кирпича на Кропоткинской набережной, гамсуновская (так казалось тогда) сложность влюбленности, дома чуть ли не до утра еще писанье дневника или стихов, или писем к той, с которой только что расстался и завтра неизбежно увижусь. Когда я спал? Да и спал ли? Не помню»...

Как и многие тексты в архиве Гладкова, документ носит характер черновика и нуждается в доработке, в композиционном плане, – для представления его в печати.

Михеев Михаил Юрьевич
д. филол. н., в.н.с. НИВЦ МГУ
и ФИЦ ИУ РАН

С.М.Михеев (Москва)

Некириллические граффити в Софии Новгородской

(без тезисов)

Михеев Савва Михайлович
к. ист. н., с. н. с. [Отдела типологии и сравнительного языкознания](#)
Института славяноведения РАН

Н.Н. Мурзин (Москва)

«Властелин Колец» Толкина как пример преодоления традиционных культурных границ

Традиционное восприятие культуры выражается в первую очередь в привычном сегментировании ее смыслового пространства на области «центра» и «периферии», «высокого» и «низкого», «элитарного» и «массового», «духовного» и «потребительского». Постмодернистский проект по преодолению этих границ, отмены классических демаркаций, привел – если говорить не только о

теоретическом, а о практическом постмодернизме в искусстве – лишь к образованию новой элитарной структуры, требующей для своего понимания посвященных в тонкости постмодернистской критики и отвержения традиционных культурных образцов. В результате должна была появиться совершенно особая культурная маргиналия, отличающаяся и от классического, и от экспериментального, и от потребительского искусства, но в то же время демонстрирующая в себе и в обстоятельствах своего появления элементы всех трех: достаточно массовая и популярная в своем распространении; достаточно классичная по форме; достаточно сложная и многоуровневая по исполнению, совмещающая самые разные темы и парадигмы, но не иронически. Всем вышеперечисленным условиям отвечает «Властелин Колец» Толкина, ставший началом и основой этой особой культурной маргиналии, которую можно было бы назвать «альтернативной» или «смешанной» культурой.

Путь 1. От «окраины» к «центру».

Произведение Толкина изменило облик и предназначение массовой культуры, став ее частью и при этом «привив» ей ряд функций литературы классической. Тем самым оказались смещены границы культуры.

«Властелин Колец» также преодолевает не только внутри-культурные границы, но и границы разных культур. Широкий спектр задействованных при его создании мифологических мотивов позволяет ему соотноситься с различными национальными культурами европейского Северо-Запада. Отсюда возможность для представителей самых разных культур находить во «Властелине Колец» что-то свое – или даже полностью транслировать «Властелин Колец» в парадигму своей культуры. Отдельная тема – переводы Толкина, провоцирующие переводчиков не столько переводить, сколько «вписывать» текст в родную культуру, как бы писать на родном языке свой собственный «Властелин Колец» (пример: русские переводы Толкина).

Путь 2. Текст на границах художественного.

«Властелин Колец» и, шире, вся мифология Толкина, строится на границах искусства и науки, литературы и исконной специализации Толкина: филологии. Он может рассматриваться как особый прецедент междисциплинарности: не теоретико-критической, а творческой, где научный поиск и постановка научных проблем приводят к необходимости их вне-научного решения.

Путь 3. Полнота представления.

Дневники, записные книжки, письма, маргиналии и мемуары – все наследие Толкина имеет огромное значение для воссоздания полного контекста его творческого замысла. В этом смысле «Властелин Колец» – транс-текст, естественно существующий в «облаке» текстов-спутников, примечаний, апокрифов, альтернативных версий. Его можно сравнить со зданием, строительные «леса» которого становятся составной частью его архитектуры. Сам Толкин постоянно прибегал к дихотомии «камней» и «башни», которую было бы интересно рассмотреть в данном контексте.

Николай Николаевич Мурзин

к. филос. н., н. с. Сектора философских проблем

социальных и гуманитарных наук

С.Е. Никитина (Москва)

Русские конфессиональные группы: маргинальность и самодостаточность

Русские христианские конфессиональные группы, сошедшие со столбовой дороги патриаршего, а затем синодального православия, поневоле оказались, особенно в первой половине своего самостоятельного пути, на периферии русского общественного бытия. Их жизнь текла волнообразно: годы репрессий сменялись недолговременными периодами относительной свободы и ожиданиями расцвета. В прямом смысле красочно это показывают черная и золотая полосы на женской духоборской шапке: черная – мрачный период арестов и ссылок в конце XVIII века, золотой над черным *прозумент* – получение свободы и плодородных земель в Таврии при императоре Александре I. В знак этого события расцвело духоборчество на женской шапке пучком шелковых цветков. А потом опять дорога – две зеленых полосы от пучка в разные стороны – снова ссылки – теперь в холодную Джавахетию – грузинскую «малую Сибирь».

В начале XX в. показалось, что наступила подлинная свобода вероисповедания и с маргинальностью покончено. Открывались старообрядческие церкви; строились старообрядцами фабрики и заводы, заходили по Амуру молоканские пароходы. Но не надолго. В советское время, начиная с двадцатых годов, маргиналами становились не только прежние – раскольники-старообрядцы и сектанты всех мастей, но и православная церковь. И тут понадобился накопленный столетиями опыт воссоздания этими сообществами в каждом следующем поколении своей конфессиональной культуры не только без поддержки извне, но и вопреки всему, что шло извне. Эти сообщества были самодостаточными и оставались таковыми в течение долгого времени.

Если трудовые навыки, связанные с домашней работой, усваивались практически стихийно, так же как этнический песенный фольклор, то обучение детей церковнославянской грамоте и литургическому песнопению в старообрядческой среде требовало особых учительских знаний и рефлексии над собственной культурой. То же самое было у молокан, где чтение Библии было обязательным практически в каждом молоканском доме, а Библия до последней трети XIX века печаталась на церковно-славянском языке. Кроме того, в богослужении молокан обязательны сложное псалмопение и беседы-проповеди, требующие умения говорить, убеждать и толковать библейские тексты, а для этого нужно отбирать способных учеников и учить их обращению с текстами Писания в пении и речи. Взаимозависимыми оказываются самодостаточность и высокая степень культурного самосознания.

Одним из примечательных явлений в жизни конфессиональных культур, с которым мне довелось познакомиться в 90-ые годы XX – начале XXI века, является народный экуменизм, возникший еще при советской власти, но старавшийся тогда себя не афишировать. Православные патриаршей церкви, оставшиеся без церквей и священников, обращались к соседям – староверам-беспоповцам, свято хранившим *древлеправославный* обряд отпевания, и получали от них помощь.

Православные и молокане объединялись по воскресеньям в одном общем *собрании* (молоканское слово, обозначающее богослужение), где пели сообща православные песнопения и молоканские псалмы. В Ростовской области, где живут молокане и духоборцы, последние часто просят молокан, лучше сохранивших свою обрядовую похоронную культуру, *проводить покойника*, иногда по просьбе умирающего.

В докладе будет представлен рассказ молоканки о совместных молоканско-духоборских проводах умершей духоборки – рассказ, являющий собой замечательный пример культурного Пограничья, народного экуменизма, зоркой наблюдательности и взаимно уважительного отношения к обрядам «других».

Никитина Серафима Евгеньевна

доктор филологических наук, главный научный сотрудник

ФГБУН Института языкознания РАН

Е.С.Островская (Москва)

"Последняя вагонетка наверх": Гарольд Хезлоп и советский читатель 30-х годов

(без тезисов)

Островская Елена Сергеевна

к.филол.н., доцент факультета филологии НИУ-ВШЭ, доцент, зав. кафедрой английской филологии Института филологии и истории РГГУ

Е.Н. Пенская (Москва)

Понятие «границы» в мемуарном опыте Д.И.Журавлева

Дмитрий Иванович Журавлев (1901-1979) – доктор физических наук, профессор, дядя Анны Ивановны Журавлевой (1938-2009), историка русской литературы, профессора Московского университета. Д.И.Журавлев заведовал кафедрой физики в Институте землеустройства. Ученый-физик, прекрасный педагог, он оставил «Воспоминания» о своем детстве и юности в Скопине. Понятие «границы» для него имеет практический и философский смысл. В тексте «Воспоминаний» - «граница» в основном определяется как черта, отделяющая один период жизни от другого. Смена биографических пластов подкрепляется чередованием нарративов. Их репертуар, а также границы, отделяющие один срез мемуарного повествования от другого, представляют собой внутренний смысловой рисунок, который проявляется при полной публикации «Воспоминаний»

Елена Наумовна Пенская

доктор филологических наук, профессор

руководитель школы филологии Факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета Высшая школа экономики

Я.А. Пенькова (Москва)

Маргинальные употребления императивных форм в восточнославянских памятниках XI–XVвв.: между грамматикой и риторикой

В восточнославянских памятниках встречаются конструкции, представляющие собой *гибрид* императива и т.н. будущего сложного второго: *вспомогательный глагол* в форме повелительного наклонения (*буди*) в соединении с элевым причастием (ниже – л-форма):

(1) ...р(ч)е ми тако: днешны(м) дне(м) **буди**, Акире, въз...ль пре(д) измль Бмъ, €ко т... види(х) жива, ...ко изучиль м... еси мудро(м) слово(м) [Пов. Об Акире, 205];

(2) Како не оубо€шас... съмърти вѣдати (не) сътворишааго ничьсоже достоина съмърти?.. **боуди была** така вражда въ врѣмя проп...тию Юго, чьто и по оумъртии Юго на гробѣ присѣд...ть [(Сл.Григ.Антиох.) Усп.сб., 398], ср.

греч.: ἔστω παρὰ τὸν καιρὸν τῆς ζωῆς τοσαύτην κατ' αὐτοῦ μανίαν ἐμάνησαν [Амф., 18];

(3) Гл̃а̃ ему: друже, како вниде с̃мо? киим образом? коею с̃вѣстию? **буди** вратарь не **възбраниль** за обилие подающаго, **буди** невѣдѣние **имѣль** кацѣмъ образом вниде в пирь [Кирил.Иерус.поуч.огл., 858]; ср.

греч.: ἔστω, ὁ θυρωρός οὐκ ἐκώλυσε, διὰ τοῦ θαυσιλέως τοῦ παρέχοντος ἔστω ἄγνοιαν εἶχες π οταπῶ δεῖ σχηματι εἰσελθεῖν εἰς τὸ συμπόσιον [PG 33, 337].

Все тексты, в которых встретились рассматриваемые структуры, достаточно архаичны и различны между собой. «Повесть об Акире Премудром» – восточнославянский перевод XII в. (предположительно, с сирийского языка), сохранившийся в списке XV в. [Григорьев 1913]; «Слово на погребение и воскресение» Григория Антиохийского входит в состав Успенского сборника XII–XIII вв.; «Поучения огласительные» Кирилла Иерусалимского – южнославянский перевод к. IX–X вв., приписываемый Константину Преславскому, в восточнославянском списке XI–XII вв.

В докладе рассматриваются различные способы интерпретации сочетания *буди* + л-форма: 1) калькирование греческого оригинала, 2) аналитическая форма наподобие греческого перфектного императива (также чрезвычайно редко встречающегося в текстах), 3) риторический прием, совмещающий в одной структуре перфектную семантику и значение уступки, характерное для императивных форм.

В пользу первого варианта говорят примеры из (3), в которых славянский текст по словно соответствует оригиналу, чего нельзя сказать о примере (2) с точными соответствиями только *для* ἔστω (*буди*) и *παρὰ τὸν καιρὸν*.

Славянский перевод в (2) и (3), очевидно, стремится передать в первую очередь не форму, а уступительное значение греческой структуры. Об этом же свидетельствуют другие случаи употребления *буди* в Кирилл.Иерус.поуч.огл. в сходной синтаксической позиции, но в другом – оптативном значении, ср.: *буди же да и црём введении будете* [Кирилл.Иерус.поуч.огл., 857], – *γένοιτο ἵνα ὑπὸ τοῦ βασιλέως εἰσάχθητε* [PG 33, 333]; ср. также сочетание уступительного *аще* и с формой сослагательного наклонения на месте конструкции *буди* + л-форма в позднем списке «Слова» из Сборника поучений XVI в.: *Аще и была бы такова вражда во время пропятия Его...* [Унд. № 564 л.140-145].

В пользу второго предположения говорит, прежде всего, отсутствие в (1) другого вспомогательного глагола помимо *буди* в форме 2 л. ед.ч. Обращение к сирийской версии Повести ситуации не проясняет: «День, въ который Ахикарь родился, пусть будеть благословенъ пред богомъ Египта» [Григорьев 1913, 204–205]. Однако славянская структура находит подтверждение в версии армянской, с которой, согласно исследованию А.Д. Григорьева [там же: 364–368], славянский текст также имеет большое количество пересечений: «благословен ты перед богами» означает примерно то же, что *буди възьяль пред Богомъ* ‘*пусть, Акир, твоя взяла пред Богом*’.

Литература

Амф. – Амфилохий, архим. Палеографическое описание рукописей XV-XVII в. определенных лет. Т.IV. М., 1880.

Кирил.Иерус.поуч.огл. – Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского // Die Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij. Uspenskij spisok. Великие Минеи Четьи

митрополита Макария. Успенский список. Hrsg. E. Weiher, S.O. Šmidt, A.I. Škurko. 12.-25. März. 12-25 марта. Freiburg i. Br., 1998. [= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, tom. XLI, 2].

Пов. об Акире – Григорьев А.Д. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.

Усп.сб. – Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М., 1971.

PG 33 – Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Paris, 1857-1866. Vol. XXXIII.

Пенькова Яна Андреевна

кандидат филологических наук, научный сотрудник

Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Н.А. Петрова (Пермь)

«Мне скучно без Довлатова» Е. Рейна как свод маргинальных текстов

Маргиналии в качестве комментария к основному тексту давно переросли свою традиционную функцию: «периферия» становится «центром» и организует вокруг себя художественное целое. Примером может служить книга Е. Рейна «Мне скучно без Довлатова». Книга представляет собой собрание разнородных произведений (поэмы, написанные в основном белым пятистопным ямбом, и мемуарная проза), связанных между собой сюжетными ситуациями, мотивами, образами, эпиграфами и посвящениями. Кроме того, книга содержит множество фотографий, зачастую расположенных на полях и вступающих с текстом в сложные отношения.

Взаимодействие может осуществляться разными способами, Рейн использует и обыгрывает практически все. Маргиналии в классическом варианте – примечания И. Бродского в подаренном Рейну экземпляре «Урании», частично перенесенные в виде комментариев в собрание сочинений. В романтическом – пояснение лирического стихотворного текста мемуарной прозой (в «Сказании о Старом Мореходе» Колриджа прозаическая фабула, излагающая основы философской мистики лирической баллады, вынесена на ее поля). В интеретексте современности все перекликается со всем, создавая сложную конструкцию разновременных пластов.

Подзаголовок книги Рейна «Новые сцены из жизни московской богемы» поясняется посвящением поэмы «Сорок четыре» памяти М. Кузмина, последнего денди ушедшей эпохи. «Сорок четыре» – номер квартиры, который в совокупности с «Таврической» и «башней» указывает адрес Вяч. Иванова. «Сорок четыре» – условное количество гостей, умерших и

вспоминаемых – откликаются хармсовскими «чижами», а «та четверка» – молодыми поэтами ахматовского круга, но семантика числа вписывает их в совсем другую традицию (Пушкин: «Нас было много на челне; Пастернак: «Нас мало. Нас, может быть, трое»; Вознесенский: «Нас много. Нас может быть четверо»). Количество может колебаться («У фонаря, у фонаря сойдемся мы втроем... Четвертый подойдет потом... И пятый и шестой»; «О трех уж говорилось, об одном я скажу позднее...»; «Мы сидели впятером за столом...»), но хоронить «няню Таню» идут тоже «четыре человека».

Поэме о няне, конечно, предшествует эпиграф из Ходасевича, но иные аллюзии не так очевидны и даже специально сдвинуты частичным изменением названий (Переделкино – Перепелкино), имен, инициалов и т.п. Е. Евтушенко в одной из пересказываемых Рейном баек именуется «ну очень знаменитым поэтом», перифраз расшифровывается сопровождающей текст фотографией. В другой, гораздо более пикантной ситуации тот же персонаж сразу называется по имени.

Рисунок или фотография тоже своего рода маргиналии, дополняющие смысл произведения, и порой настолько значимые, что потесняют повествование (достаточно вспомнить «Анри Матисс роман» Л. Арагона или «Как один день. Роман-картина» Б. Жутовского). У Рейна роман – фотография. Его главный, герой, заявленный названием, появляется трижды. В пятой части поэмы «Сорок четыре» он не назван, но репрезентирован поступками, привычками, привязанностями. На расположенных рядом фотографиях Довлатов отсутствует. Второй текст – некролог с тем же названием, что и книга и с очень выразительной фотографией. Третий – «Не посягнем на тайну» – прозаические мемуары, дополняющие предшествующий поэтический. Довлатов, заявленный заголовком в качестве центральной фигуры, частично скрылся за автором («Мне скучно...»), частично слился с фоном (заголовок «филологического романа» Гениса «Довлатов и окрестности» оставляет герою место в центре).

Петрова Наталия Александровна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

д. филол. н., доцент, зав. проф. кафедры русской и зарубежной литературы

А.А. Плетнева (Москва)

Уход за младенцем: практики, тексты и культурные конфликты

1. Уход за младенцем – компетенция медика, а не гуманитария. Однако этот процесс породил огромное количество смыслов и текстов, нуждающихся в понимании и интерпретации. Рекомендации по грудному вскармливанию общество воспринимает как некую рациональную стратегию, в то время как позитивистская рациональность этих рекомендаций и рецептов, на мой взгляд, является весьма сомнительной. Характерно, что основоположниками литературы по выхаживанию младенцев, являются не медики, а философы – Руссо и Локк. Их чисто умозрительные построения с течением времени превратились в медицинские предписания, истоки которых давно забыты. Приведу лишь один пример. Руссо был противником тугого пеленания и объяснял это необходимостью воспитания свободного человека. «Человек-гражданин, – сетовал Руссо, – родится, живет и умирает в рабстве: при рождении его затягивают в свивальник, по смерти заколачивают в гроб; а пока он сохраняет человеческий образ, он скован нашими учреждениями». Эту мысль Руссо пособия для молодых матерей повторяют уже более 250 лет, однако философские понятия «свобода» и «рабство» заменяются на практически понятные положения о необходимости свободно двигаться для лучшего физического развития. И это при том что в пеленках выросло не одно поколение людей и доказать, что эти люди были физически менее развиты невозможно.

2. В России воспитание младенцев является контактной зоной двух традиций – общеевропейской, представленной в упомянутых выше сочинениях философов и их последователей, адаптирующих идеи классиков для широкой аудитории, и крестьянской, основными носителями которой были повивальные бабки. Сосуществование и взаимная борьба этих традиций практически не описаны, хотя материала для подобного описания имеется довольно много. Крестьянская культура воспринимала бытовые стереотипы образованного общества благодаря общей тенденции подражания «барам», а также в результате сознательной культуртрегерской деятельности помещиков. А в дома людей, принадлежащих к высшим сословиям, народные традиции воспитания детей попадали благодаря кормилицам.

3. Институт кормилиц может быть описан с различных позиций. Кроме лежащих на поверхности социально-экономических моментов (кормилица как профессия одинокой женщины, судьбы собственных детей кормилиц и т.д.), интересно было бы описать коллизии, возникающие при столкновении представлений об уходе за младенцем крестьянской женщины (кормилицы в основном происходили из крестьянок) с представлениями их работодателей. Авторы руководств для молодых мам призывают следить за тем, чтобы кормилицы не качали детей, не давали им соску, не использовали грудь в качестве средства для успокоения кричащего младенца и т.д. То есть определенные приемы ухода за младенцами воспринимались как простонародные и отвергались представительницами образованных сословий. Причем в большинстве случаев речь идет не о медицинской целесообразности (хотя аргументы приводятся именно медицинские), а о моде и социальных стереотипах поведения.

4. Анализ практикуемых в России приемов ухода за младенцами обещает дать интересный материал по истории социального дисциплинирования, а также взаимного влияния поведенческих стереотипов, свойственных представителям разных общественных стратов.

С.К.Пожарицкая (Москва)

Редупликация в русской литературной и диалектной речи

Редупликация получила признание в качестве одного из важнейших языковых механизмов, используемых как для формообразования, так и для словообразования, в конце XX столетия, и в настоящее время уже накоплен объем сведений, достаточный для теоретических обобщений и типологических описаний этого явления. Однако материалом для таких исследований до сих пор служат в основном языки Азии, Африки, Америки, Австралии, Океании и финно-угорские языки Европы.

Что касается русского языка, то наблюдаемые в нем факты до сих пор не удостоились системного описания, и сам термин «редупликация» не освоен и обычно замещается не имеющим конкретного лингвистического содержания словом «тавтология». Между тем в русском языке, в особенности, в его неcodифицированной устной форме — диалектной речи — приемы редупликации весьма разнообразны и используются достаточно интенсивно, преимущественно — в качестве модального средства.

Редуплицироваться могут как словоформы в целом, так и морфемы — корневые и аффиксальные.

1. Общерусский тип полной редупликации — повтор словоформы прилагательного, наречия и глагола.

Для прилагательного и наречия функция редупликации состоит в усилении значения редупликанта: *маленький-маленький, большой-большой, тихо-тихо*; для глагола — обозначение продолжительность действия: *шел, шел; думал, думал*.

2. Неполная правая редупликация в разговорной речи (исследования Ф.Р.Минлоса): *фокус-покус, танцы-шманцы*.

3. Типы редупликации, ограниченно используемые в литературном языке и расширенно — в диалектах:

3.1. Удвоение корневой морфемы (левая неточная редупликация) в наречиях типа *бегом бежит, ревя ревет, сижма сидит, кричма кричит*.

3.2. Удвоение аффиксальной морфемы (форманта *-а-, -ва-, -ива-*) как показателя итеративности при образовании глаголов типа *ходить* → *хаживать*, широко практикуемое в

диалектах, где встречается даже «трипликация» (*братъ — бирáть — б́рывать, бить — бивать - бивывать*). Удвоение показателя итеративности содержит два семантических компонента: 1) прекращенность, замкнутость действия в прошлом (не только *хаживал* и *говаривал*, но и *живал, думывал*), 2) интенсификация обозначаемого действия, часто сопровождаемая отрицанием либо усиливающей лексемой (*Снóвывала я, Ийка знат; Иные пиво варили, а я не варивала; Сроду в больнице не ляживала*).

4. Специфически диалектные способы неточной редупликации:

4.1. Функцию удвоения показателя времени (интенсификация или заверительный статус) выполняют формы глагола *быть*: *есть, был, будет (буде): за этим домом тоже бабушка есть живет, а тут середка вся пуста; Мой муж был убил волка; Все ребята у ней там были родились; Деверь был осталсе двенадцати годов; Скажу Митрию, он тебе намякат будет (побьет).*

4.2. Удвоение падежного показателя указательных и притяжательных местоимений с эпентезой согласного (неточная редупликация): *тá(-j-a), одná(-j-a), úхФ(-н-ий), ино-(вó)-й (новóй)*.

4.3. Указательные местоимения, «усиленные» частицами: *нúтый* и *тóт там* (ср. левую редупликацию в польском *tamtę*): *Тоттам самостоятельный был мужик-от у ей, чем нутот. Я нутото не знаю мужика у ей, а того там знала* (говоры по течению р..Пинеги).

Пожарицкая София Константиновна

к. филол. н., доцент кафедры русского языка филологического ф-та МГУ

Е.А. Потехина (Ольштын, Польша)

Диалектная фонология: маргиналии теории языка

Исследования белорусской фонетики концентрировались на описании артикуляционно-акустических особенностей сегментных единиц (звуков и фонетических слов) [Лёсік 1926; Падлужны/Чэкман 1973; Падлужны 1989]. Однако со второй половины XX века благодаря распространению средств звукозаписи ученые получили возможность сбора фонотек. Часть белорусских диалектных текстов в упрощенной фонетической транскрипции была опубликована в двух хрестоматиях: «Вусная беларуская мова» под редакцией А. И. Подлужного (1990 г.) и «Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі» под редакцией Л. П. Кунцевич і В. Н. Курцовой (2009

г.). Эти тексты, а также материалы «Полесского архива» В. Л. Веренича легли в основу исследования явлений сандхи в белорусских диалектах, проводимого в рамках проекта «Сандхи в славянских языках», осуществляемого членами Фонетической комиссии при Международном комитете славистов.

Принято считать, что в белорусском языке, так же как в других славянских [см., напр.: Pianka 2001: 106-109], сочетание глухого и звонкого обязательно влечет за собой нейтрализацию признака звонкости или глухости по правилам регрессивной ассимиляции [Тарашкевіч 1929/1991: 118; Лёсік 1926: 74; Czekman / Smułkowa 1988: 303; Падлужны 1989: 180; Выгонная 1991: 210; Вэкслер 2004: 180]. Однако результаты исследования диалектных текстов позволяют утверждать, что для белорусских диалектов это утверждение неверно.

Многие белорусы нарушают правила литературного произношения, поскольку не слышат глухих на месте звонких и наоборот [Падлужны 1989: 326]. Записи диалектной речи показывают, что общая картина внутреннего и внешнего сандхи более сложна, поскольку как на морфемных границах, так и на границах фонетических слов наблюдается явление, которое напоминает регрессивную ассимиляцию: этимологических звонкий перед звонким или сонантом выступает в виде слабого аллофона: [‘svaʦs’ba], [c’i’ɣotn’a], [at_baʦs’kow], [atb’il’i], [ɣa’ʦotn’ja], [‘v’ets’ma], [dʲ_’pojduʦs’ da’lej], [ʦfujuts’ dz’ewk’i], [u ‘tʲis’atʃa vas’em’sot dva’naʦs:atam ɣa’du], [‘dz’ev’ats’ duʃ]. Примеры такого произношения встречаются на территории всей Беларуси, за исключением, пожалуй, западного Полесья, где представлен переходный украинско-белорусский диалект и сохраняются этимологические звонкие в абсолютном конце слова и на морфемных границах.

Оглушение этимологических звонких перед звонкими и сонантами в потоке речи было замечено еще Е. Ф. Карским, который полагал, что белорусы, которые вообще говорят медленно, делают паузы между словами [Карский 1955: 286]. Однако он не отмечал аналогичных явлений на морфемных границах, где такая пауза невозможна без сохранения целостности слова. Зато ослабление звонких, выражающееся, например, в спонантизации взрывных, наблюдал в севернорусских говорах Л. Л. Касаткин [Касаткин 1999: 227-275]. Оппозицию по глухости/звонкости он рассматривает в контексте корреляции согласных по напряженности/ненапряженности.

Возможно, нейтрализация признака звонкости у согласного, связанная с напряженностью и длительностью произношения, должна рассматриваться как фонетический сигнал, при помощи которого носитель языка передает или воспринимает сегментированную с точки зрения значения информацию. Тогда оглушение звонких перед звонкими внутри слова на морфемной границе и между словами следовало бы интерпретировать как реликтовое явление, в котором зафиксирован определенный исторический этап развития суффиксального словообразования: момент перехода полнозначных слов в грамматические единицы. Однако, для полного выяснения причин описываемого выше явления необходим не только анализ большего количества данных, но и применение экспериментальных методов исследования.

Литература

Выгонная, Л. Ц. (1991), *Інтанацыя. Націск. Арфаэпія*. Мінск.

Вэкслер, П. (2004), *Гістарычная фаналогія беларускае мовы*, Мінск. [Перевод с: Wexler, Paul (1977), *A Historical Phonology of the Belorussian Language*, Heidelberg: Carl Winter].

Вярэніч, В. Л. (2009), *Палескі архіў*. Пад навуковай рэдакцыяй Фёдара Клімчука, Эльжбеты Смулковай і Анны Энгелькінг. Мінск. Эльжбеты Смулковай і Анны Энгелькінг. Мінск.

Карский, Е. Ф. (1955), *Белорусы. Язык белорусского народа*. Выпуск первый. Исторический очерк звуков белорусского языка. Москва.

Касаткин, Л. Л. (1999), *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва.

Лёсік, Я. (1926/1995), *Граматыка беларускае мовы. Фонэтыка*. Менск. Факсімільнае выданне: Мінск, 1995.

Падлужны, А. І. (1989) (рэд.), *Фанетыка беларускай літаратурнай мовы*. Мінск.

Падлужны, А. И./Чэкман, В. М. (1973), *Гуки беларускай мовы*. Минск.

Тарашкевіч, Б. (1929/1991), *Беларуская граматыка для школ*. Выданьне пятае, пераробленае і пашыранае. Вільня. Факсімільнае выданне: Мінск, 1991.

Czekman, W. / Smułkova, E. (1988), *Fonetyka i fonologia języka białoruskiego z elementami fonetyki i fonologii ogólnej*. Warszawa.

Pianka, W. (2000), *Gramatyka konfrontatywna języków słowiańskich z komentarzami historycznymi*, [w:] Pianka, W. / Tokarz, E. (2000), *Gramatyka konfrontatywna języków słowiańskich. Tom 1*. Katowice. Sawicka, I. (2007) (red.), *Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Fonetyka / fonologia*. Opole.

Потехина Елена Александровна

Доктор филологических наук, профессор

кафедры славянского языкознания

Института восточнославянской филологии

А.А.Преображенская (Москва)

«Аще и неправедное мое есть собрание неправедно погибнет»:

духовные грамоты из «канцелярии» Симеона Полоцкого

Духовная грамота в интерпретации первого придворного поэта Симеона Полоцкого (1629 — 1680) представляет собой совершенно особенный тип текста на границе художественного и делового. Составленные Симеоном духовницы объединяют поучение и наставление, покаянную

исповедь и роспись имущества, благословение и формулы заклѣтия, и все это в обрамлении витиеватых «украшений пиитических».

С конца XIX века (1) были известны четыре духовных грамоты, составленные Симеоном для своих самых близких друзей и покровителей: для митрополита Сарского и Подонского Павла (ум. в 1675 г.), митрополита Новгородского Питирима (ум. в 1673 г.), митрополита Рязанского и Муромского Иллариона (ум. в 1673 г.) и ближнего боярина Богдана (Иова) Матвеевича Хитрово (1615-1680). Тексты духовниц образуют отдельный раздел рукописи №229 Синодального собрания ГИМ (2), в который также включены и четыре завещательных преамбулы. Известно и собственное завещание Симеона, дошедшее до нас в двух списках в составе сборников конца XVII века (3).

В находяющихся на пересечении московской и южно-западно-русской традиций духовных грамотах Симеона совсем по-иному представлена личность завещателя, выступающего не только в роли христианина и пастыря, но и в роли лица светского, беспокоящегося о том, что «аще и неправедное собрание неправедно погибнет». Наставление, покаяние и благословение, столь приличествующие митрополиту (да и любому духовному лицу), соседствуют в текстах тестаментов с росписью завещаемого имущества и денежных сбережений, порой весьма солидных. Очевидно, что для Симеона митрополичий сан завещателя не являлся препятствием для включения обширного *dispositio* в сам текст духовной грамоты. В своем собственном завещании Симеон отводит под распорядительную часть пять листов из девяти, подробно расписывая монастыри и суммы.

Любопытно, что и для самих «заказчиков» духовные грамоты подобной формы не воспринимались, по-видимому, как нечто неприличное их сану и статусу: упоминание денежных сбережений и «имения» считалось вполне уместным. И в то же время список составленного Симеоном духовного завещания митрополита Питирима, включенный в Прибавление к Новгородской второй летописи (4), обрывается на указании желаемого места погребения, оставляя распорядительную часть (существовавшую вне всякого сомнения) за рамками официального публичного текста.

Литература и источники

1. Татарский И.А. Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность): Опыт исслед. из истории просвещения и внутр. церк. жизни во вторую половину XVII в. М., 1886.
2. Синодальное собрание №229. ГИМ, Москва.
3. Собрание графа А.С. Уварова №247-4^о. ГИМ, Москва. Собрание графа А.С. Уварова №167-4^о. ГИМ, Москва.
4. Полное собрание русских летописей. СПб, 1841. Т.3. С. 193-196.

Анастасия Александровна Преображенская
магистр филологии, аспирант

Национальный Исследовательский Университет

«Высшая школа экономики»

Древнерусское криво: где граница между существительным и наречием?

В докладе рассматриваются трудности, которые в ряде случаев возникают при определении частеречной принадлежности древнерусской лексемы криво.

Наибольший интерес в этом отношении представляет приписка Домки на полях Новгородских миней конца XI в:

(1) дажь въ на пол обраше криво а все <...> «Если [кто–нибудь], служа по ним (этим книгам), найдет ошибку, то...» (далее – обрыв текста; Новг.мин. 1095-1097 гг; сент., л.176; цит. по: [Обнорский, Бархударов 1999: 37]).

Какой частью речи является здесь криво? Исторические словари знают лишь криво-наречие; так обстоит дело в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, в словарях древнерусского языка XI-XIV и XI-XVII веков. Вот два примера^[61]:

(2) да аще кто $\bar{w}$ руси или $\bar{w}$ грекъ створи криво да оправлеть то (дог.с гр. 945 г, Лавр. лет., л.12) – «Если кто-нибудь из русских или греков сделал криво, пусть исправляет это»;

(3) иде же криво братиѹ исправивъше чѣтѣте (Изборник 1076, приписка Иоанна, л. 275 об - 276) «Там, где [написано] криво, братья, исправивши, читайте»;

Как наречие размечено криво в (2) и (3) и в историческом подкорпусе Национального корпуса русского языка; то же решение выбрано для (3) в словнике к изданию Изборника 1076 [Изборник 2009].

Однако возможно и другое решение. Данная лексема омонимична: криво может выступать не только как наречие, но и как краткое прилагательное среднего рода, и как существительное типа добро или зло. Именно субстантивное употребление кажется весьма вероятным для рассматриваемых контекстов. Попробуем в качестве эксперимента заменить во (2) примере криво на зло (семантически такая замена вполне хороша):

(2') да аще кто $\bar{w}$ руси или $\bar{w}$ грекъ створи зло да оправлеть то

Очевидно, что лексема зло скорее должна быть интерпретирована как существительное. Вот очень близкий пример, где зло однозначно выступает как существительное в форме род.п. при отрицании:

(4) не мозите сего створити зла ни оубиваите игорѧ (Киевская лет., л. 129, 1147 г) – «Не смейте сотворить это зло, не убивайте Игоря»

И, если в сочетании створи зъло для лексемы зъло предпочтительнее субстантивная интерпретация, то, видимо, этому же решению должно быть отдано предпочтение и в случае с лексемой криво.

Все контексты подобного рода представляют собой ряд переходных случаев – от тех, где криво амбивалентно и может быть легко истолковано и как наречие, и как существительное, к тем, где криво все же естественнее понимать именно как наречие.

Вот «амбивалентный» случай:

(5) поутата пьсаль . даче криво да исправите а не кльните (Мин. XI в, приписка Путяты, л. 135; цит. по [Карский 1901: 301]) – «Путята писал. Если криво (?) / кривое (?), то исправьте, а не проклиняйте».

Ср. контекст, где криво скорее следует счесть наречием:

(7) гоудьцю ладщю гоусли свога и филипъ сѣда и рече криво ладиши инако было («Пчела», сп. кон. XIV в, л. 49 об) – «Когда гусяр налаживал свои гусли, Филипп, сидя, сказал: «Криво настраиваешь, было по-другому» (в пользу адвербиальной интерпретации говорит параллелизм с наречием инако).

Как видно из примеров, проблема разграничения наречия и существительного возникает в контексте переходных глаголов, имеющих семантическую валентность содержания или объекта действия, заполняемую ВИН, причем действие, на которое указывает подобный глагол, естественно оценивать по шкале «хорошо-плохо» или «правильно-неправильно».

Вернемся к приписке Домки. Если предположить, что криво выполняет здесь функцию наречия, то его значение можно сформулировать следующим образом: 'так, что в действии допущена ошибка или несправедливость'. Употребление криво здесь очень похоже на современное разговорное употребление этого наречия в контекстах типа: *Они как-то криво договорились и не смогли встретиться; Договор был составлен криво, и теперь ему отказываются возмещать убытки*.

Однако при всем сходстве этих лексем очевидно, что в переводе обраще криво современное *криво* употреблено быть не может – в отличие, например, от перевода сочетаний створити <ладити> криво и многих других.

Обраще криво не означает, что в самом действии обрѣсти допущена ошибка – скорее наоборот, это действие может рассматриваться как шаг на пути к исправлению ошибки. Что же тогда означает криво, употребленное при данном глаголе? Сохраняя презумпцию криво-наречия, мы должны предположить, что в древности его сфера действия была принципиально шире, чем сейчас, так как криво очевидным образом относится здесь семантически к объекту действия – к ошибке в тексте, в то время как все современные употребления *криво* в описываемом значении указывают на ту или иную ошибку непосредственно в исполнении действия, обозначаемого предикатом. Иными словами, мы должны счесть, что криво обрѣсти в древнерусском языке значило что-то типа «найти кривой объект». Понятно, однако, что такое построение является чрезмерно усложненным и что сложность эта исчезает, если квалифицировать криво как существительное, а не как наречие.

А если так, то следует предпочесть субстантивную интерпретацию по меньшей мере для криво в примере (3) (иде же криво братиѣ исправивъше чѣтѣте), и в примере (5) (поутата пьсаль . даче криво да исправите) – и весьма вероятно, что также для (2) и (7).

Литература

Изборник 2009 – Изборник 1076 года. М., 2009

Карский 1901 – Е. Ф. Карский. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901.

Обнорский, Бархударов 1999 - С.П. Обнорский, С.Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I, М., 1999.

Словарь древнерусского языка XI – XVII вв. Вып. 8. М., 1981.

И.И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка. Т1, Спб, 1893.

Птенцова Анна Владимировна

к. филол. н., доцент кафедры русского языка

филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Е.Э. Разлогова (Москва)

К проблеме сопоставления текстов

1. Два текста можно сравнивать с различных позиций. Результатом их сопоставления в крайних случаях может оказаться либо то, что это ни в чем не схожие тексты (на разных языках, разных авторов, разные по тематике, в разных жанрах, относящиеся к разным эпохам, в разной стилистике и т.п.), либо - другая крайность, что эти тексты полностью совпадают.

Лингвистика, стилистика, текстология, переводоведение и некоторые другие отрасли гуманитарного знания уделяют большое внимание сопоставлению текстов. В лингвистике особый интерес привлекали тексты и высказывания с большим "коэффициентом сходства", которые можно было бы охарактеризовать как сопоставимые. Как писал Р. Якобсон "Эквивалентность при существовании различия - это кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики"^[62]. Синонимические преобразования находятся в центре внимания многих поколений лингвистов. Сопоставимость высказываний и текстов в смысловом отношении является

также основой для лексикологии и лексикографии. Однако существуют и другие лингвистические исследования, где, например, сопоставляются тексты, относящиеся к различным типам дискурса, обнаруживающие достаточно ограниченное как содержательное, так и формальное сходство: цель таких работ - выявить грамматические и лексические особенности этих речевых жанров.

В текстологии особый интерес вызывают различные авторские варианты одного художественного текста, тексты в разных редакциях, различные стадии работы над текстами и пр. Коэффициент сходства в этих текстах бывает достаточно велик при том, что объем текстов может значительно различаться, в зависимости от дополнений / опущений в различных вариантах.

В стилистике и литературоведении наблюдается особый интерес к сопоставительному анализу текстов в свете многих проблем: выявление общих характеристик для различных сюжетов, авторов, культур и пр. (сравнительное литературоведение, интертекстуальность), выявление общих характеристик для всех текстов одного автора или для авторов в определенный период времени, или для представителей определенного течения и пр. При этом могут рассматриваться тексты с гораздо меньшим коэффициентом сходства, чем в лингвистике. Так, интересны тексты со сходными сюжетами, сходными персонажами и пр., то есть сходные по содержанию. Могут рассматриваться наоборот тексты сходные только по какому-нибудь аспекту формы.

К маргиналиям текстовых сопоставлений можно отнести сопоставление текста с его эквивалентом в других семиотических системах, предложенное еще Р. Якобсоном под названием *трансмутация* - интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем^[63]. Это, в частности, различные адаптации прозаических и поэтических текстов, например, для кинематографа или балета, драматические постановки по литературным произведениям и пр.

Столь же маргинальное сопоставление принадлежит Ф.Шлейермахеру^[64], когда тот ставит в соответствие тексту его замысел, выраженные в нем мысли и чувства и т.п. Для этого он использует термин *Übertragen*.

2. Особое место в общей массе текстовых сопоставлений играют так называемые *параллельные* тексты, которые являются сопоставимыми *par excellence*. Это понятие чаще всего применяется в теории перевода и касается текстов на двух разных языках, которые мыслятся как "эквивалентные". Поскольку форма языкового выражения так же важна, как и содержание, об эквивалентности в полном смысле слова говорить не приходится, тем более, когда речь идет о переходе в другую языковую и культурную среду.

В рамках проблематики сопоставимых текстов стоит вопрос о том, кто стоит у истоков того или иного расхождения, или сколько у текста "авторов". Среди лиц, имеющих возможность вносить изменения в тексты, можно назвать авторов, редакторов, издателей и просто случайных участников процесса. В отношении переводов как правило авторов по меньшей мере два - автор оригинала и автор перевода (хотя имеются не столь многочисленные примеры, когда перевод осуществляет сам автор), кроме того имеются редакторы и издатели текстов.

Проблематика сопоставимых текстов связана также с проблемами плагиата и цитирования. В этой связи можно также рассматривать и проблемы редактирования и вопросы так

называемого rewriting'a, когда авторские тексты редактируются столь радикально, что меняются до неузнаваемости.

Анализ сопоставимых текстов, таким образом, возможен в разных аспектах, в разных областях и с совершенно разными целями.

3. Наиболее полно инструментарий для исследования сопоставимых текстов разработан в переводоведении. Он предусматривает как чисто формальные операции, такие как добавление, опущение, так и более содержательные (например, замена на синонимы, разного рода синтаксические и семантико-синтаксические преобразования, такие как транспозиция и модуляции, изменение "точки зрения", дополнительное использование фигур и пр.). Можно отметить также различные замены на более идиоматичные выражения, переход к иным культурным реалиям и пр.

К анализу сопоставимых текстов можно также привлечь инструментарий нарратологии: изменение событийной канвы, изменение статуса повествователя, состава действующих лиц, точки зрения в повествовании пр.

При сопоставлении текстов каждому расхождению можно сопоставить интерпретацию (попытку объяснить, по какой причине оно возникло), а также в некоторых случаях целесообразно ставить вопрос об "инициаторе" расхождения.

Сочетание перечисленных параметров позволяет достаточно подробно и многоаспектно описывать сходства и различия сопоставимых текстов в рамках решения самых разных задач.

Разлогова Елена Эмильевна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник НИВЦ МГУ

А.И. Резниченко (Москва)

Дурылинский рассказ «Грех земле» (1919) и его внелитературные коннотации

Комплекс документов дурылинского архива, относящийся к этому тексту, включает в себя беловой автограф (КП–681/10); две машинописные копии 1919 года (старая орфография) с рукописной правкой автора (КП–681/11 и КП–681/12), и более поздние копии (предположительно – начала 1940-х гг.), сброшюрованные вручную в отдельные «книжицы». Достоверно известно, в какой контекст этот рассказ был помещен в конце

своей жизни самим С.Н. Дурылиным. Речь идет о самом, наверное, знаменитом (и самом большом по объему) творческом проекте «болшевского отшельника»: об «Углах», т.е. о корпусе «В своем углу» и «В родном углу». Анализируя структуру «Моих воспоминаний» (одно из авторских названий цикла), нетрудно заметить, что «болшевский мудрец» располагает их в хронологическом порядке, но не по дате их написания, а по хронологии тех событий, которые в них описаны. Это – этапы духовного пути главного героя повествования; его переправа через «реку времен». Поэтому история о кающемся земле солдате, помещенная *после* воспоминаний о предвоенном переживании «духа музыки» и *перед* размышлением о несуетности мнимо-суетного бытия Московского старца в период расцвета мечевской общины – в 1920-е годы, знаменует весьма важный для alter ego Дурылина – писателя Сергея Раевского – момент.

Смысл этого момента заключен в титульной теме текста – теме «греха земле». Само название рассказа, да и содержание его, относит нас к русскому духовному стиху «Непрощаемый грех», бесспорно, известного Дурылину^[65]. Современные ему исследователи-фольклористы указывали на происхождение этого стихотворения в среде стригольников – духовного движения, возникшего во второй половине XIV века в Новгороде^[66]. Вполне допустимо предположить, что причины обращения Дурылина к этой теме кроются не только в глубоком интересе к русскому фольклору, но и в самом содержании учения стригольников, повлиявшем и на богословие старообрядчества, в частности, на сотериологию нетовцев и бегунов^[67]. Историческая параллель между симонией XIV века и процессами в русской церкви перед Собором 1917–1918 года недвусмысленна. Общая же тема оскудения благодати человека и святости первотвари («матери-земли»), получила свое выражение в поэтическом творчестве С.Н. Дурылина с начала 1910-х гг. (стихотворения «У земли» (1912) и чуть более позднее «Плач земли. Духовный стих»).

Трактовка Матери-Земли как безгрешной заступницы, страдающей от человеческого греха, характерна для 1910-х гг., когда теллурические мотивы присутствовали в творчестве многих современников С.Н. Дурылина, – и поэтов, и философов (достаточно вспомнить философов С.Н. Булгакова, свящ. П.А. Флоренского, кн. Е.Н. Трубецкого; поэтов Н.А. Клюева и Вяч. Иванова)^[68]. Однако здесь нет еще речи о метафизическом предательстве; грехе непрощаемом. Тема непрощаемого греха (вариант: всеобщей бесноватости) в разных своих формах появляется в русской философской риторике только после переворота 1917 г. и гражданской войны. Научное же освоение и философская рецепция русской народной духовной культуры происходит уже в XX веке, преимущественно – в культуре русской эмиграции, когда остро встал вопрос и о собственной национальной идентичности, и о метафизических основаниях русской истории. Наиболее точно теллурические мотивы в русском духовном стихе удалось проанализировать Г.П. Федотову (1935 год), и стих о «грехе земле» неизбежно попадает в сферу его внимания: «хотя лишь третий грех является непрощаемым, но все три объединяются одним признаком: это грехи против родства кровного или духовного»^[69]. «Непрощаемый грех» дурылинского солдата, которому нет места в каноническом исповедальном чине, и есть грех предательства духовного родства, грех метафизического братоубийства, неизбежный в любой братоубийственной войне.

Резниченко Анна Игоревна

доктор философских наук,

профессор кафедры истории отечественной философии философского факультета РГГУ

О.Г. Ровнова (Москва)

Об опыте издания рукописной книги старообрядца из Южной Америки*

В основу подготовки к изданию рукописной книги «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» (М., Альпина нон-фикшн, 2015) мною положены четыре принципа: документальность, невмешательство в текст, комментирование, работа с автором. Им подчинялась работа над языковой и содержательной стороной произведения, которое написано по преимуществу фонетическим письмом, отражающим весь комплекс диалектных особенностей, свойственных живой речи автора – старообрядца-«синьзянца» часовенного согласия из Южной Америки, нашего современника.

Были выработаны определенные подходы к публикации рукописного текста средствами нормативной орфографии и пунктуации, которые учитывают адресованность книги широкому кругу читателей и одновременно сохраняют за книгой статус диалектологического источника.

В опубликованном тексте в полной мере отражены морфологические, синтаксические, лексические и фразеологические особенности говора, фонетические черты – лишь частично. Отклонены от передачи те из них, которые затрудняют восприятие текста или не являются собственно диалектными (аканье, иканье, вставные гласные, реализация *j* нулем звука после безударного слога, оглушение звонких согласных на конце слова и ассимиляция согласных по глухости / звонкости, мена глухих и звонких, позиционная мягкость согласных). В некоторых случаях авторские написания сохранены как стилистическое средство, отсылающее к рукописи и «намекающее» на ее орфографическое своеобразие и звучащую речь (*сердыце, в Аргентину, загрань паспорт, Пцалтырь, арфиепископ* и др.). Для приближения опубликованного текста к звучащей речи знаком ударения снабжены диалектные слова, диалектные формы слов, общерусские слова и их формы с ударением, отличающимся от литературного. Диакритические знаки оксии и вари, изредка встречающиеся в рукописи, не передаются.

Синтаксис рукописи сохранен при публикации без изменений, благодаря чему книга является надежным источником для изучения всего разнообразия синтаксических конструкций в диалектном языке «синьзянцев» – от синтаксиса словосочетания до синтаксиса

текста. Пунктуация рукописи приведена в соответствие с современными нормами. Для этого потребовалось установить в тексте границы простых и сложных предложений, «речи автора» и «речи персонажей», реплик разных лиц в диалогах и полилогах; абзацное членение также выполнено по моему усмотрению.

Текст сопровождается постраничными комментариями двух видов. Фактологические комментарии по преимуществу содержат сведения о реальных лицах и событиях, упоминаемых в книге; в лингвистических комментариях раскрываются значения диалектных и заимствованных слов, неясные из контекста. Все диалектные, устаревшие и малоупотребительные слова, а также диалектные фразеологические выражения помещены в завершающий книгу словарь, который насчитывает свыше 900 единиц.

Вышедшая в середине октября 2014 года, книга Д.Т. Зайцева получила благожелательные отклики литературных критиков и читателей (см. интернет-сайты таких изданий, как «Российская газета», «Ведомости», «Коммерсантъ», «Эксперт», «Афиша-воздух», «Премия Горького», «Кульпросвет», The Village, Surfingbird, и др.). Критика, в частности отмечает необычность «Повести...», другое временное измерение, в котором живут автор и персонажи книги, крестьянское и религиозное сознание Д.Т.Зайцева, невероятность его биографии и необыкновенный, «другой» язык книги.

Изданная «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» – первое в истории русской литературы и диалектологии произведение на русском диалектном языке, ставшее фактом литературной жизни.

Ольга Геннадьевна Ровнова

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИРЯ РАН

Т.В.Рождественская, М.В. Рождественская (Санкт-Петербург)

**«Примечания к анкете»: из эпистолярного наследия Всеволода Рождественского
(письма 1941 – 1945 гг. из личного архива)**

1. Поэт Вс. А. Рождественский (1895 – 1977) относился к тому типу литераторов, для которых эпистолярная была необходимой составляющей его внутренней литературной жизни, и это наследие составляет значительную часть его архива. Письма Рождественского и к

Рождественскому относятся ко времени с конца 1920-х до конца 1970-х гг. Часть писем находится в государственных хранилищах (РГАЛИ, ИРЛИ РАН, РНБ), часть – в личном архиве поэта. Публиковались лишь фрагменты писем разных лет. К 1920-30 гг. относится его переписка с Е. Я. Архипповым, Д. С. Усовым, Э. Ф. Голлербахом, с 1960-х гг. с «умным читателем», как его называла А. А. Ахматова, инженером Г. В. Глекиным (около 600 писем), в которых поэт ретроспективно оценивает ранние годы своей творческой судьбы, делится воспоминаниями об участии в литературной жизни Петрограда-Ленинграда 1920-х – 1930-х гг. Особый пласт эпистолярного наследия составляют письма военного времени, когда отец находился в действующей армии на Ленинградском, Волховском и Карельском фронтах в качестве военного корреспондента.

2. В докладе характеризуется неопубликованный блок писем военных лет. В числе корреспондентов – ленинградские литераторы И. М. Басалаев (1897 - 1964), Н. С. Тихонов (1896 - 1979), П. Н. Шубин (1914 - 1950), В. А. Мануйлов (1903 – 1987), актер Б. С. Коковкин (1910 – 1985) и др. Основное содержание писем касается литературной жизни и литературного быта Ленинграда военного времени, обсуждению глав из книги воспоминаний, которую Рождественский начал писать на фронте («Страницы жизни»), размышлений о судьбах литературы. Эти письма могут служить своеобразным комментарием, «записями на полях» не только к творчеству Рождественского, но и к мироощущению людей ленинградской (и не только) культуры в особую историческую эпоху.

Рождественская Татьяна Всеволодовна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Филологического факультета СПбГУ

Рождественская Милена Всеволодовна

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Филологического факультета СПбГУ

Е.Н. Руденко (Минск)

Виленский сборник – текст на границах художественного

В истории белорусской книжности особое место занимают переводные памятники письменности. И уж совсем особняком стоят переводы текстов, которые квалифицируются и как научные, и как развлекательные.

В Национальной библиотеке Республики Беларусь хранится оригинал рукописного сборника (и его pdf-копия), в котором собраны переводные тексты астрологической тематики. Сборник (89x2 = 178 листов, некоторые листы отсутствуют) датируется 60-ми гг. XVI в., он долгое время хранился в библиотеке Супрасльского Благовещенского монастыря, а потом – в Виленской публичной библиотеке, откуда и получил название Виленский список. Среди исследователей, писавших об этом сборнике, следует назвать Л. Л. Щавинскую и Л. И. Станкевич. Л. И. Станкевич дала полное кодикологическое и палеографическое описание сборника, в частности определила составляющие его части. В Виленский сборник вошли тексты разного объема, но главная его часть – «Аристотелевы врата, или Тайная Тайных». Это самый большой текст сборника (60x2 листов), он впоследствии был издан М. Н. Сперанским, который дал его подробное описание (Из истории отреченных книг IV. Аристотелевы врата, или Тайная тайных. СПб., 1908 г.). «Тайная тайных» изначально (в VIII-IX вв.) написана на арабском языке и представляет собой собрание житейских наставлений, включая политику, медицину, физиогномику и алхимию, но оригинальный текст не сохранился. М. Н. Сперанский сравнил западноевропейские переводы «Тайная тайных», в частности латинский «Secretum Secretorum» со славянским и определил язык славянского перевода как «западнорусский». Славянская версия «Аристотелевых врат» делится на восемь книг, которые в свою очередь разделяются на главы, называемые вратами.

Помимо достаточно известных и изданных «Аристотелевых врат» (1), в сборник вошел еще ряд переводных произведений, гораздо меньших по объему и неизученных: 2. “Предословие о поесех небесных. Что ся глут по еврейскому языку небеса. И о седми звездах великих. Иже ся наричаются планеты” – лл. 60 об. – 61 об.; 3. “О седми звездах великих яже ся наричаются планеты, о силе их и о ходу и о домех их” – лл. 61 об. – 66.; 4. “Мудрость великая буди без труда тебе ведомо” – л. 67; 5. “Сказание о седми звездах великих, и которыи ся зодеи которым звездам служат. Суббота” – лл. 67–71; 6. “Сказание о седмих планетах сиречь великих мощных звездах” – лл. 71–73; 7. “Осени 12 звезды, што владеют к 12 частьям человеческим; ес межии ими штос слюбят а ес межии ими что ся гневают” – л. 73–73 об.; 8. “Початок часом в неделю от утра” – лл. 73 об. – 74; 9. “А коли хочешь ведат каждого человека звезду его прочти имя его и имя матери его мечи (так!) 9-ти и прочии” – л. 74–74 об.; 10. “Седмьсят планеты” – л. 74 об.; 11. “Помышляющю о какои любо вещи обрести” [“Лунник”] – лл. 74 об. – 77; текст с гадательно-астрологической таблицей – л. 78; 12. “Пут солнечный” – лл. 78 об. – 79 об.; 13. “Поучение луннику приведено от жидов[с]ких книг” [“Лунник”] – лл. 79 об. – 80 об.; текст с 4-мя гадательно-астрологическими таблицами – л. 81; 14. “Книга от Петра Египтеина, иже научают ся ведати неисходимаго плеча овец, занже проявляет знамение, что им надобет в разум вложити” [“Лопаточник”] – лл. 81 об. – 83 об.; 15. “Луна же прояви бог изральтяном во пустыни пророком Моисеом, соблюдая их от всякого зла” [“Лунник”] – лл. 83 об. – 89 об.; 16. “О знамени бывающих на челавецах” – л. 89 об. (без конца) (список предоставлен Л. И. Станкевич – www.knizhkult.narod.ru/Stankevich.htm).

Очевидно, что тексты такого рода требуют не только собственно лингвистического, но и культурологического, исторического, общефилологического изучения, равно как и знания разных языков.

Руденко Елена Николаевна

профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Филологического факультета
Белорусского государственного университета

Влияние русского языка, возрастных категорий и других факторов на особенности употребления грамматики в устных рассказах на эвенкийском языке 2005-2011 гг. ^[70]

Об эвенкийском языке говорят как о множестве диалектов [1; 2; 3]. С литературным эвенкийским [ЛЯ] языком нельзя идентифицировать остальные наречия/ диалекты. Выделяется два основных наречия – южное [ЮН] и северное [СН]. Как показано в статье [4] на основе анализа текстов и данных грамматик [5; 6; 7], основные характеристики морфосинтаксиса ЛЯ, ЮН и СН общие, если не считать степени влияния русского языка. Наиболее подвержен влиянию русского языка Сымский диалект (ЮН), в котором много синтаксических калек с русского языка. Независимо от наречия или диалекта, у разных рассказчиков влияние русского языка проявляется в разной степени – в частности, в большей степени у молодых рассказчиков.

Нами также рассматривался параметр «время записи рассказа» – в рассказах, записанных раньше (в 2005-2007 гг.) меньше заметно влияние морфосинтаксиса русского языка, чем в рассказах 2009-2010 гг. Важно и место записи рассказа. Так, в более изолированном поселке Эконда, в котором сохранилось больше эвенков, считающих эвенкийский язык своим родным, эвенкийский язык менее подвержен влиянию русского, чем в поселке – административном центре Тура. Другой параметр – сокращение числа используемых грамматических средств. Многие рассказчики, которые знают эвенкийский язык, а в момент записи рассказа в повседневном общении используют в основном русский язык, употребляют ограниченное число морфологических категорий и синтаксических конструкций – например, в их рассказах отсутствуют некоторые времена глагола (PRS ‘настоящее несовершенное’, FUTCNT ‘ближайшее будущее’), многие падежные и послеложные конструкции и т.д. Можно говорить об упрощении разговорного языка.

Хотя считается, что ЮН ближе к литературному языку, зафиксированному в грамматиках [5; 6], даже в записанных в 2007 г. рассказах на ЮН больше отклонений от нормы этих грамматик. Подобные факты подтверждают большую «сохранность» СН по сравнению с ЮН, ср. [8].

Мы также рассматриваем индивидуальные особенности рассказчиков, которые не связаны с влиянием русского языка и упрощением эвенкийского языка. Особенности, связанные с профессией рассказчика: такие профессии, как учитель (Хадончина Надежда, Полигус) или секретарь сельсовета (Турская Минна Дмитриевна, Хантайское озеро), придают речи рассказчика литературный оттенок. Есть особенности, связанные с происхождением рассказчика. У Комбагир Анны из Эконды, самой старшей из рассказчиков (1917 г.р.), родной язык якутский. Она вышла замуж за эвенка и научилась свободно говорить по-эвенкийски. В ее идиолекте есть некоторые нестандартные особенности, например, удвоение разного рода аффиксов в контекстах интенсификации. Удвоение не свойственно эвенкийскому языку; оно может быть вызвано влиянием

якутского языка. В якутском языке удвоение используется для интенсификации (*хара-хара* 'чёрный-пречёрный') и для обозначения повторяющегося действия (*кэлэ-кэлэ* 'приходя несколько раз') – см. [9].

Ссылки:

- [1] Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского /тунгусского/ языка. Л.: Госупедгиз, 1948. 352 с.
- [2] Василевич Г.М. *Эвенкийско-русский словарь*. М.: ГИИИНС, 1958. 802 с.
- [3] Мыреева А.Н. *Эвенкийско-русский словарь*. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.
- [4] Рудницкая Е.Л. Грамматические характеристики устных рассказов 2005-2011 гг. как свидетельство намечающихся тенденций изменения в разговорном эвенкийском языке // СФЖ. 2015. № 2.
- [5] Константинова О.А. *Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология*. М.: Наука, 1964.
- [6] Nedjalkov I. *Evenki*. London, New York: Routledge, 1997.
- [7] Bulatova N., Grenoble, L. *Evenki*. LWM 141. Lincom Europa, 1999.
- [8] Мамонтова Н.А. На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссия вокруг кочевого детского сада // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 70-91.
- [9] Грамматика якутского языка. Электронный ресурс «Грамматика якутского языка/Морфология». 2009. Режим доступа: http://wiki.sakhatyla.ru/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D1%8F%D0%BA%D1%83%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F

Рудницкая Елена Леонидовна

ст. науч. сотр., дфн.

ФГБУН Институт востоковедения РАН, Отдел языков народов Азии и Африки

Ирина Савкина (Тампере, Финляндия)

«Осколки, отражения, извращения, кривое зеркало, непроявленные негативы, балаганчики»: Дневник Софьи Казимировны Островской

Доклад посвящен анализу «Дневника» Софьи Казимировны Островской (1902-1983), текст которого рассматривается как композиция, состоящая из нескольких «дневников», написанных с разными целями и с использованием различных стратегий дневникового письма.

Особое внимание в докладе уделяется записям 1933-1946 гг. На их материале рассматриваются приемы и способы создания дневника-«криптограммы», который создается в условиях табуированного высказывания, и способы конструирования социальной и гендерной идентичности в процессе дневникового письма.

Анализ эго-текста С. Островской позволяет обсудить вопрос о том, как в рамках дневникового самоописания соотносятся модернистский и советский типы субъективности. Текст С.Островской интерпретируется в докладе, как дневник с «умышленным концом», с финалом, который можно назвать финалом трагической неудачи.

Савкина Ирина Леонардовна

доктор философии, лектор отделения русского языка культуры и перевода

Тамперского университета

Н.А.Селунская (Москва)

Штрихи к портрету ведьмы: идентичность и биографические данные в инквизиционном процессе Венеции эпохи Чинквеченто

Записи показаний свидетелей и обвиняемых, составленных в ходе инквизиционных процессов – это классический пример поля исследования, открытого для множества дисциплинарных подходов и стратегий. Прекрасная почва для гуманитарных исследований, однако, не так плодотворно используется, включается в «зону ответственности» специальных дисциплин не полностью и не автоматически, а лишь условно и фрагментарно. Не только правовые формулы и история права и правосознания, но история социума, история церкви, история идей, народной религиозности, традиционных верований и предрассудков, а также вопросы коммуникации и построения нарратива, история повседневности и детали быта, – все это имеет шанс быть раскрытым через казусы расследования знахарства и ворожбы, представленные в нотариальных записях Средневековья и Ренессанса. Мое исследование ведовских процессов в Венеции имеет целью показать психологические портреты и раскрыть биографические подробности участников процессов, изучать историю через «истории».

Так, например, из записей допроса обвиняемой мы узнаем, что 19-летняя Юлия проживала в Венеции в 80-е годы 16 в. и была вовлечена в связь с богатым иноземцем, греком, который сначала жил с юной итальянкой одним домом, а затем, видимо, оставил ее без средств к существованию. Юлия была вынуждена искать приюта в только что созданном благотворительном учреждении. Отчаявшаяся красотка постаралась прибегнуть к любовной магии, дабы вернуть себе благоволение состоятельного покровителя, используя те секреты ворожбы, которые передавали друг другу венецианки. Исповедник не мог сам отпустить те грехи, в которых созналась дева, инквизиторам же, к которым была направлена, Юлия сообщила еще немало любопытных подробностей. По ее собственным словам, еще совсем маленькой она, по наставлениям других женщин, творила заклинания. Эти слова должна была произнести именно невинная девочка, прося Ангела, «ради его святости и ее невинности и девственности» показать, открыть ей правду, а именно: куда девались пропавшие вещи. Далее, согласно показаниям обвиняемой, ряд женщин, как замужних, так и одиноких, проживавших в разных районах Венеции обучали ее магическим формулам и ритуальным практикам. Юную Юлию при том никто не обвинял по всей форме и букве закона, напротив, именно ее слова могли повредить другим горожанам. Бывали иные случаи, когда формальные обвинения выдвигались, и исходили от авторитетных лиц, но обвиняемая не являлась для дачи показаний лично, подавала ходатайства о помиловании и ссылалась на нездоровье, дело тем временем пополнялось свидетельскими показаниями. Так, например, Иоанна, подозреваемая как ведьма, знахарка и прорицательница, занимавшаяся еще и астрологией достаточно долго проживала в Венеции (с 60х гг. 16 в.), меняя дом и район, но не прекращая своей порочной практики. Из разнообразных свидетельских показаний складывается мозаичная, но любопытная биографическая картина, полная занимательных подробностей (есть данные о том, как одевалась ведьма, в чьем сопровождении выходила из дому, какие имела дружеские и любовные связи). Иоанна не была уроженкой Венеции, происходила из Милана, проживала или «гастролировала» в разных центрах Севера Италии. В Венеции немолодая дама имела влиятельных и преданных друзей, более молодых по возрасту и более значительных по социальному статусу, чем она сама по рождению. Свидетельские показания любовника ведьмы, который был значительным лицом и занимал ответственный пост при Совете Десяти Светлейшей Республики более походит на любовное признание, полное восхищения, чем на отчет и допрос.

Селунская Надежда Андреевна

к.и.н., с.н.с. Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН

С.Ю. Семенова (Москва)

Впечатления от ИНИОН РАН, основного места работы автора с 25 мая 1993 г., отразились в его дневнике. Если не считать дневников детства, наиболее активное ведение дневниковых записей пришлось на ранние 1990-е гг. Во второй половине 90-х гг. записи делались реже, но ведение дневника продолжилось; оно завершилось в феврале 2004 г. Дневниковые записи помогли составлению (во 2-й половине 2000-х гг.) семейных хроник, представленных на конференциях «Маргиналии: границы культуры и текста» в 2008 и 2012 гг.

В дневнике отразились события и мысли, связанные с разными сторонами повседневности; с 1993 г. в круг его постоянных тем добавилась тема ИНИОН.

Первые записи об ИНИОНе относятся к весне 93-го, когда автор (не без сомнений) решал вопрос о переходе в этот институт. Зафиксировался момент рассеяния сомнений, показавшегося знаковым: **14.5.1993**. *Вчера...на пути домой, от Академической, библиотека сияла на солнышке...*

В записях, относящихся уже к периоду работы, отразились впечатления о коллегах; особо теплый отклик в душе вызвал В.А. Глинский: **4.6.1993**. *... во мне было успокоение, прямо-таки радость от новой работы, горячая, удивленная благодарность Глинскому, его заботе и отечливости, его душевности...*

Запечатлелись и другие задушевные встречи в ИНИОНе: **24.12.1994**. *И вот ... встреча, которая ... кажется светлой — Василий Тимофеевич [Фирсов], переплетчик. Забавно, но что-то зашевелилось такое книгопечатное, что сидит в моих ... генах, произошло какое-то узнавание. **22.5.1994**. ... вчера маме, которая... ждала нас..., позвонил [В.А.] Шурпаков. Забавно, ... я чувствовала, что она с кем-то говорит про мои дела, и очень сокровенно и душевно... . Оказалось, там какое-то ЧП с машиной.... **25.3. 2001**. Французский мой как-то пыхтит и тархтит немного. ... Конечно, и Ирина Сергеевна [Новоженова], и «Маленький принц» - подарки... в моей судьбе.*

Естественно, в личном дневнике отражены и моменты не столь радужного восприятия людей и человеческих отношений в институте.

В 1993-94 гг., несмотря на сгущающийся хаос вокруг, инфляцию, мизерные зарплаты и т.п., ИНИОН производил впечатление относительно благополучного учреждения. Видимо, тому способствовал консервативный, складывавшийся годами стиль его функционирования, а также устойчивый кадровый состав, люди, давно привыкшие друг к другу. Его архитектурный облик и тогдашнее окружающее пространство навевали покой, он казался незыблемой цитаделью: **15.6.1993**. *... огромное благо..., что я на спокойной Профсоюзной, в чистоте и при бассейне с фонтанами, что пока не очень трудно...; **16.6.1993**. Сегодня – полубездарный день в библиотеке, но когда шла туда — на ступеньках — в Черемушкинской, на солнышке, благодати — опять какой-то отплеск былого...*

Запечатлено восприятие на работе важных исторических моментов. Смятенная реакция коллег на события 4.10.1993, неоднозначное принятие официальной «победы демократии»: **6.10.1993**. *Все-таки интеллигенция, а тут — из пушек да по мальчишкам с винтовками...*

Упомянуты события, связанные с самим ИНИОном, в том числе возгорание в 1997 г., по счастью, обошедшее без особых последствий: **22.10.1997**. *В ИНИОне тут был пожар – как раз на Покров...*

В записях 2-й половины 1990-х и рубежа веков скупое, с затуманенными эмоциями, засвидетельствованы моменты ухода в вечность сотрудников ИНИОН: М.П. Данилова (1996), Н.С. Плоткиной (1999), В.Р. Хисамутдинова (1999), С.К. Виленской (2000), А.Н. Орлова (2001), Л.А. Крымовой (2001), В.А. Глинского (2001). **14.10.2001**. *Столько сложных событий...5 октября умер Глинский. До этого – 4 дня в больнице, и вроде бы, не очень тревожные дни, и вдруг....*

В синхронном описании и в последующих воспоминаниях внимание акцентируется подчас на разных ситуациях. В дневнике немало сиюминутных подробностей, передающих, правда, фактуру повседневности; воспоминания годы спустя выхватывают, прежде всего, крупные события.

Представляется, что эти записи, синхронно отражающие индивидуальное восприятие ИНИОНа, в некоторой мере дополняют его общий портрет. А прорисовка такого портрета — силами связанных с ним людей — обретает особую значимость в свете последующей драматической судьбы этого академического института.

Семенова Софья Юльевна

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник ИНИОН РАН, доцент РГГУ

Е.Г.Серебрякова (Воронеж)

Эффект «семантической неполноты» в литературно-публицистическом наследии диссидентов

Во второй половине 1960-х годов граница между официальной и контркультурой значительно укрепилась: если в начале десятилетия автор мог существовать в пространстве «двух культур» (В. Аксенов, А. Солженицын и др.), то теперь из легальной среды в сам- и тамиздат попасть было можно, но проникнуть назад фактически нельзя. Изоляция контркультурных художественных и публицистических текстов сопровождалась плотной коммуникацией авторов внутри нонконформистского сообщества. Действительно, одни и те же лица встречались у дверей в залы

судов над инакомыслящими, участвовали в «подписных компаниях» и являлись создателями и читателями сам- и тамиздата. Понимая друг друга с полуслова, адресуя тексты единомышленникам, не хуже их знакомым с описанными политическими реалиями, диссиденты не нуждались в детальной проработке сюжетов и образов. Однако несведущему читателю для адекватного восприятия зачастую требовалось восполнить семантику текста за счет внелитературного контекста. Этот эффект мы назвали «семантической неполнотой» и рассмотрим его на примере очерка Н. Горбаневской «Бесплатная медицинская помощь» (1968 г.).

Фабулу составляет борьба рассказчицы, помещенной в отделение патологии роддома с угрожающим для беременности диагнозом, за право выписаться из больницы вопреки воле врачей. Ситуация изначально получает диссидентский дискурс: речь идёт о нарушении прав человека, в частности свободного волеизъявления. Причины крайней нервозности героини и ее яростного противостояния врачам упомянуты в тексте: несколькими месяцами ранее она и Есенин-Вольпин указали свои адреса и фамилии под письмом в защиту осужденных Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой. Горбаневская и Вольпин имеют давний диагноз «шизофрения», он помещен в психбольницу, она ждет той же участи и воспринимает удержание себя в роддоме как подтверждение ее неотвратимости. И действительно, она направлена в психбольницу на консультацию. Это событие однозначно оценено рассказчицей как карательная акция. Благополучная развязка – недоумение психиатров по поводу госпитализации здорового человека и долгожданная выписка из больницы – не убеждают героиню в отсутствии «руки КГБ». Очерк завершается ее декларацией неизменности диссидентской гражданской позиции, не поколебленной пережитым испытанием.

Данная трактовка событий может показаться стороннему читателю неадекватной. Однако для объективной оценки происходящего необходимо вписать данный эпизод в социальный контекст. П. Литвинов в книге «Процесс четырех», посвященной судебному процессу над Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой, приводит не только то самое письмо, но и упоминает о карательных мерах в адрес «подписантов»: из 700 защитников больше 130 человек были подвергнуты различным репрессивным акциям. Принудительное лечение в спецпсихбольницах было одной из них. В свете этого знания опасения Горбаневской выглядят вполне обоснованными.

Как видим, семантика очерка получает полную оценку лишь с учетом социального контекста и семантики других диссидентских текстов.

Серебрякова Елена Геннадьевна

к. филол. наук, доц. каф. культурологии

Воронежского государственного университета

**Два визита в Великобританию: дистанция в двадцать лет
(записка А.Н. Муравьева и отчет протоиерея Иосифа Васильева)***

Два документа, о которых пойдет речь, были написаны с разницей в двадцать лет. «Письмо об Англии», адресованное митрополиту Московскому Филарету и принадлежащее перу известного духовного писателя, историка, церковного деятеля, эпитропа Восточных Православных Патриархатов Андрея Николаевича Муравьева, повествует о пребывании последнего в Англии в июне 1845 г. Отчет настоятеля посольской церкви в Париже протоиерея Иосифа Васильева о переговорах с англиканским духовенством и богословами был представлен императрице Марии Александровне в феврале 1865 г. Названные документы охватывают один из ключевых этапов становления англикано-православных отношений XIX в.

Проблематика, поднятая авторами, одна и та же — в письме Муравьева и отчете о. Иосифа обсуждается вопрос о возможности воссоединения Англиканской и Православной Церквей (интеркоммуниона), поднятый в начале 40-х гг. XIX в. представителями Англиканской Церкви (кстати сказать, не Английской, а Американской). Сам факт существования этих документов свидетельствует о пристальном внимании в высших светских и церковных кругах к начавшемуся в церковной Англии движению к межконфессиональному сближению, которое приходится на пик британской колониальной политики — Опиумные войны в Китае (1842-1860) и обострение Восточного вопроса, Крымская война (1853-1856 гг.) и восстания в Сирии и на Балканах (1860-е гг.). Необходимость укрепления британского присутствия на Ближнем Востоке, конкуренция с католиками, внутренние нестроения в Английской Церкви инициировали обсуждение возможности союза с Греко-Российской Православной Церковью.

Несмотря на различие стилей и подходов, перед нами блестящие очерки церковной жизни Великобритании в ее главных богословских центрах — Кембридже, Оксфорде и Лондоне. Упоминание авторами одних и тех же лиц (Гладстона, Пальмера из Магдалин-Колледжа, Ньюмана, д-ра Пьюзи) позволяет проследить динамику в отношении к обсуждаемому вопросу. Обе записки, написанные ярко и живо, отличаются содержательными характеристиками видных церковных деятелей, колоритными зарисовками из жизни английской церковной элиты, размышлениями о будущем православия в Англии.

Если Муравьев в общих чертах, на фоне современной ему картины британского общества, приводит историю Епископальных Церквей Англии и Шотландии, мотивы возникновения и обобщенный характер пьюзитского движения, то в аналитическом отчете о. Иосифа Васильева содержится обзор состояния Английской Церкви, оценка реальных позиций англиканского духовенства в отношении интеркоммуниона, конкретные практические рекомендации, рассчитанные на эффективное проведение переговоров. Несмотря на критическое мнение парижского протоиерея о предполагаемом союзе, его прогноз вероятности межконфессионального сближения в сер. 60-х гг. XIX в. достаточно оптимистичен, и одно из важнейших условий для этого, по словам о. Иосифа, — соблюдение православными своего долга «просвещать ищущих света истины».

Смирнова Ирина Юрьевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Института российской истории РАН

Е.М.Сморгунова (Москва)

Книги Симеона Полоцкого в Славянской Библиотеке Медона:

(«Венец веры». Конец XVII в. Скоропись конца XVII в. разных почерков.

«История о Варлааме и Иоасафе» Иоанн Дамаскин. Издатель Симеон Полоцкий. Москва, Верхняя Типография. IX.1680 г. Гравюры Симона Ушакова.

«Обед душевный». Москва, Верхняя типография, 1681 г. Рисунок Симона Ушакова, гравер Афанасий Трухменский.

«Вечеря душевная». Москва, Верхняя Типография. 1683 г. Гравюра Симона Ушакова).

Описание и история книг в Славянской Библиотеке.

Сморгунова Елена Михайловна

канд. филол. наук, профессор, Колледж «Наследие»

М.Г.Соломатина (Москва)

Боги и святые, праведники и грешники (Народное православие в лексико-семантическом аспекте. По материалам архангельских говоров)

Тематическая группа «Люди», или «Человек», выделяется практически всеми идеографическими словарями русского языка, однако классификации, представленные в них, не учитывают именование людей по признаку вероисповедания. Поэтому для тематической группы «Люди» можно выделить еще один классифицирующий признак - человек «по отношению к вере, религии». По данному признаку выделяются следующие категории людей: **святые, клирики и миряне**. Среди **мирян** целесообразно выделить подгруппу **праведники ~ грешники**.

Говоря об именовании **святых**, в первую очередь следует выделить многозначную лексему *Бог*, которая в некоторых контекстах выступает в значении «святые».

Таким образом, происходит расширение одного из прямых значений лексемы *Бог*:

Вот тут стоит плакат какой-то, на нём нарисован **бох** какой-то, он заслужил, перенёс много пыток (об иконе Николая Чудотворца).

Клирики, то есть священники и монахи, - категория, представленная лексемами *бог*, *боженька* в значении «священнослужитель, монах»:

Все **боженьки** умерли, к кому молиться ходили, церковь не работает-то.

Мы так называем **боженьки**, как попы они служат. **Боженьки**, или попики, как хочешь называй.

Смысловую оппозицию клирикам составляют **миряне**, то есть «рядовые члены христианской церкви, не облаченные духовным саном, составляющие основную массу верующих». Лексика, называющая мирян, в основном представлена субстантивированными существительными типа *христовой*, *православной*, *крещёной*:

Все **крещёны** недовольны на него. Вот линуло, **крещёных** прогонило с сенокосу - и всё. Хотя я бы одна пострадала, да **православны** не пострадали.

Центральную часть тематической группы **миряне** образует смысловая оппозиция **верующие** ~ **неверующие**. Для характеристики *праведных*, *верующих* людей используются такие лексемы, как *боженой*, *божественной*, *набожной*, *боговерующий*, *богомолливой*, *богобоязной* и нек. др:

Божена бабушка была, всё время молилась. Она молока не пьют, она **божественски**. Здесьняя женщина, она **божественная**, видно, она взялась эту церковь восстановить. Надо идти-то к Тоне и Любе - это они **набожные**, все книжки-то божественные читали. Меня мать, грит, отмолила - мать-то **богомоллива** была. Старушки **боговерующие** были, но они не распространялись. А у нас мама така **богобоязна**, жалела старух.

Смысловую оппозицию данной группе лексем составляет прилагательное *безбожной* и образованное от него существительное *безбожник*, а также существительное *антихрист*:

Неправедный вовсе - дак **безбожником** звали. А остальные все дак всё равно в Бога верили. Теперь народ стал **безбожник**. Сама-то я **безбожная**. Раньше были **антихристы**, кто в Бога-то не верит.

В языке отражаются изменения, произошедшие в сознании людей после распада СССР, когда вчерашние коммунисты, атеисты и преследователи веры стали религиозными людьми, занялись строительством храмов и созданием православных общин:

Всё, знаешь, коммунисты были, а теперь **божественные** такие стали. Она ране ницему не верила, никаким богам, а теперь стала такая **набожная**. Коммунисты опеть обвернулись обратно, раньше-то были партийны, а сейчас **богомолы**.

Представленный материал впоследствии войдет в словарь «Народное православие». При составлении словаря исследуются различные тематические группы, так или иначе связанные в народном сознании с понятием Бога, что помогает проследить религиозную ментальность носителей диалекта, отраженную в языке. Получать названия, связанные с именем Бога, могут не только люди, но и объекты предметного мира, животные, растения, географические объекты; имя Бога включается также в абстрактные понятия (наименования праздников), входит в сакральные тексты (молитвы, заговоры).

Соломатина Мария Георгиевна

очная аспирантура филологического факультета МГУ

(кафедра русского языка, научный руководитель - Качинская Ирина Борисовна)

А. Г. Степанов (Тверь – Ланьчжоу (Китай))

Об одной маргинальной форме в русской поэзии (семантика «мнимой прозы»)

Посвятив свои многолетние изыскания проблеме соотношения стиха и прозы в русской литературе, Ю. Б. Орлицкий располагает на крайней точке оси приближения прозы к стиху так называемую малую метрическую прозу:

Какъ много женщинъ ты ласкалъ и
сколькимъ ты былъ близокъ, милый.
Но несъ тебя девятыи валъ ко мнѣ съ
неудержимой силой.
<...>

Так выглядит произведение М. М. Шкапской в оригинальном издании. Читатель слышит силлабо-тонический метр (4-ст. ямб), чередование мужских и женских рифм (аБаБ), повторяемость строфических единиц. Но то, что он видит, озадачивает. Первое желание – переписать текст «правильно».

Не случайно М. Л. Гаспаров предложил называть такие тексты «мнимой прозой». В них есть метр, чередование клаузул, рифма, строфическая регулярность, но записаны они в строчку. Отказ от выраженной в графике двойной сегментации затрудняет восприятие стиховой структуры. Увидев ряды слов, расположенные по ширине типографской полосы, мы настраиваемся на чтение прозы и не сразу улавливаем регулярность в смене ударных и безударных слогов, ритмичность звуковых повторов. Звучание текста не соответствует его облику. Отсюда вопрос: зачем автору понадобилось записывать прозой то, что в действительности является стихом?

Интересные опыты с «мнимой прозой» принадлежат И. Г. Эренбургу. На фоне традиционной поэзии стихи, растянутые по ширине страницы, смотрелись достаточно авангардно. Их новаторское звучание достигалось не только акцентной доминантой в первом примере и расшатыванием силлабо-тоники – во втором, использованием неточной рифмы, но, что особенно важно, появлением будничной, непоэтической интонации. Ее драматизм проступал сквозь лирическую повествовательность типографской прозы.

Между тем для некоторых стихов подобные преобразования – процедура рискованная: «слишком пафосный или бессодержательный текст, переписанный таким образом, немедленно делается смешон; текст с недостаточно четкой кристаллической структурой просто превратится в прозу, но в лучших образцах между стихом и прозой высекается искра» (Д. Быков).

К таким образцам принадлежат произведения М. М. Шкапской 1920-х гг., созданные без влияния И. Г. Эренбурга:

Петербурженкѣ и сѣверянке, любѣ
мнѣ вѣтеръ съ гривой сѣдой, тотъ,
что узкое горло Фонтанки заливаеѣт
невской водой.
Знаю – будуще любить мои дѣти
невскій сѣдобородый валь, оттого что
быль западный вѣтеръ, когда ты ме-
ня цѣловаль.

Оригинальные книги Шкапской – малоформатные. Ширина печатной полосы в них уже, чем в современных изданиях. Это придает тексту визуальную выразительность: набранный другим «столбиком», он напоминает о «правильной» строфичности и в то же время разрушает ее. Такая типографская аномалия – знак культурной неангажированности автора. Не желая писать «как все», она разрабатывает собственную стратегию, сочетающую наивное письмо с экспрессивностью графического жеста.

Особое место «мнимая проза» занимает в творчестве Д. Л. Быкова. Помимо установки на занимательность, причинами актуализации этой формы у Быкова могут быть:

1. *Имитация бытового письма.* Традиционно письмо заполняет всё пространство листа, не складываясь в короткие речевые отрезки. Ритмическая форма стихотворных посланий – такая же условность, как сама стихотворная речь. Ее изначальная функция – идентифицировать текст как факт искусства, отделив его от того, что искусством не является. «Письма счастья» – это стихи с измененной графической формой. Их запись в строку позволяет имитировать бытовое письмо, отграничивая эту группу текстов от других произведений автора.

2. *Усложнение восприятия.* Регулярные стихи, записанные прозой, прочитываются труднее, чем их традиционный аналог. Будучи набранным в строку стихотворный текст лишается графических сигналов ритма. Читателю приходится самому отыскивать границы стиховых отрезков, активизируя слух и концентрируя внимание.
3. *Дифференциация читателей.* Замена стихотворной графики на прозаическую позволяет отделить «своих» реципиентов от «чужих». Профанного читателя «письма счастья» вряд ли привлекут. Необходимость самому находить границы строк будет препятствием для погружения в текст. Между тем у читателя искушенного восстановление стихового членения может вызвать интерес, напомнив о школьных упражнениях по развитию поэтического слуха.
4. *Идеологическая деконструкция.* Закрепляясь за жанром политического фельетона, прозаическая форма приобретает идеологические коннотации. Она снимает патетику с дискурса современной российской власти, показывая его как имперский по преимуществу.

Степанов Александр Геннадьевич

к. филол. н., доцент кафедры теории литературы

Тверского государственного университета

преподаватель русского языка и литературы Института иностранных языков

Ланьчжоуского университета (Китай)

Е.В. Степанян-Румянцева (Москва)

О маргинальных комментариях к роману «Идиот»

1. Известно, что художественная аура (эманация произведения искусства) создается, в частности, множественными трактовками произведения. Думается, что и самые профанные трактовки не должны быть исключены из нашего рассмотрения. Поэтому предметом доклада стали интернет-комментарии к роману «Идиот», создающие совершенно особый «атмосферный кокон» вокруг этой вещи.

2. Самые элементарные из «любительских» (читательских) комментариев бывают сопоставимы (по своей общей направленности, разумеется) с известными исследовательскими трактовками (часто – при очевидном отсутствии знакомства интернет-комментаторов с литературоведением). В них бывают угаданы, хоть и косно обозначены рядовыми пользователями, направления исследовательских поисков. Здесь встретятся, конечно, совершенно анекдотичные ошибки типа «Мишкин, Раздорин», бесчисленные стилевые и орфографические нелепости... Но мы и так по разным поводам много говорили в последние десятилетия о смехотворно невежественных отзывах на классику. Не пора ли попробовать выявить то, что «зорко угадано» (при вопиющем, бывает, невежестве) в тексте романа рядовыми читателями Достоевского?

3. Вот как выглядит один из наиболее распространенных в широкой читающей публике подходов к Достоевскому вообще и к роману «Идиот» в частности: «Иногда мне аж жалко, что у Доста был такой грандиозный талант». Эмоциональный накал, чувство личного контакта характерны как для положительных, так и для отрицательных оценок романа. Тут нет ничего удивительного. Удивительно другое: бывает, что в самых топорно сформулированных интернет-мнениях встречаются в «зашифрованном» виде указания на интуитивно воспринятую читателем проблему, разработанную или только затронутую в академической достоевистике.

4. Среди таких проблем обнаруживаем, напр., следующие:

- А. отношение к литературному герою как к ближнему;
- Б. оценка князя Мышкина как псевдохриста, ложного спасителя, или, наоборот, как «князя-Христа»;
- В. проблема вариативности, неожиданности поведения персонажа;
- Г. проблема сюжетной перегруженности текста «Идиота»;
- Д. проблема значимости предметной детали, аксессуарного ряда;
- Е. проблема всеприсутствия автора.

5. Таким образом, «народный комментарий» к роману Достоевского показывает, как могут соотноситься и взаимодействовать центр и периферия – в данном случае, профессиональное литературоведение и профанное, импульсивное интернет-комментирование. Закончить хотелось бы призывом одного из комментаторов, особенно обнадеживающим сегодня, в такое алитературное время, как наше: «И не бойтесь Достоевского! Не бойтесь!»

Степанян-Румянцева Елена Владимировна

к.ф.н., профессор Государственной академии славянской культуры

редактор журнала "Русское искусство"

Неангажированность как маргинальность: Случай И. С. Беллюстина^[71]

И. С. Беллюстин (1819—1890) — известный публицист из духовной среды, автор многих работ по церковно-общественным вопросам. Общее направление его религиозно-церковных сочинений о. Г. Фроловский назвал «протестантизмом восточного обряда». Но главное: Беллюстин был искренним и неангажированным писателем, поэтому его мнения постоянно вступали в конфликт либо с официальной догмой, либо с общественным мнением, либо с каким-либо определенным направлением общественной мысли. Мы приведем в качестве примера соотношение идеологических позиций Беллюстина и М. Е. Салтыкова.

В 1862 г. в корреспонденции «Из Петербурга», опубликованной в газете «Современная летопись» (№ 23), он писал о петербургских пожарах: «На кого указывает народ как на главную причину своих бедствий? Горько и тяжело, а нельзя скрыть — на учащуюся и ученую молодежь <... > Ради чести науки, ради стольких надежд, которые возлагались было на молодое поколение, не хотелось бы верить подозрениям народа. Но что, если и тут есть своя доля правды? Что, если и в самом деле эта молодежь, увлеченная погибельными возгласами проповедников анархии и всеобщего погрома, посредственно или непосредственно принимает в этом участие? — О, какую страшную судьбу готовит она себе!»

Беллюстин не очень верит в то, чтобы петербургское студенчество было замешано в историю с пожарами, и только гипотетически допускает это. Но само это допущение, сделанное из самых невинных соображений, приобретало летом 1862 г. характер политического доноса. Поэтому не случайно в статье «Несколько серьезных слов по случаю новейших событий в С.-Петербурге» М. Е. Салтыков крайне негативно отозвался о невинном предположении Беллюстина: «...какие в прошлом году изрекал „Русский вестник“ предики <проповеди, нравоучения> мальчишкам устами г. Беллюстина» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 5. С. 347).

С другой стороны, в книге «Пошехонская старина» Салтыков-Щедрин рассказывает о помещике-«проказнике» Урванцове, который назвал своих сыновей-близнецов Захарами и разделил между ними имение так, что раздел этот превратил братьев в смертельных врагов, а их поместье в застенки для крепостных людей. Это подлинная история семьи ближайшего соседа Салтыковых, майора Василия Яковлевича Баранова, который назвал своих сыновей-близнецов Яковами, и они оба были помещиками-извергами. О Якове Баранове 2-м Беллюстин писал: «Он был весел и доволен, когда слышал стоны истязаемых им, самое высокое наслаждение его было вымучивать и долго и томительно жизнь крестьян своих. Распутство его не знало ни меры, ни пределов». В 1846 г. Баранов был убит на конюшне своими конюхами и поваром. Об этом случае Е. В. Салтыков писал своим сыновьям Дмитрию и Михаилу 9 декабря 1846 г.: «У нас в соседстве совершились неприятности. Баранова, меньшова брата, убили свои люди...» (ИРЛИ. Ф. 366. Оп. 9, 126).

Как видим, в одних случаях Салтыков и Беллюстин оказываются по разные стороны идеологических баррикад, в других случаях они крайне близки. Делать на основании этих совпадений или противоречий определенные выводы крайне затруднительно. Обер-прокурор Священного синода А. П. Толстой назвал Беллюстина «духовным Щедриным», и эту характеристику нельзя не признать очень точной и меткой. Но в политической полемике очень часто бывает, что «своя своих не познаша». Точно так в свое время «Современник» не признавал и Салтыкова-Щедрина.

Неангажированность в таких случаях делает носителя данной позиции личностью маргинальной.

Строганов Михаил Викторович
докт. филол. н., проф. (Тверь)

Е.Н. Строганова (Тверь)

«Параллельные» тексты М. Е. Салтыкова

(к вопросу о специфике писательского эпистолярия)

Уникальный юмористический талант М. Е. Салтыкова воплотился не только в его широко известных сатирических произведениях, но и в эпистолярных текстах, обращенных к друзьям (А. М. Унковскому, А. Л. Боровиковскому, Н. А. Белоголовому и др.). Такие письма, содержавшие шуточные истории, не предназначались для печати и становились формой бесцензурной публикации. Они отличаются нетабуированностью, языковой раскованностью, свободным использованием некодифицированной лексики, «раблезианским» юмором. Действующими лицами вставных рассказов были как симпатичные Салтыкову люди, так и те, к которым он испытывал явную антипатию. За каждым закреплялись определенные признаки: в А. Н. Островском подчеркивалось «благообразие», в И. С. Тургеневе – «благовоспитанность», доминантой рассказа о К. П. Победоносцеве являлись противоестественные сексуальные наклонности и т. д. Такого рода истории сам писатель называл «анекдотами».

Анекдоты Салтыков создавал в 1875–1885 гг., в основном в те периоды, когда отсутствовала возможность непосредственного общения с близкими людьми. Датировка писем

показывает, что эпистолярные произведения появляются именно в те периоды, когда Салтыков не писал для печати. Например, в апреле 1884 г. были закрыты «Отечественные записки» и Салтыков прекращает общение с публикой. Но именно в это время он отправляет несколько писем Боровиковскому, содержащих каскад анекдотов. Таким образом, эпистолярные произведения возникали как своего рода «параллельная», бесцензурная литература, в которой реализовалось стремление Салтыкова писать в своей любимой юмористической манере. При этом он предполагал, что его эпистолярный текст будет прочитан не только адресатом, но станет известен более широкому кругу лиц, и стимулировал подобное тиражирование в среде своих близких знакомых.

Значительная часть эпистолярия Салтыкова, к сожалению, утрачена, в частности сохранилось ничтожное количество его писем к Унковскому (остальные же – более сорока – были уничтожены). В дошедших до нас письмах содержится в общей сложности двадцать девять «анекдотов».

Строганова Евгения Нахимовна

докт. филол. н., проф. (Тверь)

И.З. Сурат (Москва)

Слово «любить». Об одном варианте у Мандельштама

1. Тема исследования более чем маргинальна – речь пойдет об отброшенном варианте одного стиха в одном стихотворении Мандельштама. В первых четырех публикациях стихотворения «Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (1920) 2-й стих 2-го катрена читался: «Легче камень поднять, чем вымолвить слово “любить”». Стих был расценен как неправильный, нелепый; как писал позже Николай Оцуп, «неопределенное наклонение вместо изъявительного» производило “комический эффект”^[72], «Гумилев говорил, что это по-негритянски»^[73], Георгий Иванов написал на него пародию; комические эпизоды, связанные с ним, зафиксированы в воспоминаниях И.Одоевцевой и П. Лукницкого. Мандельштам, однако, отстаивал этот стих как пример «русской латыни».

2. Под «русской латынью» в этом случае Мандельштам имел в виду нехарактерное для русского языка, но совершенно естественное для языка латинского употребление инфинитива вместо имени, со значением имени. В поэтике Мандельштама это не случайный пример. «К латыни <...> Мандельштам расположен был всегда, и порой в его “бормотания” она вклинивается

с огромной силой (например, “Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить” - удивительная, действительно “тацитовская” строчка, где самое звуковое насилие над первым “чтобы”, втиснутым в размер, как слово ямбическое, увеличивает выразительность стиха, подчеркивает соответствие ритма смыслу: рабов заставляют молчать, рабы угрожают восстанием... Вот мастерство поэта, в данном случае, может быть, и безотчетное, как часто бывает у мастеров подлинных!)» - писал Георгий Адамович^[74].

3. Грамматический сдвиг – один из инструментов, каким Мандельштам разнообразно пользовался в стихах разных лет. Яркий пример: «Я рожден в ночь с второго на третье / Января в девяносто одном / Ненадежном году...» – в этом случае неправильная форма числительного работает на смысл, совмещая точность названной даты – даты рождения самого поэта – с неопределенностью поэтического обобщения: «в одном ненадежном году». Здесь налицо явное нарушение грамматики, в нашем же случае «русской латыни» нарушено лишь ожидание – инфинитивом, непривычным грамматическим смещением означено не конкретное действие, а обезличенное, онтологическое понятие любви вообще.

4. При этом «неправильный» стих несет в себе различные отголоски русской поэзии, отсылает к стихотворениям А.Дельвига («Когда, душа, просилась ты...», 1822) и К.Бальмонта («Гимн огню», 1901). В последующих публикациях этот вариант был заменен по совету Гумилева на другой: «Легче камень поднять, чем имя твое повторить», отсылающий, в свою очередь, к ст. И.Анненского «Среди миров, в мерцании светил...» (1909).

5. Связанность художественного мира Мандельштама такова, что через один элемент текста просматривается поэтическое целое. Отброшенный вариант позволяет прочитать стихотворение «Сестры тяжесть и нежность...» как поэтическую онтологию смерти.

6. Во второй редакции, закрепленной в публикациях после гибели Н.Гумилева, стихотворение получает новые оттенки смысла, связанные с этим событием.

Сурат Ирина Захаровна

доктор филологических наук, старший научный сотрудник

Института мировой литературы РАН

О.В. Трефилова (Москва)

Черты юго-западных болгарских говоров в надписях на фресках периода Болгарского возрождения

Подавляющее большинство памятников церковной архитектуры в Болгарии связано с периодом Болгарского возрождения (конец XVIII — XIX в.). Во многих храмах, построенных ранее этого времени, в период национального возрождения настенные росписи поновлялись, что в отсутствие реставрационного сознания одобрялось, особенно простым народом. Некоторые храмы были отстроены и расписаны заново на месте разобранных старых (например, собор Рождества Богородицы Рыльского монастыря). Расцвет декорирования храмов приходится на XIX в. и во многом связан с именами самоковских художников и резчиков по дереву (знаменитая Самоковская художественная школа, подробнее см. [Рошковска 1990; Генова 2004]), которые выполняют заказы во всех регионах Болгарии. Художники или другие представители художественной артели в этот период делают пространственные надписи дидактической направленности на фресках, поясняя значение того или иного сюжета. Не все храмы расписывались только признанными живописцами, часть росписей представляет собой творчество художников-дилетантов и выполнена по заказу многочисленных ктиторов из народа, имена которых указаны непосредственно на фресках (такова, например, церковь св. Николая Мирликийского в одноименном монастыре на горе Витоша над с. Кладница около Софии). Следует отметить, что большая часть росписей XIX в. надежно атрибутируется тем или иным болгарским живописцам (в том числе благодаря тому, что художники подписывались под своими работами).

Язык надписей — как правило, гибридный церковнославянско-болгарский, часто болгарские грамматические конструкции преобладают над церковнославянскими. Среди них: неверное употребление падежей или их отсутствие (или использование в косвенных падежах так называемой агломеративной формы, отличной от именительного падежа); регулярное употребление существительных с членной формой (постпозитивным артиклем *-ът, -та, -то, -те*); постановка глагольной клитики *se* (южнославянская огласовка ц.-слав. *sA*) перед глаголом в неабсолютном начале предложения в соответствии с законом Ваккернагеля; акцентуационные особенности и др., например: *mQt ѿ rstvo ZI na ko to se istAzMĭvatx blMdniĭcQte l}bodyĭiĭcQte i koiĭto mQĭslAtx na o uĭnmaĭ si gryĖhove blMĭdnQ* [мытарство 16-е, на котором истязаются блудницы, любодеи и те, кто помышляет о грехах блудных] (внешняя галерея церкви Рождества Богородицы Рыльского монастыря, западная стена). Встречаются и лексические болгаризмы, и характерные для разговорного болгарского языка заимствования из турецкого и греческого языков: *vodeni*; *ѿ rx* {о *krad* [ворующий мельник] (там же); *dxr/ ѿ tx vx serdc ѿ ta si zl ba [gar sx]* [75] *na bliĭ/nJa si...* [держат в своих сердцах зло на своего ближнего] (там же, южная стена); *d ѿ vatx parQĭte* [76] *si na liĭhva [faiĭd ѿ]* [77]... [дают деньги в рост] (там же); *mehaned/JA* [78] {о *dava eksiĭkx* [79] [обвешивающий (посетителей) трактирщик] (там же) и др.

Помимо фонетических, [80] грамматических и лексических болгаризмов, которые характеризуют весь болгарский этнический ареал, в церковнославянских надписях встречаются и диалектизмы (также и грамматические, и лексические). В основном это маркеры

западноболгарских говоров (подробнее о них см. [Стойков 2002: 148–150]), носителями которых являлись художники, а именно:

— е на месте у: п koiŸ ‘какой-то’, br stx зд. ‘дуб’, sredŸta ‘середина’, п ma[e ‘не было’ и др.;

— постпозитивный артикль м. р. ед. ч. -о: kresto na kamiko [крест на скале] = болг. литер. *кръстът на (върху) скалата* (*камик* в значении ‘скала’ также является диалектизмом; ареал лексемы *камик* см. в [БДА ОТ: 500, карта Л 106]) (подворье Орлица Рыльского монастыря, нартекс); hs! iscelAva slepJo [Христос исцеляет слепого] = литер. болг. *Христос изцелява слепия* (церковь монастыря св. Николая над с. Кладница, северная стена), starJo izgledx [прежний вид] = литер. болг. *старият изглед* (Белёва церковь в г. Самоков, западная стена), и мн. др.;

— относительное местоимение {о: terzJA {o krade [ворующий портной] (внешняя галерея церкви Рождества Богородицы Рыльского монастыря, южная стена);

— предлоги vo, sosx (болг. в, във, със): hristosx sA razgova sosx samarAnkata [Христос разговаривает с самарянкой] (церковь монастыря св. Николая над с. Кладница, северная стена);

— окончание личных имен м.р. -А: ge rgJA, s rgJA, dimiŸtrJA, onMŸfrJA и др. (церковь монастыря св. Николая над с. Кладница); аналоги этих форм встречаются и в списках заказчиков на тех же росписях, а также в современных росписях (например, в часовне в парке «Рила» в г. Дупница, построена и расписана ок. 2010 г.);

— лексические диалектизмы: vra/aliŸca^[81] ‘гадалка, знахарка’, mag snica^[82] ‘ведьма, ведунья’, br sto ‘дуб’,^[83] gar s ‘злоба’ (см. примеч. 1) и др.

Литература

БДА ОТ — Български диалектен атлас. Обобщаващ том. 1–3: Фонетика. Акцентология. Лексика / Българ. академия на науките, Ин-т за българ. език. София, 2001.

БЕР — Български етимологичен речник / Българ. академия на науките, Ин-т за българ. език. Т. 1–. София, 1971–.

Генова 2004 — Генова Е. Църковни приложни изкуства от XV–XIX век в България. София, 2004.

Плотникова 2004 — Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Рошковска 1990 — Рошковска А. Самоковска художествена школа. Самоков, 1990

Стойков 2002 — Стойков Ст. Българска диалектология. София, 2002.

О.В. Тюренкова (Москва)

Пустозерск: право на историческое имя (или как одна словарная ошибка может переименовать город)

Пустозерск — первый русский город в Арктике, поставленный на краю русской ойкумены в предпоследний год XV века. Опорный пункт России в продвижении на арктические острова, за Урал и в Сибирь. Место пятнадцатилетней ссылки и казни протопopa Аввакума и его соратников. Здесь Аввакум написал знаменитое «Житие». Административный, экономический, культурный центр Печорского края.

Существует Пустозерск как феномен русской истории и культуры, существует и ойконим «Пустозерск», неразрывно с ним связанный (бытует с XVIIв., как и этнохороним «пустозерец (пустозерцы)»). Куст однокоренных слов вошёл в русский литературный язык, в научную, художественную, эсхатологическую литературу.

Местная норма произношения «Пустозёрск» впервые была зафиксирована А.О. Подвысоцким в «Словаре областного архангельского наречия» (1885) и с тех пор не изменилась^[84]. Собиратель, изъездивший всю Архангельскую губернию, отмечает: «Пустозер (мн.ч. **пустозерá**) — житель с. Пустозерск (прежнее место ссылки — Пустозерский острог)» [143], что **однозначно** указывает на **екающее произношение**. Как известно, в русском языке при написании и произношении ойконимов приоритетной является местная норма: слово Пустозерск изменяется с сохранением «е» в корне, что является грамматически верным.

Казалось бы, почему надо отстаивать имя первого заполярного города? «Пустозерск» — исторически сложившееся и официально закреплённое написание^[85], соответствующее современной языковой норме (БЭС (М., 2014) ст. «Пустозерск»). Тем не менее, некоторые словари, копируя друг друга, предлагают написание с «ё»^[86]; под влиянием модной ныне ёфикации оно вирусно распространяется в Сети.

Источниковедческий анализ словарных статей в этих изданиях показал, что все они восходят к ст. «Пустозёрск, с. (МЕЗЕНСКИЙ р-н)» [17] в «Словаре названий жителей РСФСР» под ред. А.М. Бабкина (М., 1964). Издание (первое такого рода в России) подготовлено АН СССР и должно быть максимально точным. Тем не менее, словарь обладает рядом серьёзных недостатков: отсутствует единая орфография (в основном корпусе принято «ё», в индексе те же

слова пишутся с «е»); при использовании одной и той же иллюстрации для разных статей выборочно допускается двойное написание поясняемых слов (с «е» и «ё»); есть ошибки в локализации. Всё это заставляет усомниться в достоверности сообщаемых сведений. Так, в ст. «Пустозёрск»:

-безосновательна замена «е» на «ё» в поясняемых словах: цитаты воспроизводятся с сохранением оригинальной орфографии (самая ранняя сер. XVII в., самая поздняя 1924 г.), ни в одной из них *не употребляется «ё»* (и не следует возможность такой замены).

- ошибочная локализация: структура словаря строится на схеме административно-территориального деления СССР 1962 г., при этом Пустозерск локализован в Мезенском р-не Архангельской области. В действительности Пустозерск с 1929 г. находится в составе Ненецкого национального (с 1977 — автономного) округа.

Последнее обстоятельство прямо указывает на то, что составители словаря не пытались выяснить местную норму и предложенная ими замена «е» на «ё» в слове «Пустозерск» является грубой ошибкой. В докомпьютерную эпоху эта ошибка хранилась в словарях, сейчас же возможности легко разместить и править в Интернете любой текст создают поистине катастрофическую ситуацию. Опасность кроется и в том, что такое изменение написания влечёт за собой изменение произношения ойконима, а это справедливо воспринимается как нарушение целостности данного феномена и, в сущности, равносильно переименованию.

Пустозерск имеет историю длиной в половину тысячелетия, «Пустозёрска» не было никогда.

Ольга Вячеславовна Тюренкова

ГБУК Историко-культурный и ландшафтный музей-заповедник «Пустозерск»

А.В. Уланова (Москва)

Тихон Фаддеев – новое имя в антологии «Поэзия Московского университета

от Ломоносова и до...»

Тихон Дмитриевич Фаддеев (1879 – 1942) – выпускник Московского университета, врач-психиатр, ученый, писатель и поэт, участник Первой мировой войны^[87]. Личный фонд Тихона Фаддеева в РГАЛИ интересен не только вошедшими в него научными работами, но и литературными произведениями фондообразователя, среди которых рассказы, поэмы, пьесы, либретто для оперы и др. Немногочисленные, но заслуживающие внимания поэтические сочинения Тихона

Фаддеева позволяют включить его имя в антологию «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...».

Вероятно, самой ранней по времени создания является написанная гекзаметром шуточная поэма «Гимназиада» (б/д)^[88]. В пользу этого говорит как сама тема произведения – противостояние гимназической братии преподавателям мужской гимназии – так и использование автором псевдонима «Тихон Черноризец». Следующим по хронологии (1910 г.) был романтический «сон в 4-х действиях и 5 картинах» в стихах под названием «Фея»^[89]. Либретто для оперы «Богиня» создавалось в декабре 1912 г. и имеет многочисленные поэтические включения в текст. Оно посвящено «глубокоуважаемой Ольге Владимировне» (адресат пока установить не удалось)^[90]. Необходимо особо выделить две наиболее зрелые по поэтическому языку и драматичные по содержанию поэмы Тихона Фаддеева: «Тангейзер» и «Бхага». Они сочинялись в 1915 г., когда автор находился в действующей армии. «Тангейзер», написанный в местечке Микутелен – Хейнскишкен (Восточная Пруссия), датирован 17 января 1915 г.^[91] Поэма имеет авторское предисловие: «Рихард Вагнер, как известно, искажил легенду о Тангейзере, изменив ее в духе католической морали. Настоящее произведение является попыткой разработать эту легенду в первоначальном ее виде»^[92]. «Бхага» закончена 30 июня 1915 г. в крепости Новогеоргиевск, где Тихон Фаддеев служил старшим врачом Новогеоргиевского крепостного телеграфного батальона^[93].

На сайте «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...» будет открыта персональная страница Тихона Фаддеева, где традиционно появятся биография автора, фотографии, воспоминания о неожиданных встречах с выпускниками Московского университета на фронтах Первой мировой войны. Отрывки из его поэтических произведений будут доступны по электронному адресу <http://www.poesis.ru>

Уланова Анжела Владимировна

историк, помощник проректора

ГБОУ ВПО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Н.А. Фатеева (Москва)

Книга В. Кальпиди «Контрафакт»: пародия или всерьез?

Книга челябинского поэта В. Кальпиди «Контрафакт» (М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2010) имеет подзаголовок «Книга стихов и поэтических римейков», что позволяет воспринимать ее, с одной стороны, как самостоятельное произведение, с другой стороны, как «переделку»

существующих стихотворных произведений, которые наполняют известный образец новым авторским содержанием. Само заглавие при этом говорит, что перед нами некий новый продукт стихотворчества, однако созданный на основе существующего оригинала без соблюдения авторских прав. В связи с этим сам автор в предисловии к книге предлагает называть так называемые «римейки» не «римейками», а «контрмейками» или «загримированным плагиатом». В. Кальпиди и сам надевает маску: его лирическое «Я» это «Я» «маленького человека», проживающего в маленьком уральском городке Еманжелинске, который привлекает к себе внимание лишь фонетически звучным названием. Поэтому все тексты, вошедшие в книгу, написаны «без божества, без вдохновенья», а их поэтика может быть сближена с обэриутской, основными изобразительными приемами которой являются гротеск, алогизм и абсурдизм.

Кроме явных римейков, в книге представлены оригинальные тексты автора, в которых также сильно интертекстуальное начало и которые помогают соединить отдельные стихотворения в целостное структурное целое. Книге предпослана и серия эпиграфов, выделяющих главную тему книги – невозможность веры в Бога в условиях жизни, предписанных «маленькому человеку». И действительно, мир, представленный читателю, это мир, почти буквально «покинутый Богом» (*Бог был, а потом перестал; И медленно не было бога, / и молниеносно жилось*), в нем не верят Богу, а мечтают о нем, верят, не веря (*но берём напрокат / ново-русский расклад: / верить в бога, не веря ему*), в то время как Бог украдкой укореняется в человеке *метастазами молитв*. Неслучайно, первым римейком в книге является римейк стихотворения И. Бродского «В деревне Бог живёт не по углам». У Кальпиди Бог не живет всюду, как у Бродского, а как раз «прячется по углам» Еманжелинска, «*листая комикс Ветхого завета*». И если у Бродского задан шутливый божественный образ, за которым наблюдает «атеист», то у Кальпиди сам Бог «*внутривенно делает укол / проверенным снотворным атеизма*».

В книге Кальпиди также утверждается полное отсутствие творческого начала в жизни, что не позволяет художественной натуре быть самим собой в уральском провинциальном городке (*И здесь, каким бы ни был ты Кандинским, / тебя давно заклонило на «Клинском»*), где вся жизнь рассматривается сквозь призму черного квадрата Малевича, превращающегося в «квадратное очко внутри сортира». По мысли автора, Москве, в которой в пределах Бульварного кольца царствует власть денег, наплевать на всю остальную страну, особенно на ту, что находится за Уралом (*поэтому валяется страна / каким-то непредвиденным Уралом / да так, что за Уралом не видна*), и она обречена на вымирание. В этом смысле в такой стране не может быть речи ни о каком божественном замысле, поскольку *Тут даже Иоанна откровение / похоже на простое шарлатанство*.

Именно поэтому и все поэтические тексты приобретают в рамках книги перевернутое звучание, оборачиваясь своей «нулевой стороной». Это обнаруживает, прежде всего, «перевернутый» лирический текст Пастернака «Никого не будет в доме», где отрицательное местоимение *никого* приобретает свое буквальное значение (*Никого не будет в доме, / и у дома – никого. / О, последний день в проёме, / то есть ноль на месте – "0"!*). В римейке же на тему стихотворения Н. Заболоцкого «Некрасивая девочка» девочка, *охваченная счастьем бытия*, превращается в старуху, и речь идет не о загадке красоты (*Сосуд она, в котором пустота, / Или огонь, мерцающий в сосуде?*), а о том, как старая женщина прощается с жестоким миром, в котором она жила (*Для ангелов ночи она – как сосуд, / но, дёргая от отвращенья плечами, / они из неё, обознавшись, сосут / не душу, а тихую ярость прощанья*).

В книге также представлен римейк стихотворения Б. Пастернака «В больнице», где ужасные условия медицинского учреждения и невнимание медицинского персонала заставляют лирического героя выражать свое неверие и страх, а не обращаться с благодарностью к Богу (*И вот я лежу пред Тобой на спине, / живот прикрывая подушкой. / Я верю в Тебя, но не верю Тебе, / всё время боюсь потому что*).

Римейку также подвергаются в книге стихотворение Ф. Тютчева «Она сидела на полу» и стихотворение Н. Заболоцкого «Читайте, деревья, стихи Гезиода». В первом римейке героиня, отчаявшись получить «*знак небесного происхожденья*», умирает, и тот, кто мог бы его подать, перекусывает пуповину ее исходящей душе (*Тем временем её душа / наружу вышла через спину, / и он, волнуясь и спеша, / перекусил ей пуповину*). В римейке же стихотворения Заболоцкого утверждается невозможность диалога с природой, так как она погибает от вмешательства человека, при этом сам человек лишен гармонии и превращен в безликое *населенье*, которое не учит природу своему языку, а играет с ней *на щелбаны*.

Таким образом, все классические тексты в книге В. Кальпиди «Контрафакт» приобретают статус «перевернутости», подделки, каковой является сама жизнь в Еманжелинске в изображении автора. Это заставляет понимать входящие в книгу стихотворные «римейки» не как пародийные миниатюры, а как прямые высказывания с трагедийным подтекстом.

Фатеева Наталья Александровна

д. ф. н., в. н. с. ИРЯ РАН

А.И. Федута (Минск)

«Лучше жить в глухой провинции...» (Письма К. Контрыма В. Анастасевичу)

Имя Казимира Контрыма (1762—1836) хорошо известно исследователям культуры Польши, Беларуси и Литвы. Адъюнкт Виленского университета, Контрым был одновременно его библиотекарем и активно занимался общественной деятельностью. Благодаря Контрыму получило поддержку студенческое общество филаретов, отправился в путешествие по странам Востока Юзеф Сенковский, опубликовал свои первые работы Иоахим Лелевель. Контрым также не

был чужд литературному творчеству: в переводе на русский язык уже в 1830-е годы были опубликованы его травелоги; печатался он также в «Виленском дневнике» и «Бруковых ведомостях».

Вместе с тем, работ, посвященных его роли в культурной жизни университетского Вильно, крайне мало. Известны еще довоенные публикации Станислава Пигоня и монографическое исследование Здислава Скварчиньского. При этом сохранилось значительное число документов, раскрывающих его позицию и деятельность: дневники и воспоминания современников, переписка самого Контрыма. Одному из сохранившихся эпистолярных комплексов и будет посвящен наш доклад. Это неопубликованные письма Контрыма известному литературному деятелю России первой трети XIX века, служащему канцелярии Виленского учебного округа, затем помощнику начальника Отдела польского и малороссийского права в Комиссии составления законов Василию Григорьевичу Анастасевичу (1775—1845). Анастасевич был также цензором (в частности, именно он выдал цензурное разрешение на публикацию «Конрада Валленрода» Адама Мицкевича) и одним из создателей российской литературной библиографии.

Письма Контрыма к Анастасевичу – не просто переписка двух знакомых. Фактически это история взаимного информирования двух деятелей культуры. Контрым сообщает Анастасевичу последние виленские университетские новости (что позволяет адресату скорректировать свое видение ситуации в университете и судить о ней не только по официальным источникам), взамен получая информацию о выходящих в столице книгах. Анастасевич одновременно лоббирует свои интересы: ему очень хочется получить докторскую степень Виленского университета. В переписке упоминаются имена И. Лелевеля, А. и Я. Снядецких, Ф.В. Булгарина, Ю. Сенковского. В целом, публикуемые нами документы вносят новые краски в известную нам историю культурной жизни города трех народов – Вильны / Вильно / Вильнюса.

Александр Иосифович Федута

к. филол. н., доцент Европейского гуманитарного университета

(Вильнюс, Литва)

А.А.Фролов (Тверь)

О двух интерполяциях к Уставу новгородского князя Святослава Ольговича

1137 г. ("а се обонезьскыи ряд" и "а се бежичьскыи ряд")^[94]

Одно из ранних свидетельств того, что финансовое положение князя в Новгородской земле было обеспечено сборами со значительных территорий, — Устав кн. Святослава Ольговича 1137 г. Он

сохранился в виде приписки к Синодальной кормчей 1280-х годов и дошел в двух списках - 2-ой половины XIV и конца XV - начала XVI в. [3]. Устав описывает структуру княжеских доходов в новгородском Заволочье и устанавливает принадлежность десятой доли этих доходов Дому св. Софии. Текст Устава содержит две интерполяции, озаглавленные как «а се Обонезьский ряд» и «а се Бежичьский ряд». Это перечни пунктов в Обонежье и Бежичах (14 и 6 соответственно), с которых князем также отчислялась церковная десятина.

А.Н. Насонов рассматривал запись об "Обонежском ряде" как синхронную остальному тексту Устава, А.А. Зимин [2], а за ним Я.Н. Шапов и В.Л. Янин отнесли появление интерполяций к более позднему времени (XIII в.). В.Л. Янин полагает, что особые права князя в Заволочье были ликвидированы в связи с разделением Новгородской земли на метрополию и периферию и с формированием на периферии, в зоне соприкосновения владений новгородцев с землями Владимирского великого княжества, пояса "волостей новгородских" или т.н. "системы совладений", куда новгородский князь доступа не имел. В качестве компенсации, по В.Л. Янину, новгородский князь и получил территорию в Обонежье и вокруг Бежиц.

Такая трактовка оставляет без объяснения два обстоятельства: 1) Бежицы, как и Заволочье, числятся среди волостей, пограничных с Владимирским княжеством (начиная с древнейшего из известных договора Новгорода с князьями), поэтому смысл такого обмена остается неясен; 2) Заволочье и после формирования "системы совладений" фигурирует как регион, на доходы с которого претендует (и иногда - безуспешно) новгородский князь (проекты договоров 1264, 1305-1307 гг., договор 1307 г. [1. №1,6,7,9,10,14,15]).

На мой взгляд, увязывать появление интерполяций к Уставу с формированием "системы совладений" нет оснований. Устав и интерполяции - как дополнение, а не замена его - определяют финансовую сторону отношений Новгорода с новгородским князем, а договоры, где фиксируется режим совладения, - с великим князем Владимирским.

Я.Н. Шапов датировал оформление "Обонежского ряда" и "Бежецкого ряда" 1263–1264 гг., А.В. Куза — 1230 г., В.Л. Янин — периодом между 1137 и 1225 гг. *Terminus ante quem* уточняется берестяной грамотой N 222 (не позднее 1217 г. по В.Л. Янину [4]), которая сообщает о конфликте с участием представителей колбягов (этнической группы, населявшей Обонежье) и предполагает разрешить его с помощью княжеского чиновника — детского. "Бежецкий ряд" явно игнорирует границу между «внутренней» и «внешней» зонами Новгородской земли, что указывает на его более древнее происхождение по сравнению с «системой совладений», просуществовавшей с территориальными изменениями до конца XV в.

Литература

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М; Л, 1949.
2. Памятники русского права. Вып. 2 / Сост. А.А. Зимин. М., 1953. С. 120.
3. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 80–90.
4. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 182-185.

Фролов Алексей Анатольевич
к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН

Л.С. Чаковская (Москва)

Маргиналии религиозного опыта: Фрески дура европос в религиозном контексте города

[без тезисов]

Чаковская Лидия Сергеевна
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Государственного института искусствознания

Е.А. Черных (Москва)

Выходная запись попа Упыря Лихого о написании им книги «ис коуриловице» как уникальный источник по истории древнерусской культуры

Надписи писцов, художников и переплетчиков на древнерусских пергаменных кодексах XI-XIV вв. играют особую роль в исследованиях по палеографии и кодикологии, сохраняя ценные сведения по истории книгопроизводства в Древней Руси, деятельности отдельных писцов и скрипториев. Нередко они содержат важную историческую информацию и являются уникальным источником по истории древнерусского языка, письменности и культуры^[95].

Ярким подтверждением приведенного тезиса служит выходная запись писца попа Упыря Лихого о написании им книги по заказу князя Владимира Ярославича. Оригинал записи утрачен; она сохранилась в нескольких списках кон. XV – сер. XVI в. Упырь Лихой сообщает о том, что кодекс был переписан за семь месяцев, в период с мая по декабрь 6555 (1047 г.). Запись датируется по младшей из двух дат — по времени завершения книгописных работ. В качестве заказчика кодекса упомянут старший сын Ярослава Владимировича Мудрого — новгородский

князь Владимир Ярославич (1030-1052). Писец не сообщил своего крестильного имени, ограничившись мирским - Упырь Лихой, т. е. Вампир, Кровопийца. Скорее всего, это языческое имя-оберег, которое он сохранил, даже став священником^[96].

Запись начинается со слов: «Слава тебе, господи, царю небесныи...» - начальный оборот древнейших выходных записей XI в., представляющий собой словесную инвокацию, сходную с богословием латинских средневековых грамот^[97]. Далее следует: «яко сподоби мя написати книги сии ис коуриловице». Выражение «ис коуриловице» (в списках есть разночтения: «куриловице», «коурилоце») стало предметом научных дискуссий. Поскольку в списках Книг пророческих с толкованиями содержатся отдельные глаголические буквы и целые слова, переписанные, очевидно, попом Лихим механически, возникло предположение, что он писал с глаголического оригинала, следовательно, первоначально в Новгороде в XI в. глаголица называлась кириллицей и была азбукой, изобретенной Кириллом Философом^[98]. Е.Ф. Карский полагал, что само по себе воспроизведение писцом отдельных глаголических букв не свидетельствует о глаголическом протографе списка 1047 г., и указывал на сохранение в поздних списках черт кириллического оригинала попа Лихого. Ученый считал, что под «куриловицей» писец подразумевал не глаголицу, а письмо югославянского типа, отличное от русского устава^[99]. Е.И. Мельников трактует выражение «написати ис куриловице» как «написать кирилловскими буквами»^[100]. А. В. Поппэ принадлежит остроумная концепция, согласно которой «курилоце» - это искаженное «курлькъ» - образец, а выражение записи «написати ис куриловице» следует понимать как «написать с образца»^[101].

Черных Елена Александровна

аспирант кафедры истории России МПГУ

С.Ф. Членова (Москва)

Между изображением и словом: искусствовед-литератор Н.А.Дмитриева

Среди видных отечественных искусствоведов минувшего века Н. А. Дмитриева выделялась своей «литературностью». В полемике со сторонниками «точных методов» в гуманитарных науках, она утверждала, что работа искусствоведа есть просто работа литератора, пишущего на определённые темы...»^[102]

Дмитриева свободно и широко сопоставляет художественный и литературный материал во многих работах, в т.ч., в книге «Изображение и слово». В неизданной монографии «Об интерпретации искусства» она прослеживает жизнь «Божественной комедии» Данте в образах мировой и отечественной культуры на протяжении пяти веков — от Боттичелли и Микеланджело до Манделштама и Олеси.

Известны (хотя, конечно, не так, как её «Краткая история искусств») и собственно литературоведческие работы Дмитриевой, героями которых стали Данте, Томас Манн, Чехов. Её статьи – сравнительный анализ творчества Достоевского и Диккенса, к сожалению остались неизданными.

В охватывающих почти полвека неопубликованных дневниках Дмитриевой немало страниц занимают смелые обобщенные формулы о творчестве разных писателей, в первую очередь, о Чехове, любимом с юности, суждения о героях классических произведений, часто парадоксальные (напр. «Записки из подполья», Дон Кихот, «Золотой телёнок» и др.), впечатления о литературных новинках, встречах с писателями (Эренбург, Петров и др.). Интересны составляемые ею время от времени поэтические и прозаические антологии. В связи с мыслью перейти из Института истории искусств, где её регулярно «прорабатывали» за недостаточную идейность, в Институт мировой литературы, в дневнике появляются перечни тем по теории литературы, которыми она хотела бы и могла бы заняться:

1) Логика парадокса.

2) Поэтическая интонация, как содержательная форма.

3) Жизнь сказочных сюжетов (народная сказка — миф — Андерсен – Е.Шварц).

Дневники Дмитриевой, которые она вела крайне нерегулярно, весьма напоминают записные книжки писателя. В них фиксируется то, что может потом пригодиться для сочинений: тончайшие, с колористическими подробностями, зарисовки природы, сценки (уличные, в метро, поезде, парикмахерской, магазине и т.д.), истории, сюжеты случаи из жизни, подслушанные диалоги, выразительные словоупотребления, напр., «выковоренные» (народная этимология от «эвакуированные») и т.д.

Действительно, некоторые из них впоследствии обнаружались в её мемуарных и художественных произведениях.

К сожалению, художественные работы Дмитриевой: рассказы, сказки, стихи, мемуарная автобиографическая проза, переводы в разных жанрах, – за малым исключением остались неопубликованными, как и её дневники.

Светлана Федоровна Членова

НИВЦ МГУ, Член Ассоциации искусствоведов

Символика и мифология на границе: проводник к бесконечному и позитивный стандарт научности

«Символика и мифология древних народов» (1-ое издание 1810-1812 гг.[1]) Георга Фридриха Крейцера практически не известна современным гуманитариям, однако в свое время она оказала значительное влияние на становление изучения мифологии. Фридрих Шлегель утверждал, что Крейцер «открыл» науку о мифе, или, вернее, благодаря своему пытливному уму вернул ей ее былое достоинство. Крейцер за поколение до Бахофена представляет свое исследование древней религии, открывая «темную сторону» древней Греции; истоки оргий и культов он искал на Востоке. В Германии начала XIX в. понятие Востока включало Египет, Османскую Империю, Персию и Индию. До колониальных исследований именно неопределенность понятия «Восток» и делала его столь пугающим и одновременно привлекательным. Крейцеру Восток представлялся родиной первого религиозного чувства, альтернативой классической западной традиции эстетики, рациональности и морали, а символ как таковой выступал для него как первый способ выражения, только вслед за ним – миф и логос.

Говоря о первых символах, содержащих в себе ясно и незамутненно данную истину, выражающих бесконечное содержание в конечной форме, Крейцер ищет исторические доказательства в свидетельствах древнего образа мысли: исторических источниках, изображениях, этимологиях. Он опирается на философские системы Плотина и Прокла, выстроенные по модели неоплатонической теории эманации (уменьшение степени совершенства бытия от высшего источника к следующим), которая для него выступает моделью исходной системы всего человечества, и основанием поисков первого монотеистического истока древних мифологий.

Укорененное как в археологии, так и в идеалистической философии, понятие символа Крейцера оказало влияние на лекции Гегеля по эстетике, а его интерпретация дионисийских и элевсинских мистерий выступила основанием для поздней идеи философии мифологии Шеллинга. Карл Юнг прочел всю «Символику ...», когда работал над «Метаморфозами и символами либидо» (*Wandlungen und Symbole der Libido*, 1912) [2, s. 108]. Влияние текста «Символики...», находящегося на границе философского откровения и филологической точности, распространилось и на XX в., выступив сильной и противоречивой альтернативой неогуманистическому образу античности [3, p. 122].

Как и романтики, Крейцер понимал идеалистическую философию (немецкий идеализм) как учение эзотерическое, доступное лишь избранным [4, s. 67-68]. Основания своего понимания классической филологии как дисциплины, субдисциплиной которой была для него символика, Крейцер заложил в 1805 г. [5]. Он утверждал, что в основании филологии должно лежать

тождество реального и идеального миров. Опираясь на представления Шеллинга в «Философии и религии» о греческих мистериях, Крейцер указывал на то, что эзотерическое руководство по историческому миру филологии должно предшествовать эзотерическому руководству к философскому Абсолюту. Средства для такого эзотерического руководства лежат для него в сфере мифа. Хотя учеными Просвещения миф был определен как язык «детства человечества» или даже эпохи варварства, еще Сократ и Платон признавали пользу символов и аллегорий при введении учеников в мир высших философских истин. В представлении Крейцера филология должна служить проводником к загадочной и прекрасной (идеалистической) философии. На этом этапе, предполагал он, ученик испытает то же религиозное переживание, сопряженное с потерей индивидуальности, какое было вызывала греческая поэзия.

Литература

1. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 4 Bde. Leipzig; Darmstadt, 1810–1812.
2. Guigniaut J.D. Religions de l'antiquité, considérées principalement dans leurs formes symboliques et mythologiques. Paris. 1825.
3. JammeCh. Einführung in die Philosophie des Mythos. Bd. 2, Neuzeit und Gegenwart. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991.
4. Williamson G. S. The LongingforMyth in Germany: Religion andAesthetic Culture fromRomanticismto Nietzsche. Chicago: University of Chicago Press, 2004.
5. Creuzer to Savigny (Nov. 16, 1799) // Briefe Friedrich CreuzersanSavigny / Ed. H. Dahlmann. Berlin: EricSchmidtVerlag, 1972.

Анастасия Владимировна Шалаева

преподаватель Школы философии Факультета гуманитарных наук; стажер-исследователь ИГИТИ им. А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета

И.А. Шаронов (Москва)

Эмоции как инструмент диалогического взаимодействия

Эмоциональные симптомы человека – разного рода жестовые, мимические и звуковые проявления, за которыми угадывается ментально-эмоциональное состояние человека, его реакция на внешнее или внутреннее воздействие. Сведения о внутреннем состоянии собеседника, выражаемые через его симптоматику, играют немаловажную роль в процессе социального взаимодействия.

В нашем кругу мы все владеем одним искусством – мы изумительно *умеем читать по лицам сановников*. И даже я, при моей близорукости, прочла сейчас на лице министра, что против вас что-то затевается. (Е. Шварц. Тень).

Коммуникативные функции симптоматики таковы, что способны заменять собой самостоятельные языковые выражения, реплики диалога. Это свойство симптоматических знаков находит отражение в художественных произведениях. Авторы рассказов или романов могут интерпретировать информацию, передаваемую симптоматическими сигналами через диалогические реплики.

Во взгляде у Прохорова: «Ну, как?» У Гуревича: «Все путем».

[В. Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги командора

Некоторые мимические выражения в определенных ситуациях настолько стереотипно выражают эмоциональное состояние человека, что даже не требуют комментариев и символически передаются на письме изолированными пунктуационными знаками – вопросительным и восклицательным. Ср.:

– Кирилл, смотаемся в перерыве?

– ?

– На "Плату за страх"?

– ! (В. Аксенов. Апельсины из Марокко).

Эмоциональная симптоматическая реакция может вступать в конкуренцию со стандартным языковым высказыванием в ситуациях, когда собеседник ждет реакции на свое сообщение. В некоторых случаях, писал Макс Мюллер, «одно краткое междометие может быть выразительнее, точнее, красноречивее длинной речи» [Мюллер 1865: 282]. Чаще всего «говорящей» функцией обладают вторые реплики диалога, иллокутивно зависимые от первых, или иницирующих реплик. Выраженное через жест или произвольный междометный выкрик эмоциональное состояние непосредственно выражает оценочную реакцию человека на то, что он только что услышал. Из симптоматической информации легко выводится информация, аналогичная произнесенной ответной реплике. Рассмотрим конкретные примеры.

«Неужели мошенники? – тревожно спросил у гостя маг, – неужели среди москвичей есть мошенники?» В ответ буфетчик *так горько улыбнулся*, что отпали все сомнения: да, среди москвичей есть мошенники.

(М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Предыдущий пример демонстрировал согласие, подтверждение предположений собеседника. Противоположные по оценке симптоматические знаки вызывают реакцию говорящего лица, заставляют его останавливаться в развитии сообщения, усилить аргументацию того положения, которое вызвало сомнение или удивление собеседника. К таковым относятся, например, недоверчивое хмыканье, передаваемое на письме междометием *Гм (Хм)*.

Шатен внезапно преобразился: – Ну, а... лик... всевидящего? – *Гм*.

– То есть как это – гм? А звезды?! Разве ничего вам не напоминают?..

(В. Ерофеев. Записки психопата).

Недоверие, сомнения в истинности или в серьезности услышанного может также прятаться в формах сильного изумления. Поэтому говорящий часто в ситуациях удивления собеседника тем, что он услышал, делает некоторые дополнительные речевые усилия, чтобы восстанавливая необходимую для продолжения коммуникации гармонию.

– Вы атеисты?!

– Да, мы – атеисты, – улыбаясь, ответил Берлиоз <...>.

– **Ох**, какая прелесть! – вскричал удивительный иностранец и *завертел головой, глядя то на одного, то на другого литератора*.

– В нашей стране атеизм никого не удивляет, – дипломатически вежливо сказал Берлиоз, – большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о божестве (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Итак, учет в диалогическом взаимодействии симптоматических реакций – это способ речевой экономии, возможность не использовать языковое высказывание, а также контроль за степенью взаимопонимания и за степенью искренности собеседника.

Шаронов Игорь Алексеевич

д. филол. н., проф. кафедры русского языка

Института лингвистики РГГУ

Концепт пути: маргиналия или центр смыслового пространства русской культуры?

1. Особая значимость концепта пути в русской картине мира как следствие специфической особенности структуры пространственно-временного континуума России – Евразии: преобладания пространства над временем. Российские писатели, мыслители, ученые о ключевой роли пространства как фактора цивилизационного бытия и цивилизационного сознания России.

2. Многозначность концепта пути в российском духовном космосе, наличие в нем различных, в том числе противоположных значений как одно из проявлений «пограничного» характера российской цивилизации. Пересечение (хотя и неполное) семантических полей понятий «путь» и «дорога». Принадлежность «культуры дороги» (Т.Б.Щепанская) «к теневой сфере русской этнической культуры, где были сосредоточены разнообразные скрытые, эзотерические и альтернативные доминирующей традиции элементы»¹.

Вместе с тем, образ дороги в русской культуре неразрывно связан с архетипом странничества, очень глубоко укорененном в духовном субстрате нашей цивилизации. Образ странника – константа русской жизни, как в народной «почве» («калики перехожие», паломники, богомольцы, образы Христа и Богородицы как странников в народных представлениях, нашедших отражение в апокрифических памятниках, например, в имевшем широкое распространение апокрифе «Хождение Богородицы по мукам»), так и в среде интеллигенции (мотивы странничества в творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тютчева, Толстого, Достоевского, Блока и др.).

3. Беспоповское согласие староверов-странников как концентрированное и наиболее полное проявление феномена «странничества»². Его особая роль в истории России: данная конфессия-изолят как цивилизационная альтернатива³. Многозначный концепт пути как центр смыслового пространства эсхатологической доктрины основателя бегунского согласия Евфимия и его последователей.

4. Поливалентность символа дороги в российском духовном космосе: дорога как пространство необычное, неожиданное и пугающее; путь из освоенного пространства в чуждое и враждебное, из обычного, естественного порядка жизни в сверхъестественные сферы; перекресток как локус выбора судьбы; дорога как путь к святым местам, как место свершения подвига благочестия, как путь ухода от господствующей социальной реальности, ее норм и правил и как путь возврата к древним идеалам «правды» и «лада». Концепт пути как центральная идея русской утопической традиции.

5. Тема странничества в современной культуре. Воспроизведение архетипа странничества и мифологемы дороги в молодежных субкультурных сообществах (байкеры, ролевики, диггеры, хакеры и др.). Восприятие ими дороги (в соответствии с традицией), как мистического пограничья, зоны перехода в иную реальность, как маргинального пространства вне социальных предписаний и норм.

Осознание ключевой роли концепта пути в российском духовном космосе частью видных представителей отечественной научной и философской мысли второй половины XX в. – от М.М.Бахтина⁵ до Н.Д.Арутюновой и других авторов сборника, изданного в Дубне Международным университетом природы, общества и человека⁶.

6. Противоречие между реальным местом концепта пути в центре духовного пространства российской цивилизации и «выталкиванием» культуры дороги в «теневую сферу» русской этнической культуры как проявление одной из определяющих отличительных черт цивилизационного строя России – Евразии – антиномичности.

Шемякин Яков Георгиевич

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Института Латинской Америки (ИЛА РАН)

О.Д. Шемякина (Москва)

Место архаики в имперском дискурсе и в культуре русского авангарда:

периферия или остров?

В литературных произведениях, написанных с имперской точки зрения, сословные различия между сельскими, городскими и «благородными» людьми описывались как глубинные, близкие по своему характеру к расовым. Отношение к собственным подданным как к покоренным, а к собственной территории как требующей заселения и «окультуривания», направляемых из одного центра, порождало практики внутренней колонизации, вторичной колонизации собственной территории¹.

Под влиянием национализма современного типа – демократического и антиаристократического менялись практики внутренней колонизации и их культурных представлений. Европейский модернизм широко использовал эстетизированные образы

наивного или архаического искусства. В России такое восприятие традиционного привело к оценке крестьянской культуры как экзотической и заслуживающей эстетизации, что способствовало развитию множества художественных явлений – от абрамцевской школы до увлечения коми шаманизмом Василия Кандинского².

Отдавая должное авторам концепции внутренней колонизации, считаю нужным в развитие заявленной проблематики поставить вопрос о присутствии (sic!), а не о колонизации архаики в литературе русского авангарда, в творчестве Д.Хармса и А.Введенского.

Изучение ментальных практик внутренней колонизации предполагает наличие пространственно упорядоченной структуры, состоящей из центра и периферии, и не важно, существует ли эта структура в реальном физическом пространстве или является воображаемым конструктом.

В художественном языке авангарда невозможно выделить «центр» и обрисовать «периферию», «главное» и «второстепенное». В нем упразднены все оппозиции разума, сколько бы их ни было, он манифестирует текучесть и размытость границ явлений, двусмысленность и «неготовность», невозможность и нелепость отчетливых рациональных суждений³. И в этом контексте уместнее говорить не о новых практиках внутренней колонизации (идея центра оказалась упразднена), а о свободной диффузии разных смыслов культуры (культурные перегородки демонтированы), в которых архаика занимает особое место в творчестве авангардистов по праву соприродности методу мышления, философствованию древнейшего типа, предполагавшему возможность слитности и нераздельности ночи и дня, суши и воды, живого и неживого.

В этом мире все пронизано потенцией к трансформации, поэтому не существует ничего окончательного. Смерть, несчастье, бесчеловечность, подлость – все не окончательно. Смерть всесильна и вездесуща, но нелепа, глупа и абсурдна, а зло потешно⁴.

Живое дыхание архаики ощущается не только в реанимировании представлений о вечной неготовности бытия к остыванию в окончательных формах, но во всплытии совершенно конкретных фольклорных сюжетов. Так, «беспокойные покойники» Хармса явственно напоминают ряженых покойников святочного действия, в которых происходила имитация обряда похорон с последующим «оживлением» мертвеца, когда в конце «отпевания» или прощания «покойник» начинал «заподрыгивать» (вскидывать то руку, то ногу), а то и драться. А сюжет «Гостя на коне» А.Введенского до мелочей напоминает рассказы о черте, разъезжающем на удавленниках, утопленниках и опойцах, превратившихся в ездовых лошадей, имеющих вместо передней ноги с копытом человеческую руку.

Авангард родственен аутентичной архаике с одним существенным различием – архаика поселяется в повседневности, но сходство с фольклорными сюжетами и ритуальными играми не предполагает сохранения маркеров сакрального пространства календаря и признаков инаковости нечистой силы, обоснования ее отличий от мира людей. Все буднично и просто, повседневно, но повседневность насыщена миражами архаики. А это, в свою очередь, ставит вопрос о статусе повседневности в культуре XX в., ее «островного», а не периферийного положения. Это место, где происходит самопорождение человеческой реальности, место, где царит особенное, случайное, избыточное⁵. Повседневность допускает маргинальное и утопичное и именно поэтому открывает широкие перспективы для трансформации идентичности.

Шемякина Ольга Дмитриевна
кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века
исторического факультета МГУ

Г.Г.Шеянов (Москва)

Сквозь границы (история одной семьи)

Генеалогические исследования приобрели довольно широкое распространение в постсоветской России, а любители генеалогии выработали неплохие механизмы взаимодействия и обмена опытом. Нередко генеалогия становится своеобразным «хобби» для людей, не имеющих гуманитарного образования. Любители генеалогии активно обмениваются информацией с краеведами, однако, на поле академических гуманитарных наук любительские генеалогические исследования занимают маргинальное положение.

Результаты одного из таких исследований, окрашенные некоторыми штрихами местного колорита, и будут представлены аудитории. Речь пойдет о судьбе трех поколений еврейской семьи, происходящей с берегов Западной Двины. Это рассказ о пересечении людьми границ – географических, временных и культурных. И о преломлении человеческих судеб этими границами. Первая Мировая Война, российская смута, угроза голодной смерти в Поволжье, автограф Сталина на расстрельном приговоре, строительство советского общества – исторические вехи первой половины XX века служат лишь расплывчатым фоном для портретов людей.

Цель доклада – привлечь внимание аудитории к генеалогическим исследованиям, как к возможному источнику изучения истории и культуры.

Шеянов Григорий Геннадьевич
к. мед. наук, врач детской поликлиники №32 г. Москвы

А.Д.Шмелев (Москва)

От премудрого до смешного: еще раз о хохме и остроумии

0. Как известно, слово *хохма* исторически восходит к древнееврейскому слову со значением 'мудрость'. Соответствующее понятие под церковнославянским наименованием *премудрость* или же греческим именем *Софии* (σοφία) стало одним из ключевых концептов русской религиозной философии (исходное слово *хохма* при этом обычно не упоминается).

1. По-видимому, слово *хохма* было заимствовано в русский язык через посредство языка идиш, в котором произошел семантический переход от смысла 'мудрость' к смыслу 'шутка'. Как известно, типологически переход от смысла 'мудрость' к смыслу 'смешное' не представляет собою чего-то необычного: так, немецкое *Witz* 'шутка, остроумие' имело раньше значение 'знание' (от глагола *wissen* 'знать'); английское *wit* может означать и 'ум', и 'остроумие' и родственно слову *wise* 'мудрый'. Ср. также русское *остроумие* (первоначально – 'острота ума'). Впрочем в идиш указанный переход, возможно, был связан с сарказмом, как в известном анекдоте, в котором об Эйнштейне говорится: «И что, с этой хохмой он собирается выступать у нас в Одессе?»

2. Функционирование слова *хохма* в русском языке, по-видимому, связано с тем, что народной этимологией слово *хохма* оно было возведено к глаголу *хохотать* или существительному *хохот* (*хохма* — это нечто такое, что заставляет людей смеяться). Его производные *хохмочка*, *хохмить* и *хохмач* уже никоим образом не ассоциируются с мудростью.

3. В «Национальном корпусе русского языка» первое употребление слова *хохма* зафиксировано в странном с точки зрения современного языкового сознания выражении *взять на хохму*, используемом в романе «Гарпагониана» Константина Вагинова (1934) по отношению к перекупщику Анфертьеву и означающем обман при купле-продаже. После этого примеров вплоть до 1960-х в НКРЯ нет.

4. За пределами НКРЯ до 1960-х мы обнаруживаем несколько примеров употребления слова *хохма* в качестве каббалистического термина, в транскрибированном названии талмудических трактатов, а также единичные примеры отсылок к еврейскому слову в философских сочинениях. В 1920-е – 1930-е есть два-три примера использования в печатных изданиях слова *хохма* по отношению к специфическому «одесскому юмору».

5. По-видимому, едва ли не самый ранний пример употребления слова, соотносимого с новым значением слова *хохма* в русском языке, обнаруживается в письме Дмитрия Богрова своему приятелю, написанном 1 декабря 1910 (оно было опубликовано в книге: А. Мушин. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Париж, 1914). В этом письме Богров замечает, что его «репутация "веселого малого", "хохмача" еще не окончательно подорвана».

6. Слово *хохма* и его производные стало почти общеупотребительным начиная с 1960-х, причем еврейское происхождение слова *хохма* многими носителями русского языка никак не ощущается, хотя иногда о нем вспоминают (чаще всего люди, знакомые с еврейской традицией, напр. Борис Слуцкий в стихотворении «Гebraизмы»). Впрочем, его употребительность, достигнув максимума к 2005, в последние годы стала снижаться.

7. В современном русском языке слово *хохма* может использоваться в качестве названия речевого жанра (напр., в сочетании *рассказать хохму*) и в качестве обозначения остроумного действия или веселого розыгрыша, который может быть осуществлен и в неречевой форме –

упомянем использование этого слова в романе Александра Солженицына «В круге первом» (в некоторых изданиях соответствующая глава так и называлась «Хохма»; напомним, что первый вариант романа был написан в 1959). Это свойство присуще и ряду аналогичных слов; напр. *шутка* – название речевого жанра, но *сыграть шутку* – неречевое событие (глагол *пошутить* соотносится с «речевым» пониманием, а *подшутить* – с «неречевым»).

8. Виды *хохм*: смешное событие (*Вчера приключилась хохма*); (речевое действие, направленное на то, чтобы рассмешить слушателей (глагол *хохмить* чаще всего обозначает осуществление таких речевых действий); действия (возможно неречевые), направленные на то, чтобы вызвать смех (*учинить хохму; отмочить хохму*); смешная составляющая некоего события или высказывания (*хохма заключалась в том что...*).

9. Часто слово *хохма* указывает на забавный розыгрыш, ставящий своей целью подшутить над кем-то и посмеяться над человеком, попавшим в ловушку: человеку сообщают заведомую небылицу, но аранжируют ее таким образом, что человек попадаетея и верит ей (в довольно близком значении иногда используется слово *покупка* — производное от имеющего это значение глагола *купиться*). Такого рода *хохмы* любят устраивать по отношению к новичкам их более опытные товарищи в армии, на флоте, а также в разнообразных экспедициях: археологических, геологических, спелеологических.

10. В повседневной городской жизни такого рода розыгрыши, как правило, осуществляются лишь раз в году — первого апреля. Отсюда клишированное выражение *первоапрельская хохма*. Сущность *первоапрельской хохмы* опять-таки заключается в том, чтобы преподнести небылицу таким образом, чтобы адресат речи в нее поверил, и посмеяться над его излишней доверчивостью. Когда нечто представляется столь неправдоподобным, что наблюдатели не могут в это поверить, приходится специально предупреждать, что это *не хохма*. Когда идея обмана выходит на первый план, смысл, связанный с шуткой и смехом, оказывается устраненным (*взять на хохму*). Злые розыгрыши иногда тоже называют *хохмами* (цель в том, чтобы позлить человека, оказавшегося ее мишенью, или сделать его объектом насмешек).

11. *Хохмами* называют также забавные происшествия, заставляющие людей посмеяться, и рассказы о таких происшествиях. В отличие от веселых розыгрышей, случаются независимо от воли их участников и не связаны с желанием позабавить или позабавиться (*случилась хохма, получилась хохма, вот хохма была*). Если ожидается смешное (хотя, скорее всего, не очень приятное для участников) происшествие, об этом часто говорят: *будет хохма* (нередко слово используется иронически, с некоторым сдвигом).

12. Если нечто *стало хохмой*, то это значит, что это вызывает смех. Отсюда выражения *для хохмы, ради хохмы, в качестве хохмы, в порядке хохмы 'для смеха'*.

13. *Хохма* как речевое произведение – это то, что говорится не всерьез, может быть выдумкой, не соответствовать действительности. Поэтому возможен вопрос: *Это хохма или на самом деле было?*

14. Слово *остроумие* сохраняет в русском языке двойственность: оно может указывать как на остроту ума или житейскую хитрость, так и на умение сказать нечто смешное. Об Исааке Кагане из романа «В круге первом» (который, кстати, и приставал к Рубину с требованием новой *хохмы*) в той же самой главе говорится, что он «попал на шарашку благодаря своему выдающемуся

остроумию» (т. е. хитрости), но там же упоминается и *остроумие* Рубина, состоящее как раз в способности к *хохмам*.

Шмелев Алексей Дмитриевич

д. филол. н., проф. кафедры русского языка МПГУ

Институт русского языка им.В.В.Виноградова РАН

Е.Я. Шмелева (Москва)

Язык современной Русской церкви: стилистическая чересполосица

Жизнь и язык современной России отличается эклектикой, причудливым смешением разных стилей и жанров. В языке церковного и околоцерковного общения также с неизбежностью смешиваются элементы церковнославянского языка, высокого стиля традиционных церковных проповедей, язык советской литературы, канцелярский стиль, просторечие, русский язык XXI в. и др. В ряде случаев, как кажется, непонятно, как можно «обойти» это смешение стилей: например, постановления Архиерейского совещания, решения Соборов и пр. – это документы, написанные, как и должны быть написаны постановления, протоколы, решения, канцелярским стилем с подразделами: заслушали, постановили и пр. Однако отличие церковных постановлений состоит в том, что они принимаются «с благодарением Господу», ср.:

По обсуждению доклада Святейшего Патриарха, Архиерейское совещание приняло следующие постановления, касающиеся различных сторон церковной жизни.

1. Церковное управление

1.1. С благодарением Господу отметить успехи продолжающегося устройства жизни Русской Православной Церкви (Постановления Архиерейского совещания 2.02. 2010)

На новостных сайтах рассказы о церковных праздниках и событиях церковной истории, как правило, заканчиваются ссылкой на «источник» (агентство новостей, телеканал и пр.), что создает комический эффект, ср. приводимый Ириной Левонтиной в статье с замечательным названием «Грех по месту жительства. О стилистических макаронизмах» (stengazeta.net 7.09. 2005) рассказ о празднике Преображения, который заканчивается словами: *Услышавшие это апостолы испугались и пали ниц, сообщает РИА "Новости" (rumbler.ru 19.08.2005)*

Другой тип «стилистических макаронизмов» обнаруживается в устной речи священнослужителей и прихожан, а также людей, пишущих на церковные темы, авторов православных журналов и сайтов^[103]. В Интернете вывешены смешные объявления над свечными ящиками, в большинстве из которых комический эффект вызван не столько содержанием объявления, сколько несоответствием стиля объявления нашим представлениям о церковной речи: *освященные церковные изделия возврату и обмену не подлежат; свечи, купленные на улице, в храме не действительны; храм будет закрыт в связи с проведением технических мероприятий по подготовке к Пасхе*. Примеры советизмов нередко встречаются и в речи Святейшего Патриарха Кирилла: *... группа бедных, никому не известных людей стала не просто коллективом единомышленников; Это чувство локтя, чувство желания общими усилиями сделать добро для своей страны (о комсомольцах, которые ехали на БАМ!), Подвиг партизан и подпольщиков имел огромное значение не только в плане нанесения материального ущерба врагу и др.* Но еще чаще в речи высших церковных иерархов и в речи Патриарха встречаются приметы речи «эффективных менеджеров» XXI в.: *Жизнь человеческой души - это самое главное, ведь от состояния души зависит качество нашей жизни; Ответ богословия вызовам современной эпохи; Наши позиции совпадают по многим проблемам, которые современный мир ставит перед христианами; С духовной точки зрения успешный человек — это личность, живущая в гармонии с Божественным замыслом и о себе, и о других; Собственно говоря, позитивная повестка дня - это не лакировка действительности (в последнем примере примечательно сочетание модернизма позитивный и советизма лакировка действительности).*

Шмелева Елена Яковлевна

к. филол. н., с. н. с. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Е.Л. Шнитке (Москва)

Освоение письменного языка вчера и сегодня:

берестяные грамоты и письма современных детей^[104]

Самый беглый взгляд на образцы древней письменности и текстов, порожденных современными детьми, обнаруживают поразительные сходства. Прежде всего это касается внешнего вида, однако более подробный анализ позволяет выявить и другие сходства в этих видах письменности, касающиеся структурных особенностей построения текста. Цель настоящего исследования состоит в а) выявлении и классификации этих сходств на примере берестяных грамот и детских писем; б) теоретическом обосновании этих сходств; в) привлечении результатов исследований детского письма к исследованиям ранней письменности. Основным тезисом работы является положение о том, что сходства между берестяными грамотами и детскими

письмами обусловлены тем, что и те и другие представляют собой письменность на начальной стадии развития.

Корпус

Берестяные грамоты. Было исследовано около 500 грамот, относящихся к разным археологическим слоям. Для исследования графических особенностей грамот использовались прориси и фотографии на сайте www.gramoty.ru и описание грамот в работе Зализняк (2004). Для исследования структурных и дискурсивных особенностей отбирались грамоты с минимально поврежденным текстом. В общей сложности было обследовано 500 грамот, 334 из них содержат законченные фрагменты текстов.

Детские письма. База детских писем состоит 250 писем и одного дневника на 92 страницах, написанного пятилетней девочкой.

Анализ

Сравнительный анализ детских писем и берестяных грамот обнаружил типологические сходства по следующим параметрам.

1. Внешний вид

- а) письмо прописными буквами (маюскульное письмо)
- б) беспробельное письмо (*scriptio continua*).
- в) зеркальное начертание букв
- г) использование пунктуационных знаков для разграничения слов или слогов

2. Механика письма: типы ошибок

- а) пропуски языковых сегментов: букв, слогов, слов, фраз
- б) повторы языковых сегментов: букв, слогов, слов, фраз
- в) буквенные метатезы (*дедушак* вместо *дедушка*)

3. Структурные особенности

- а) синтаксис: нанизывание, трудность сегментации текста на предложения
- б) прагматика: адресные формулы

Следует отметить, что сходства по параметрам 1а, 1б и 1г относятся к детским письмам самого раннего этапа «спонтанного» освоения письма, т.е. до начала формального обучения, в то время как для древней письменности и маюскульное, и беспробельное письмо, а также использование пунктуационных знаков для разграничения слов или слогов было нормой.

Теоретическое обоснование

Сходства между исследуемыми видами письменности невозможно объяснить простой случайностью. Более вероятно то, что они являются результатом типологических закономерностей, свойственных ранним этапам освоения письма. Это наблюдение согласуется с так называемым принципом униформизма или единообразия и равнозначности наблюдаемых языковых явлений в наше время и тех, которые происходили в прошлом. Принцип униформизма является рабочей гипотезой и главной *raison d'être* современной исторической лингвистики (Labov, 1994). Таким образом, исследование современных процессов освоения письма может послужить важным инструментом для интерпретации древней письменности.

Исследования детского письма

Серьезное изучение детской письменности началось в двадцатые годы прошлого столетия в лаборатории Л.С. Выготского и А.Я. Лурия (Выготский 1933, 1934; Лурия 1929). В западной науке интерес к детской письменности появился в шестидесятые годы прошлого века в связи с разработкой критериев оценки качества письма школьников (см. обзор литературы в работе Berninger & Chanquoy 2012). Наиболее значительными для анализа древней письменности достижениями в этой области представляются:

1. Определение стадий развития письма в зависимости от задействования таких процессов, как планирование, перевод мысли в текст, организации долгосрочной памяти и проверки написанного (Kroll 1981; Flower & Hayes 1981). Оказывается, например, что на ранних этапах освоения письма дети неспособны перечитывать написанное ими. На просьбы перечитать они «читают» то, что собирались написать, а не то, что действительно написали. Таким образом, такие механические ошибки письма, как пропуски или повторы, не отслеживаются неопытными писцами. Обнаруживается также, что на ранних стадиях освоения письма письменная речь значительно отстает от устной.
2. Разработка метрических критериев для оценки качества письма. Столкнувшись с сложностью вычленения таких единиц как предложения в детском письме, К. Хант постулировал терминальные единицы (T-units), определяющиеся как одно главное предложение и все примыкающие к нему подчиненные и фрагментарные элементы (Hunt 1979). Хантом было замечено, что длина таких Т-единиц последовательно растет по мере овладения письмом и является надежным показателем авторской зрелости пишущего. Следует оговориться, что показателем зрелости писца этот критерий может служить только на начальных стадиях, пока пишущий еще не овладел приемами стилизации, когда использование коротких предложений имеет функциональную нагрузку. Пилотный анализ нескольких десятков детских писем и берестяных грамот показал, что средняя длина Т-единиц коррелирует с интуитивной оценкой качества письма.
3. Нейро- и психолингвистические исследования письма. Исследования этого направления проливают свет на такие явления раннего письма, как пропуск букв (Лурия 1950) и использование знаков препинания для разграничения слов (Temple et al. 1982). В частности, оказывается, что понятие отрицательного пространства, т.е. понятие значимости пустоты, является психологически более сложным, чем понятие положительного, т.е. заполненного пространства. Этим объясняется предпочтение заполнения пространства при обозначении границы как в детском письме, так и в

историческом развитии письменности. Примечательно, что эта же практика наблюдается и в письме взрослых малограмотных пишущих (Yokoуama 2008).

Заключение

В работе показывается, что исследования овладения письмом у современных детей может послужить ценным инструментом в интерпретации многих фактов исторически ранней письменности.

Литература

- Выготский, Л.С. (1933/2008). "О педологическом анализе педагогического процесса". В В.В. Давыдов (ред.), *Педагогическая психология*. Москва: АСТ, Астрель Хранитель
- Выготский, Л.С. (1934/1999). Мышление и речь. Москва: Лабиринт
- Зализняк, А.А. (2004). *Древненовгородский диалект* (2-ое изд.). Москва: Языки славянских культур.
- Лурия, А. (1950). *Очерки психофизиологии письма*. М.: Изд. АПН РСФСР.
- Berninger, V., & Chanquoy, L. (2012). What writing is and how it changes across early and middle childhood development: A multidisciplinary perspective. In E. Grigorenko, E. Mambrino, & D. Preiss (Eds.), *Writing: A mosaic of new perspectives*. New York: Psychology Press.
- Flower, L., & Hayes, J. R. (1981). A cognitive process theory of writing. *College Composition and Communication*, 32(4), 365–87.
- Hunt, K. W. (1970). Syntactic maturity in school children and adults. *Monographs of the Society for Research in Child Development* 35 (1, serial no. 134).
- Kroll, B. M. (1981). Developmental relationships between speaking and writing. In B.M. Kroll, R.J. Vann (Eds.), *Exploring speaking-writing relationships: Connections and contrasts* (pp. 32–54). Urbana, IL: National Council of Teachers of English.
- Labov, W. (1994). *Principles of linguistic change. Vol. 1: Internal Factors*. Oxford: Blackwell.
- Luria, A. (1929/1978). The development of writing in the child. In M. Cole (Ed.) *The selected writings of A. R. Luria* (pp. 146–194). New York: M. E. Sharpe.
- Temple, C.A., Nathan, A.G., & Burris, N.A. (1982). *The beginnings of writing*. Boston: Allyn and Bacon.
- Yokoyama, O. (2008). *Russian peasant letters: texts and contexts*. 2 vols. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag.

Екатерина Леонидовна Шнитке

доцент Школы лингвистики

факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

**Геопоэтика «своего» пространства:
провинция в русском путевом цикле конца XIX века**

Ближе к концу XIX века взгляд путника в русских путешествиях в стихах все чаще устремляется не к удаленному пространству в этнокультурном смысле, но к собственному «привычному»: Иванов-Классик «Дорожные песни», А. Коринфский «Картины Поволжья», Омуревский «Сибирские мотивы», К. Случевский «Мурманские отголоски», А. Федоров «В башкирской степи», Ф. Червинский «Из путевых набросков», Д. Шестаков «Владивостокские ямбы», П. Якубович «В стране сопок (Из картин забайкальской природы и жизни)».

Европейские топонимы в путевых циклах этого периода встречаются редко, на их место приходят названия русских городов и регионов: Томск, Астрахань, Саратов, Царицын, Хвалынский, Егорье. «Безымянная провинция» (А. Белоусов) начинает наполняться содержанием. Путешествие в стихах причастно к формированию новых локальных текстов, в механизме создания которых внутренний, местный взгляд в его противоречии с внешним, столичным, играет решающую роль. В общекультурологическом смысле эта роль проявляется в ограничении «туристической» дискурсивности провинциального путешествия. В подобных стихотворных травелогах отсутствует любопытство как один из основных модусов путевой литературы. Отсюда, элементы инвективы и публицистичность – черты, отличающие путевые циклы последней трети XIX века.

Основные черты анализируемых путешествий в стихах – восторженность восприятия, этизация, изменение характера моделирования пространства, в частности, трансформации смыслоформирующей оппозиции «свой/чужой». Высокий духовный статус региона в иерархически организованной пространственной системе – идея, которую пытаются воплотить Иванов-Классик, Омуревский, А. Коринфский, Ф. Червинский. Ослабление оппозиции свой/чужой проявляется в общей бесконфликтности лирического героя и пространства, деконкретизации пространства.

Субъект таких путешествий принимает «мы»-позицию. Но уединенный дискурс, в рамках которого удавалось избежать географической патетики, по-прежнему транслируется через концепт деревни. Например, деревенские циклы с явным жанровым влиянием путешествия, а также описательной поэмы в этот период (например, «Сельские картинки и впечатления» А. Жемчужникова) Цикл открывается стихотворением «В вагоне за Москвою», в котором лирический субъект пытается осмыслить роль «края родимого», характер влияния «места» на человека. Между деревней и столицей – крайними точками пространственной картины мира цикла – пролегает уездный город как особая периферийная зона с бездорожьем, рытвинами и колдобинами. Повествователь увязает в грязи (метафора провинции – «болото»).

Вместе с тем, предел территориального «углубления» ощутим. «Провинция» подается в ореоле культурного «одобрения». И Нижний Новгород, и Псков, и Царицын – местные столицы. Примечательная черта циклов, посвященных русской провинции, заключается в том, что авторы не останавливаются в городах и уводят читателя за его границы. Город остается лишь топонимическим упоминанием, позволяющим более отчетливо указать регион описания. И только вне города возникает импульс к созданию поэтического наброска, усиливая ощущение пограничности и периферийности

пространства. Если же путешественник все же входит в город, как например, у К. Случевского в «Мурманских отголосках», то он обладает аморфной внутренней структурой («тут и улиц не найти»), размытостью границ, упирающихся в море, и «странной» населенностью («бабье царство»). «Небольшой городок» Царицын у Иванова-Классика тоже утрачивает структурированность, что проявляется в мотиве бездорожья и бесхозяйственности (разрушенных зданиях, обваленным береговым укреплением).

* * *

---

^[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 14-01-00033 "Культурные особенности этнолокальных групп русских в исторической ретроспективе и на современном этапе".

^[2] Владимир Броневский (1784 – 1835), Андрей Глаголев (умер в 1844 г.), Николай Лесков (1831- 1895).

^[3] Англичане Thomas Lumsden (время поездки 1819-20 гг.), Joachim H. Stocqueler (1800-1885) и Edward G. Browne (1862-1926); житель Данцига Carl Feyerabend (время путешествия: 1796-98) и рожденный в Познани Stanisław Karwowski (1848- 1917). И по одному из Франции и Швейцарии: Honoré de Balzac (1799-1850) и Daniel Schlatter(1791-1870).

^[4] Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 13-04-00363 "Языковые параметры философских и поэтических текстов в России и Европе 19-21 вв.")

^[5] В рамках проекта РГНФ № 14-04-00128 «Юмор в допетровской Руси: акт – текст – феномен культуры».

^[6] Впервые термин «Парижская школа» был употреблен арт-критиком Андре Варно в литературном журнале «Комедия» от 27 января 1925г. для обозначения группы художников, которые массово прибывали в Париж (квартал Монпарнас) в поисках лучших условий для жизни и творчества. В их числе - выходцы из Восточной Европы - евреи, спасающиеся от погромов и не имеющие возможности обучаться рисованию в школах Петербурга

^[7] Например, эссе «Жил-был художник Хаим Сутин», Григорий Анисимов, доступ: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/116/anis.htm>

^[8] «The Waters Reglitterized», San Jose, Calif.: John Kidis, 1950

^[9] «Гард. Годы рядом с Сутиным». Париж: Деноэль, 1973

^[10] Записки Василия Нащокина // Отечественные записки. 1830. Ч. 41. № 117.

^[11] Записки Василия Нащокина / Предисл. Д. Языков. СПб., 1842.

^[12] РО БАН. 1.5.45.

^[13] Так как В.А. Нащокин умер в 1759 или 1760 г., вероятно, записки были продолжены его сыном Воином.

^[14] Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1991. С. 53.

^[15] Доклад подготовлен в рамках проекта «Корпусное исследование синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров бассейнов Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)», грант РФФИ 14-06-00449.

^[16] Более того, по всей видимости, накладывался запрет на упоминание существования такого алфавита. По крайней мере, в [Сергеев 1955] вопрос о его существовании автором с осторожностью обходится.

^[17] Алфавит Крейновича так и не был использован для создания письменных текстов. Однако транскрипция Крейновича, на основе которой разработан алфавит, легла в основу текста (см. ниже).

^[18] На этом месте тезисы обрываются, так как докладчик желает сохранить интригу (Примечание оргкомитета конференции)

^[19] Работа выполнена на средства гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских учёных — кандидатов наук МК-4528.2015.6, проект: «Языковые и литературные контакты славян и евреев в средневековой Slavia Orthodoxa».

^[20] Под словом «роман» в данном контексте понимается произведение, написанное на романском языке, в отличие от произведений, созданных на латыни.

^[21] В русском переводе *Historia regum Britanniae* получила название «История бриттов»: *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.

^[22] *Wace*. Le Roman de Rou. Tome I. V.4. P. 3.P., 1971.

^[23] *Михайлов А.Д.* Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976 (2006). С. 15.

^[24] Термин вводится в [Ушакова 2011:51] и отражает способность языка осуществлять «транспортировку информации от одного человека к другому». В отличие от более привычного термина (информационная функция языка), он фокусирует внимание не на «грузе» (информации), а именно на «транспортном средстве» (языке).

^[25] См. об этом [Евграфова 2010]; при вынужденной коммуникации блокируется активность восприятия, отсутствует рефлексия над собственным текстом, преобладает имитативное поведение.

^[26] В интересном исследовании К. Титаева [Титаев 2012] о взаимоотношениях преподавателя и студентов провальными результатами обучения объясняются чисто экономически – автор говорит о явлении академического сговора (преподавателю невыгодно строго спрашивать, студенту невыгодно жаловаться на плохое обучение, то есть коммуникация успешна, но когнитивно бесплодна). Наблюдения показывают, что и безотносительно к контролю знаний коммуникация преподавателей и авторов учебников со студентами может быть когнитивно бесплодной. Поэтому, на мой взгляд, первопричину неэффективности обучения следует искать не в академическом сговоре (он, скорее, является следствием), а в самой педагогической коммуникации и неизбежных во время ее НДКН.

^[27] Г. Гусейнов пишет об этой проблеме, противопоставляя щедрых и жадных грамотных [Гусейнов 2012:40]. Ярко, убедительно высказывается в пользу стратегии «жадных грамотных» О.А. Седакова[Седакова 2004]; при этом она свидетельствует о том, что финское образование (которое сейчас считается одним из самых эффективных в мире) использует только стратегию «щедрых грамотных».

^[28] См. Приложение 1.

^[29] См. Приложение 2.

^[30] См. Приложение 3; замечу: поскольку настоящая публикация не является рецензией, а наблюдаемые ошибки вполне типичны, авторов и выходные данные цитируемых учебников не указываются намеренно.

^[31] См. Приложение 4.

^[32] См. Приложение 5.

^[33] См. Приложение 6.

^[34] См. Приложение 7.

^[35] См. Приложение 8.

^[36] Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1803. С. 8.

^[37] Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2002. С. 22 и след.

^[38] Шишков, цит. соч. С. 126.

^[39] Радклиф А. Таинства Удольфские: Творение Анны Радклиф. Пер. с фр. С... Ф... З... М., 1802. Ч. 1—4. О личности переводчика см.: Вацура В.Э. Готический роман в России. М., 2002. С. 116 и след.

^[40] Шишков, цит. соч. С. 129.

^[41] Проект «Экспедиция к селькупам и эвенкам Туруханского района Красноярского края», грант РГНФ 14-04-18018

^[42] Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК- 4924.2015.6)

^[43] Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 15-04-12050.

^[44] Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 14-04-00556).

^[45] Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 3-х т. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 3. С. 461.

^[46] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 246.

^[47] Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т.3. С. 176. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

^[48] Там же. С. 245.

^[49] Элиаде М. Указ. соч. С. 262.

^[50] Пропп В.Я. Русская сказка. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. С. 182.

^[51] Там же. С. 70.

^[52] Там же. С. 65.

^[53] См. подробнее: Зарецкий Ю.П. Теория литературных жанров и некоторые вопросы исторического изучения автобиографических текстов // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М., 2005.

^[54] [Ильин А.Я.] Из дневника масона. 1775-1776 гг. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1908. Кн. 4. Отд. 4. С. 1 - 15.

^[55] О функциях дневников см.: Борисов С.Б. Культурная антропология девичества: Морфология и генезис девичьей составляющей современной неофициальной детско-подростковой культуры // Тексты философской антропологии. Эл.ресурс: http://anthropology.ru/ru/texts/borissv/girlhd_0.html. Раздел 6.1.3.

^[56] Статья подготовлена в ходе проведения работы по проекту № 15-01-0114 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015 г.

^[57] Скан «Легенды о колоколе» выложен здесь: <http://ludenhoff.livejournal.com/216183.html> (с. 1–3), <http://ludenhoff.livejournal.com/216440.html> (с. 4–6), <http://ludenhoff.livejournal.com/216763.html> (с. 7–

9), <http://ludenhoff.livejournal.com/217027.html> (с. 10–11), <http://ludenhoff.livejournal.com/217101.html> (с. 12–13).

^[58] Текст «Легенды о колоколе» планируется выложить здесь: <http://ludenhoff.livejournal.com/217456.html>.

^[59] Скан «Истории старого образа» выложен здесь: <http://ludenhoff.livejournal.com/215836.html>.

^[60] И там же, кстати, в его фонде, есть еще и «Записки к автобиографическому роману» (РГАЛИ 2590-1-30).

^[61] Здесь и далее, если не указано иное, цит. по Национальному корпусу рус. языка (ruscorpora.ru).

^[62] Р. Якобсон. О лингвистических аспектах перевода. / Р. Якобсон. Избранные работы. Москва. "Прогресс", 1985.

^[63] Op.cit.

^[64] F. Schleiernacher. Des différentes méthodes du traduire et autres textes. Paris, Éditions du Seuil, 1999.

^[65] Текст стихотворения см.: *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 161.

^[66] *Смирнов С.<И>.* Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1914.

Приложение II: Исповедь земле. В «Богословском Вестнике», журнале, редактируемом свящ. П.А. Флоренским и автором которого в 1916 году становится Дурылин, была опубликована журнальная редакция этого же исследования: *Смирнов С.И.* Исповедь земле // Богословский Вестник. 1912. Т.2.

^[67] Об этом пишет известный историк старообрядческого движения С.А. Зеньковский: «нетовцы, которые занимали самое крайнее левое крыло раскола, учили, что “нет ныне в мире ни православного священства, ни таинств, ни благодати”, так как Антихрист уже пришел в мир. (...) Среди этих нетовцев сохранился обряд исповеди земле, который был распространен среди стригольников XIV века. Правда, исповедь земле была известна и на Востоке, но, кажется, проще вести филиацию этого обычая от русских стригольников Новгорода» (*Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. В двух томах / Сост. Г.М. Прохоров. Общ.ред. В.В. Нехотина. М.: Институт ДИ-ДИК, 2006. С. 136–137). Интересно, что практика исповеди земле сохранилась фактически по сей день; автор этих строк сама наблюдала ее в конце XX века в Тверской области.

^[68] Краткую библиографию этого сюжета приводит А.Л. Топорков в своих комментариях к «Стихам духовным...» Г.П. Федотова: *Топорков А.Л.* Комментарии // *Федотов Г.П.* Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. ст. Н.И. Толстого; Послесл. С.Е. Никитиной. Комментар. и подгот. текста А.Л. Топоркова. М.: Гнозис, 1991. С. 174–175.

^[69] *Федотов Г.П.* Стихи духовные. С. 75. Анализ этого же духовного стиха – во втором томе англоязычной книги Г.П. Федотова «The Russian Religious Mind [Русское религиозное сознание]» (Vol. I, 1946; Vol. II, 1948). Не случайно и то, что именно Г.П. Федотову – после булгаковской софиологии и мариологии – удалось подметить различие между образами матери-сырой земли и Богоматери. Как справедливо пишет С.Е. Никитина, «Богородица сострадает людям, а земля страдает от людей. Богородица – защитница и заступница грешного рода перед Богом. Мать-сыра земля, кормилица и “хлебодарница”, не в силах держать на себе людей “грешных и незаконных”, обращается к Богу с мольбой покарать их. И если в тексте из сборника Варенцова на просьбу разрешить ей “поглотить” грешников, Господь успокаивает ее сообщением о страшном суде, то в стихе из старообрядческого сборника XX века (Среднее Поволжье) мать-сыра земля сама просит о Суде: она плачет

Перед Господом Богом стоючи

Суда Божьего Страшна просючи:

Уж ты Господи, сам небесный царь,

Пошли, Господи, своего Суда,

Второго пришествия»

(*Никитина С.Е.* «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи // *Федотов Г.П.* Стихи духовные. С. 141).

* Доклад подготовлен в рамках проекта «Старообрядцы Латинской Америки: исследование языка и экономики», поддержанного грантом РФФИ № 14-04-00380.

[70] Работа выполнена в рамках гранта РФФИ «Корпусные исследования синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)» № 14-06-00449, рук. О.А. Казакевич.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-61-01005 а/П.

[71] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-04-00389 (а), «М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники: Энциклопедия».

[72] Цех поэтов. Кн. 3. Пг., 1922. С. 71; цит по: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем. В 3-х тт. Приложение. Летопись жизни и творчества. М., 2014. С. 212

[73] Мандельштам в архиве П.Н.Лукницкого // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С. 113.

[74] Адамович Г. Несколько слов о Мандельштаме (1961) // Осип Мандельштам и его время. М., 1995. С. 194.

[75] Ср. *karéz* диал. устар. 'ненависть, злоба, злопамятность', *garéz* (г. Самоков; с. Смолско в окрестностях Пирдопа; г. Кукуш в Эгейской Македонии, Греция). — Произв.: *karézlija* 'злопамятный, мстительный', *garézlija* (г. Самоков; с. Смолско), от тур. *garezli*; *karézçija* 'то же', *zakarezja*, *zakardzvam* народн., устар. 'ненавидеть кого-л. и обдумывать, как ему мстить'; *otgarezvam* 'выполнять какую-л. работу' (с. Доброславцы в окрестностях Софии), *otgarisuvam* 'мстить' (окрестности Софии); *skarézliv* 'привередливый в еде' (Странджа). — От тур. *garez* 'цель, намерение; ненависть, злоба', которое, в свою очередь, от араб. *garaq*. Формы с *k* объясняются колебанием *g*↔*k* в начале многих заимствований в болг. из тур. [БЕР 2: 246].

[76] *Pará*, мн. ч. *parí* 'деньги', от перс. *pārā* через тур. *para* (заимствовано также в новогреч., сербохорв., арум., алб.) [БЕР 5: 59–60].

[77] От тур. *faýda* 'польза, выгода, интерес'.

[78] *Механджия*, *механеджия* 'тракторщик' (тур. *teуhanesi*): *механá* 'трактор, корчма' (через тур. *teуhane* от перс. *tājhanā*: *tāj* 'вино' и *hanā* 'дом') + суффикс деятеля -*джи(я)* (тур. *-ci*) [БЕР 3: 772–773].

[79] *Давам ексик*, *продавам ексик* 'обвешивать', ср. *ексик* разг., диал. 'недовес', от тур. *eksik* 'недостаток; недостаточный; меньше, меньше всего' [БЕР 1: 483].

[80] Таких, например, как употребление «твердо» вместо «фиты» вследствие регулярной передачи в болг. греческой буквы *θ* как *m*: (bogx) savawtx вместо savawθx (церковь монастыря св. Николая над с. Кладница, северная стена), отражение южнославянского рефлекса *ϕ* как *e* вместо *A* в соответствии с произношением: *izpisa se* (sqrkva) (Белёва церковь в Самокове, западная стена).

[81] Лексема характерна для западных говоров Болгарии.

[82] Образовано от глаг. *magésvam*, *magéсам* < аор. основы новогреч. деноминативного глаг. *μαγεύω* < сущ. *μαγεύα* [БЕР 3: 601]. Огласовка *magéсница* в отличие от *magьóсница*, которая встречается почти повсеместно в Болгарии [Плотникова 2004: 646, карта II-3-3], характерна для юго-западных говоров болгарского языка (южнее Софии), диалектные примеры см.: [БЕР 3: 601; Плотникова 2004: 653–654].

[83] Ср. болг. литер. *бръст(ът)* 'вяз'.

[84] Достаточно обратиться к печатным и электронным СМИ Архангельской обл. и НАО. К примеру: Археологическая экспедиция начала работу в Пустозерске//Правда Севера, 10 авг.2014; Л.Корепанова. Научный взгляд на Пустозерск// НарьянаВындер, 16 дек. 2014; С. Балашова. На родной земле Пустозерья// НарьянаВындер, 24 сент.2013;В.Почечикин. Пустозерские видения//Выбор НАО, 10 дек. 2012; www.chumoteka.ru. Пустозерск. Назад в будущее: гостевой пост от двух Иванов. 7 дек. 2012.

[85] ГБУК Историко-культурный и ландшафтный музей-заповедник «Пустозерск»; Объект культурного наследия федерального значения «Пустозерское городище»; природно-исторический памятник «Городище Пустозерск» и др.

[86] Этнонимы. М.: Наука, 1970; Словарь географических названий СССР. М.: Недра, 1983; Словарь ударений русского языка. М.: Рольф, 2000; Словарь собственных имён русского языка. М.: ООО «Издательство «Мир и образование», 2010.

[87] См.: Тихон Фаддеев. Воспоминания о войне. 1914 – 1915 годы. Жизнь на крови. М.: Радуница, 2014. С. 8–10.

[88] РГАЛИ. Ф. 521. Оп. 1, ед. хр. 20. Л. 1 – 35.

[89] РГАЛИ. Ф. 521. Оп. 1, ед. хр. 13. Л. 1 – 68.

[90] РГАЛИ. Ф. 521. Оп. 1, ед. хр. 14. Л. 1 – 45. Известно, что автор в возрасте 33 лет еще не был женат.

[91] РГАЛИ. Ф. 521. Оп. 1, ед. хр. 16. Л. 1 – 53.

[92] Там же. Л. 2.

[93] РГАЛИ. Ф. 521. Оп. 1, ед. хр. 17. Л. 1 – 69.

^[94] Работа выполнена по проекту “Трансграничные взаимодействия и контактные зоны: античный и средневековый опыт” (рук. И.Г. Коновалова) программы Президиума РАН “Историческая память и российская идентичность”.

^[95] Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV вв. - М., 2000. - С. 3

^[96] Там же. - С. 13.

^[97] Ср.: in Nomine Trinitatis, in Gottes Namen. Инвокационная формула древнерусских выходных записей не была устойчивой и почти никогда не сводилась к упоминанию Бога-Троицы. См.: Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI-XIV вв. на пергаменных кодексах. - М., 1998. - С. 76-78.

^[98] Черепнин Л.В. Русская палеография. - М., 1956. - С. 100; Щепкин В.Н. Русская палеография. - М., 1967. - С. 25.

^[99] Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. - Л., 1929 (фототип. перизд.: М., 1979). - С. 363-364.

^[100] Мельников Е.И. О древнерусских названиях славянского письма («куриловице», «словенская грамота», «литоца» // *Byzantinoslavica*. - 1967. - Vol. 28. - P. 125.

^[101] Поппэ А.В. «Ис курилоце» и «ис куриловице» // *USLP*. - 1985. - Vol. 31/32. - P. 319-350.

^[102] *Н.А.Дмитриева* «О строгости терминологии искусствознания» // *Психология процессов художественного творчества*, Л.: Наука, 1980. С. 267-268

¹ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М., Индрик, 2003. С. 17-18.

² Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.) Томск, 2007.

³ Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Конфессия-изолят как цивилизационная альтернатива// *Общественные науки и современность*. 2012. № 2. С. 110-125.

⁵ См., например: Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб., 2000. С. 177-178.

⁶ Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 3-17 и др.

¹ Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением// Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. С. 14-15.

² Там же. С. 28-29.

³ Якимович А. Магическая Вселенная. Очерки по искусству, философии и литературе XX века. М., 1995. С. 46.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Малявин В.В. Мир. Идентичность и повседневность: некоторые русско-китайские параллели// Малявин В.В. Средоточия: Избранные эссе, доклады, интервью, рецензии. Иваново, 2011. С. 163-179.

^[103] Ср. приводимые Ириной Левонтиной канцеляризм и советизм в речи монахини Макарьевского женского монастыря: *Грех чадоубийства в утробе можно снять и по месту жительства* и др. (stengazeta.net 7.09. 2005).

^[104] Доклад основан на статье Schnittke, E. “Why Historical Linguists Need Children: Birch Bark Letters in Light of Writing Acquisition”, *Mind, Culture, and Activity*, (1), 2016.